

Ольга Новикова
УБИТЬ?

УБИТЬ?

ЛЮБИТЬ!

Владимир Новиков
ЛЮБИТЬ!

о́льга но́викова,
влади́мир но́виков

о́льга но́викова

УБИТЬ?

роман

владимир новиков

ЛЮБИТЬ!

роман

МОСКВА 2007

ББК 84Р7-4
Н73

оформление — Александра Хлыстова

Н73 Новикова О.
Убить? Роман.
Новиков В.
Любить! Роман.
М.: Время, 2007. — 496 с. — (Самое время!)
ISBN 978-5-9691-0247-7

Журналистка Маша самоотверженно любит обаятельного политехнолога Катенина, а он лишь хладнокровно пользуется ее чувством... Как женщине защититься от вечного мужского вероломства? Как мужчине не оказаться жертвой справедливой женской мести? Роман Ольги Новиковой «Убить?», помимо сюжетной тяги и психологической беспощадности, — это своеобразная школа выживания. Прочитайте книгу, и вам не понадобится психоаналитик. Вы сами сможете распутать клубок отношений с Ним или с Нею.

Роман Владимира Новикова «Любить!» — ответ на роман его жены Ольги Новиковой «Убить?». В этом писательском дуэте она — прокурор, он — адвокат. Герой романа «Любить!» Юрий Петров, сердцем привязанный к своей замечательной жене, вдруг пускается в амурные приключения, переживая за короткий срок целых три влюбленности. Осудить застенчивого донжуана проще простого. Но его поведение так типично для нашего времени... Да, мужская полигамия выходит из стыдливой тени.

ББК 84Р7-4

© Ольга Новикова,
Владимир Новиков, 2007
© «Время», 2007

ISBN 978-5-9691-0247-7

о́льга но́викова

УБИТЬ?

роман

КАК Я ПИШУ

(несколько слов от автора)

«Ты пишешь близко к реальности», — сказал один из моих прототипов. Самый мудрый и терпеливый.

А молодые натурщики не выдерживают, перекавалифицируются из друзей во врагов. Кто? Дмитрий Быков, например, прототип Мити из моего романа «Три товарища, Агаша, старик». Говорят, сильно обиделся. Удивляюсь: я с любовью писала... Думала, получился герой нашего времени. Положительный... Эссе сочинила, в котором предлагала открыто объясниться, — но нет, сбежал молодой человек...

Роман Виктюк, ставший героем моего «Мужского романа», затерялся в кулисах.

Уходят герои... Прозаик, прототип «русского Киплинга» из «Четырех Пигмалионов», умер в тот день, когда была дописана его линия в романе...

«Разделись, отдели жизнь от литературы!» — советуют. Я даже пыталась — не получается. Так и живу — таскаю на себе мешок, в котором сидит профессия и руководит моими маршрутами. Вторгаюсь в запретные, табуированные зоны — не по расчету, а по природному творческому влечению. Тынянов назвал это «империализмом конструктивного принципа». Прототипы — граждане моей внутренней империи. Я их люблю, а они... Боятся страстного отношения?

Окололитературные эксперты думают, что у них есть ключ к моим романам. Ну, кого они вычислят теперь?

Не надо стараться: в каждом герое и героине прежде всего зашифрован сам автор... Гиперболизирую то, что удивило, что боль причинило или радость... Обиды сперва изживаю, а потом описываю... Если друг оказался вдруг... — придумываю сцену изнасилования, если ловлю себя на низкой мысли, на женской ревности — придумываю героиню и все отдаю ей.

Журналистка Маша в романе «Убить?». Отравила она любовника? Могла отравить — вот что важно. «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал...» В сюжете собраны мужские поступки, которые сами мужчины не замечают, а женщины считают преступлением.

И не думайте, что если мои герои — писатели, технологи, юристы, то это не про вас... Как невропатолог, ударяю молоточком, и нога пациента дергается, независимо от его профессии. Инстинкты, чувства голенького человека описываю... Психологию...

Началось все с «Женского романа» (1993), где я первый раз безотчетно переступила границу между жизнью и литературой. Теперь уже пять моих романов собраны в книгах «Приключения женственности» (2003) и «Четыре Пигмалиона» (2005). «Убить?» — шестой. Дюжина повестей и новелл, образующих цикл «Вымыслы», печаталась в журналах. В соавторстве с мужем Вл. Новиковым написала книгу «В. Каверин. Критический очерк», наш цикл эссе «Дневник двух писателей» сначала выходил в столичных газетах, сейчас продолжается в питерском журнале «Звезда».

Куда заведет меня литература — не знаю...

ПРОЛОГ

«МЕНЯ ОТРАВИТЬ НЕ ТАК-ТО ЛЕГКО»

— Дяденька, дайте копеечку... День рождения у меня... Могу паспорт показать, — выпалила девочка-худышка. Протараторила меланхолично, без выражения, как в метро и электричках произносят текст всем известного сценария: «сами мы не местные», «извините, что к вам обращаюсь».

Откуда она взялась?

Демонстративно игнорируя Машу, попрошайка вклинилась между ней и Катениным в середине обшарпанного перехода под Новым Арбатом и, пятясь спиной, назойливо и настойчиво подсовывала именно ему свою раскрытую ладошку. Не бело-розовую, а сероватую от местной пыли и грязи. Ручонка двигалась как маятник, и оголенный пупок, до которого по последней, очень неудобной моде не доходили черные синтетические бриджи, вжимался в плоский живот. От возбуждения или от холода подрагивал?

Смотреть на нее было зябко: наружные минус пять царили в насквозь продуваемой подземной трубе, облицованной белой и голубой, местами выбитой плиткой. Морг да и только. И пахнет здесь тлением. Рас-тлением.

Катенин, не сбавляя шага и ритмично прихрамывая, хладнокровно похлопал себя по карману, потом

скосил глаза на Машу — удивляешься? — и объяснил свой жест:

— Если тебя задели или толкнули, всегда проверь, на месте ли кошелек.

Не прошептал суетливо-испуганно, а сказал громко, внятно. Будто приказал. Отвязная побирושка вняла команде: притворно оскорбилась и отскочила к стене, где ее подруга, явно обкуренная, отрешенно перебирала гитарные струны. На деревянной тарелке обе угнездились.

И люди, и собаки сразу отстают от тех, кто их не боится.

— А почему она паспорт хотела показать? — спросила Маша, когда они с Катениным уже выбрались из новоарбатского андеграунда на Новинский бульвар и по правой его стороне шли к «Смоленской». Той, где стены похожи на пчелиные соты.

— Почему? — Катенин сощурил глаза и хитровато ухмыльнулся. Не Маше улыбнулся, а своим мыслям. — Почему? Доказать, что она совершеннолетняя. Мол, проблем с законом не будет. И вторую за просто можно снять... обеих к себе привести... — Он замолчал, наслаждаясь Машиной оторопью.

А она замерла посреди тротуара, губы раскрыла, глаза свои голубые выкатила и уставилась ему в грудь. Будто маленькая. Но недолго топталась на месте. Тряхнула головой и заставила себя пойти вперед. Растерянность однообразна и, значит, скучна.

«Закрой рот, дура! — скомандовала себе Маша. — Подумаешь, проститутки! Все знают, что Москва ими кишмя кишит».

Но все-таки задело то, что Катенин с ней легко, почти нахально говорит про каких-то девиц. Да еще с подробностями. По собственному опыту, что ли, знает? Ведь те, кому слегка за шестьдесят, заглядываются не на нас, сорокалетних... Спросить? Отшутится или, что еще обиднее, промолчит. Имеет право: как еще реагировать на неуместные вопросы, если не хочешь ни врать, ни браниться...

И быстро, не посчитавшись с тем, что таким резким переключением царапаешь свою душу, Маша преобразовала ревность в показную заботу. О нем, о Катенине. Не о себе.

— А не опасно с путанами связываться?.. Могут же усыпить и ограбить.

Инстинкт самосохранения велел притвориться, что ее лично такие мужские игры не касаются. Инстинкт, который часто приходит на выручку женщинам, если у них разума не хватает.

В ожидании ответа пришлось задрать голову повыше, чтобы поймать взгляд высокого, смотрящего вдаль или вглубь себя, но точно не на Машу, Катенина.

Лицо его расплылось в довольной улыбке. Похож на кота, мурлычущего перед сметаной. И будто для полного сходства с домашним животным Катенин

еще и прошелся растопыренной пятерней-лапой по усам, потом пригладил короткую седую бороду и сунул руку в карман. Помолчал, снова улыбнулся то ли вспомненной, то ли воображенной картинке — кто знает? не спросишь же... — и уверенно пояснил:

— Конечно, тут уж не зевай. Начеку надо быть. Это и занятно. Отравить не так-то легко...

КАТЕНИН. ЖЕНАТЫЙ И СВОБОДНЫЙ

Отравить... Вот когда впервые было произнесено это слово. Сказано и вроде бы забыто. Вроде бы...

И все-таки, в самом начале имело место слово.

Катенин это слово, конечно, тут же... Что? Как это назвать? Сбросил в корзину, говоря компьютерным термином. Не оставил под рукой на рабочем столе, не положил в папку с документами, но и последнее — «очистить корзину» — не проделал. Не уничтожил, наводя порядок в памяти, а лишь победно, самоуверенно отмахнулся. От предупреждающего сигнала.

Так сортировать информацию, решать, что помнить, а что нет, он начал уже будучи взрослым, зрелым — где-то на цифре тридцать семь, как только снова встал на ноги после аварии. До тех пор ему ничуть не мешало то, что в его незаурядной (хоть с кем сравнивай) памяти застревало все подряд: чья-то небогатая грудь, эффектно подчеркнутая фасонистой кофтенкой (надо же, как сумела!), румяное лицо кассирши из подвального магазина университетской высотки, где он, студент физфака, покупал на ужин батон за тринадцать копеек и двести граммов докторской по два двадцать... Или когда в ушах звучала тема Меркуцио из прокофьевской «Ромео и Джульетты», и конечно, стихи, много разных стихов...

Почти четверть века тому назад судьба не просто уложила его на обе лопатки, а еще и подвесила на ме-

таллические штыри, вставленные в бедра, в пятки, в фаланги больших пальцев на обеих ногах. Шесть дырок. Вот откуда хромота.

Два позвонка при падении раздробились, так зачем понадобилось еще и уцелевшие кости просверливать? Да очень простая причина. За шестнадцать дней, что Катенин висел над больничной койкой под углом в тридцать градусов: ноги вверху, голова внизу — за это время тело под веревками бы загноилось... Пролежни... Мог начаться сепсис... К тому же из мяса железо вырывается.

Спасибо врачихе, решившейся учинить дополнительную пытку пациенту, очень и очень ей приглянувшемуся. Рискнувшей испытать один шанс даже не из одной тысячи, а из ста. Мизерной была вероятность, что сломанный позвоночник срастется.

Первая мысль, посетившая Катенина, когда он, уже распятый после операции, пришел в сознание, была почти женская, романтическая, навроде того: а счастье было так возможно, так близко. Сию же секунду захотелось метнуться назад — изменить прошлое. Прямо въяве представил, как сам садится за руль вместо того, чтобы уступить баранку усталому приятелю. Сердитому, нервному из-за того, что он-то все утро тупо просидел с удочкой и ничего не наловил, а Катенин на его глазах без сожаления — как обычно — выбросил обратно в реку первую рыбину в локоть длиной и вскоре

выудил одного за другим двух черноглазых судаков, еще крупнее.

«Ну, везунчик, собирай манатки, поехали!» — с угрозой в голосе буркнул бывший однокурсник, как только небо тревожно потемнело и серо-зеленая лента реки пошла крупными пузырями — верный знак того, что дождь скоро кончится. Самый клев! Тут бы посопротивляться... Но в душе удачливого, здорового, самоуверенного Катенина так громко тогда играл победный марш, что его раскаты заглушили слабенький писк тревоги, предчувствие беды, которое было, было... Теперь-то он точно вспомнил.

Опасно небрежничать. Опасно для жизни.

Такого ужаса, как сейчас, в больничной палате, — от сравнения того, что могло быть и что случилось, — Катенин не испытал даже в тот момент, когда очнулся в перевернутом «жигуленке» посередине перекопанного картофельного поля. Один. Как потом выяснилось, приятель-шофер, поцарапанный, но целый, выбрался из машины и километров пять бежал прочь, куда глаза глядят. От нервного шока. И от подсознательной зависти. А брошенный им Катенин с перешибленным позвоночником долго, нудно полз на руках до обочины, то и дело утыкаясь лицом в забытые, начинающие подгнивать картофельные клубни. И последнее, что он помнил: грузовик, жидкой грязью обдавший его, и так перемазанного, да еще черная «Волга» притормозила, но не остановилась...

Кровью истек или замерз бы «везунчик», если бы не чеченская старуха, которая везла на телеге ворованное сено для своей коровенки. Заметила раненого и подобрала. Не бросила. Дело было в низовьях Волги, за долго до кавказской кампании девяностых годов.

Но тогда, под сумеречным небом с еще не добравшей яркости полной луной, главным был азарт — выжить! А тут, в больничной одиночке, когда ничего сделать уже не только нельзя, но и не надо, боль сгустилась до такой черноты, что терпеть ее не было никакой мочи. Вот она, крайняя степень отчаяния. Черным квадратом стоящая перед глазами.

И как бы глубоко потом ни затягивала Катенина судьба-жизнь в свою воронку, он всегда спохватывался и, отталкиваясь от платформы, которую почти материализовал своей картиной Малевич, пробкой летел наверх, к свету. По-собачьи чуял приближение грозы, угрозы... Помудрел и, угадывая заранее, что может подтолкнуть его к бездне, не ступал на ведущую к отчаянию тропинку.

Алгоритм для себя выработал: холодной головой, как про чужого, решал, что можно предпринять, чтобы минимизировать потери. Если ничего сделать нельзя, то искал, где совершил ошибку, всегда ее находил и даже радовался. Чему? Да хотя бы полученному уроку. В общем, фильтровал базар несчастий и постепенно почти из всего, как алхимик, научился добывать крупницы счастья. Из предательства друга,

из измены женщины, из карьерной неудачи... Так легко все это получалось, что он стал слегка самонадеянным. Чуть-чуть. Чтобы ни другим, ни самому себе не быть противным. Ну, инстинктивно избегал тех, кто жалуется, глуховат стал к чужим страданиям. Тут ничего не поделаешь: победа редко достается без потерь.

Уже через год после аварии, когда кто-нибудь просил Катенина показать удачные его фотографии, он из озорства подсовывал черно-белый рентгеновский снимок своего позвоночника из учебника по спинальной хирургии. Уникальный случай больного К., вернувшегося к полноценной жизни. Было чем погордиться. То есть опять же порадоваться.

А через два года убили его брата-погодка — та первая катастрофа оказалась только прививкой горя.

Погиб физик-теоретик Катенин, профессор молодой, но уже известный. Такая случилась нелепость... В толпе у метро какой-то хмырь проткнул Петру почку остро заточенной спицей. С кем-то спутал... Врачи не сразу оценили рану, упустили время, а Катенина-старшего разыскали слишком поздно, через сутки.

Первые дни после гибели Петра почти каждую ночь Катенин вдруг просыпался и въяве представлял, как усталый, сердитый возвращается братец из французского посольства. По дороге звонит домой — жену известить, что получил-таки многообразную визу: че-

рез неделю он должен был ехать в летнюю школу своего имени в городке Ди недалеко от Гренобля.

Хоронили Петра на Кунцевском кладбище. Редкие снежинки падали на открытый лоб брата и не таяли. Катенин инстинктивно потянулся и смахнул их с застывшего лица. Петр лежал красивый, спокойный. Он и живой всегда немного прикрывал глаза, когда задумывался. И за тихой работой, и в рьяном застолье. Будто в зеркало, всматривался Катенин в скуластое бородатое лицо, к которому по несуетливой скорбной очереди наклонялись один за другим сперва знаменитые коллеги, потом безвестные сослуживцы, потом домашние друзья и родня.

Катенин последним прижал свои губы к мраморно-холодному лбу.

«Я хотел бы жить как можно дольше. Хоть мошкой...» — сказал как-то Петька.

В груди Катенина защемило, пришлось достать платок и, сморкаясь, промокнуть глаза. Подумалось, что ничего страшного не было бы в том, чтобы лежать сейчас рядом... Или вместо него. Как бы хорошо... Вот только брат ни за что не подвинется, свое место не уступит.

Значит, остаюсь.

Надолго ли? Об этом он не думал.

С тех самых пор Катенин признавал единственный ограничитель времени и пространства — смерть. Все

остальное — возможно. Пробуй, добивайся... Главное — сам не урезывай свою свободу.

Теоретическую физику он еще в начале семидесятых решительно забросил. То есть буквально вынес из дома все научные книги, несколько коробок. Кое-что по родственникам распихал, а остальное отвез в библиотеку физтеха, из которого уволился, не дочитав до конца семестра спецкурс по квантовой теории света...

Уже тогда, в самый безнадежный и беспросветный застой, Катенин твердо, уверенно знал, что вулкан, над которым в семнадцатом году основалась советская империя, живет. Ожил!.. Слышалось ему подземное урчание!

Не все ли равно, в какую щель вырвется огонь свободной мысли... Ну, несколько поколений оболванили, как бы отучили самостоятельно думать, но ведь рождаются новые и новые младенцы...

В общем, уже тогда раскусил себя Катенин. Не было для него большего кайфа, чем следить, как и когда живая политика вырвется наружу из чиновничьих кабинетов и малогабаритных кухонь. А взбегать наверх по лестнице научной карьеры — слишком легкий для него подъем! Даже дыхание ничуть не сбилось, когда он защищал кандидатскую и потом утверждал тему докторской.

Другое, совсем другое — в политике. И со зрительского, приставного места видно, насколько там интенсивнее ротация, больше разнотипных людей

и непредсказуемых ситуаций. Борьба за приобретение и усиление власти так изощряет фантазию ее участников, что нет-нет, и поразишься их многоходовым комбинациям. Вот где интерес! Спокойно, как следует пораскинул мозгами Катенин однажды при свете полной луны, его частой помощницы — целая ночь ушла, ночь без сна — и согласился на предложение деканши МГИМО, одной из его временных дам сердца. (Постоянная, конечно, тоже была: перед окончанием университета Катенин женился на красавице-однокурснице. Женился по самой большой в его судьбе страсти, которая, к сожалению, миновала, к чему он отнесся как надо. Что поделаешь, все проходит.)

Дал уговорить себя и перешел на кафедру диамата в институт той дамы. Умная была женщина, сама, без какой-либо наводки с его стороны пообещала ни в чем не сковывать его свободу. И слово сдержала: никто не догадался о ее безоглядной преданности новому коллеге. Сорокалетняя дочь осторожного партийного тяжеловеса могла себе кое-что позволить. А Катенину и напрягаться не пришлось, чтобы растолковывать блатным недорослям антиномии Канта и гегелевскую диалектику. Хороших физиков и притом не философов — не бывает.

Уже через год ему предложили место проректора по научной части — отказался. Потом самые разные, порой неожиданные соблазны сыпались на Ка-

тенина так же регулярно, как сезон сменяет сезон. И не только карьерные. Чем ближе к власти, тем больше у тебя выбор молодых, красивых, ухоженных женщин. Заметил, заметил везунчик, что еще немного, еще чуть-чуть, и увязнет он... Про Катенина-политика уже начали говорить, писать. Женщин притягивает!

Ну, например, певица. Красивая, гибкий контральтовый голос... Но какая бездонная алчность... А вот другая! Третья... И что?

Еще одна бессонная ночь понадобилась, чтобы сообразить: теряю свободу.

Нет, женщин тут не вини! Сами мужики заслоняются от реальной жизни веерами псевдосердечных связей. А простор сужает именно публичная карьера. Скоро уже и охранника приставят, и в метро нельзя будет ездить... За себя не страшно, ну а если через семью позиционные противники попытаются доходчиво объяснить, что им требуется?

Дочка-то и сын вряд ли им по зубам, эти крокодильчики сами кому угодно могут голову откусить. Но есть же еще жена, внучка.

Жена совсем беспомощна перед агрессией. Как-то взял ее с собой на прием. Чтобы развлечь. Еле уговорил. Так она в обморок упала, когда деканша МГИМО нашептала ей свежую сплетню о том, как одному политику, из самых известных, прислали в картонном гробике фалангу левого мизинца его сына, виолонче-

листа. Вряд ли у нас, на севере, кто-нибудь бы взялся осуществить такую итальянскую мелодраму... Хотя чем черт не шутит... Укореняется в головах, а потом так или иначе становится явью.

Дочь, узнав о материнном обмороке, сразу примчалась на дачу и заявила отцу:

— Пора тебе утихомириться! Возвращайся в институт, защищай докторскую...

Как только прозвучало катенинское «нет», твердое и спокойное, жена жалобно прошептала: «Вадик, я хочу умереть раньше тебя», — и туго прижала к сердцу шестилетнюю внучку, забравшуюся к ней на колени. Так прикладывают кошку к больному месту, чтобы утишить страдание. Девочка инстинктивно ойкнула, но не заплакала: вся в деда.

— Мама, уложи-ка Юльку спать! — прикрикнула молодая мамаша.

— Плохо же ты знаешь свое единственное дитя, — усмехнулся Катенин. — Она не уйдет.

В общем, на семейном совете он не сдался, но оставшись один, принялся думать: что делать? Как и где работать? Искал подходящий ему вариант, анализируя прецеденты.

Если его мысль вставала на какую-то дорогу, то он всегда для полноты обзора находил высшую из возможных конечных целей. В науке это, конечно, не докторство и даже не членкорство, а статус генератора идей, который с годами доводит и до Нобеля.

Литературой занимаешься — так уж замахивайся на новое, на собственное «Преступление и наказание». А в политике... Теперь ведь даже президентство — ненадежная, не окончательная гарантия полной самостоятельности и самодостаточности.

Пожалуй, Катенину тут было бы удобно в позиции некоего Генерального Конструктора, чье имя до поры знают только работодатели. Понятно, что «инкогнитость» того же Королева была насильственной, и время было другое, но как вектор — вполне подходило.

И Катенин уволился из самой главной администрации, оставшись с единственным регулярным доходом — пенсией по своей давней инвалидности, в сумме... Да представления не имел он, сколько рублей ежемесячно поступает на книжку, открытую еще в студенческие годы в сберкассе возле метро «Смоленская». Может, и хватает на бензин для «бээмвэшки», которую водит жена. Сам он за руль теперь не садился.

Уволился Катенин, перестал давать интервью, не подставлялся под око телекамер на официальных приемах, куда приходил лишь тогда, когда точно знал, с кем из приглашенных ему нужно переговорить с глазу на глаз. Ценил контакты. Конечно, с разбором. Так ли уж надо, чтобы тебя знали все? Аристократ известен только тем, кто ему самому интересен. Именно с такими людьми встречался, мог с ними

и днем, и вечером спокойно пройтись по любой столичной или провинциальной улице.

Высокий, прихрамывающий, седобородый.

Никем не узнаваемый.

Вскоре заметил, что его слово порой значит больше, чем болтовня официально и телевизионно признанных политиков. И заработки не уменьшились. Настоящая известность, коли не разменивать ее на показательные фейерверки, способна сама собой, без специальных усилий поддерживать нужную жизненную температуру. Если продолжить сравнение с Королевым, Катенин стал одним из, так сказать, генеральных политтехнологов. Стопроцентно законопослушным: заключал официальные контракты, исправно платил налоги и брался только за неожиданные и по-настоящему заводные проекты.

Согласившись на работу, сперва уединялся, чтобы четко, только для себя, только для собственного внутреннего пользования, сформулировать поставленную задачу и разглядеть самый короткий путь ее решения. Действовал по принципу: лучше плохой план, чем никакого. Когда с наскоку сообразить не получалось, то уезжал из столицы — то есть принимал одно из многочисленных предложений, которыми забрасывали его официальные инстанции. Или, хитрова-то улыбаясь, давал уговорить себя жене с дочерью, чтобы они отправили его куда-нибудь к теплу, воде, солнцу.

Сбоя не было ни разу. Решение приходило иногда уже в самолете или в поезде. А потом, по ходу дела всегда открывалась цепь захватывающих, непредвиденных сложностей, ведь самый короткий и логически выверенный путь редко приводит к результату, особенно когда твоя профессия — пасти народы. Целое стадо, бывало, вел за собой Катенин, и чтобы до каждого дошло то, что он понимал с самого начала, приходилось, как Моисею по пустыне, долго вести людей по закоулкам, иногда в противоположную от чаемой цели сторону.

Вот никак не мог сладить с пятью коррумпированными важняками. За спиной одного из них, министра Потемкина, стояла бывшая катенинская пассия из МГИМО, застрявшая на той ступеньке, на которой он ее оставил. Уж она-то была уверена, что только благодаря ей Катенин сделал карьеру. Что он должен быть ей благодарным по гроб жизни. Жаль, не удержалась все-таки от мелкой мести. Испортила одно из приятных воспоминаний. Одно из многих... Ничего не поделаешь, с женщинами бывает...

Тут как раз и позвонила очередная журналистка с просьбой об интервью. Глубокий порывистый голос. Приветлива... Не льстит, не напрашивается... Ничуть не давит, а только предлагает, как будто особо не рассчитывая на успех. Добросовестно выполняет редакционное задание. Мелькнуло: интересно, какая она из себя?

Сколько таких «интересно» он пропускал мимо даже в молодости, а уж теперь, на седьмом десятке, тем более. Но сейчас эта мысль притянула за собой другую: а если разгласить кое-что, припугнув сопротивленцев? Опасно, конечно, и этически небезупречно... Очень осторожно нужно будет говорить. Стоит ли так рисковать?

Стоит... Не стоит... Азарт уже вел Катенина, и, слегка помурывив для порядку журналистку, он назначил ей встречу.

Журчание домофона сперва заглушили сигналы точного времени и механический голос диктора: «В Москве полдень...», залетевшие в открытую форточку. Катенин был на кухне. Обдавал кипятком чайник, прежде чем насыпать в него щепотку зеленого чая. «Надо же, какая точность», — отметил он, нажимая в коридоре на белую кнопку, которая открывает подъездную дверь. Уже вернулся на кухню, чтобы накрыть чайник салфеткой, как журчание повторилось. Не торопясь доделал начатое и только тогда снова отправился в прихожую. Теперь подержал палец подольше и сам вышел на просторную лестничную клетку. Навстречу гостье.

Тишина. Лифт не ожил. Катенин перегнулся через перила — проверить, сработал ли его домофон. И сразу попал взглядом в большие глаза на обращенном вверх открытом девичьем лице. Оно медленно вы-

плывало из-за поворота широкой лестницы, что огибала лифтовую шахту, заключенную в сетчатый железный панцирь.

— Красивые у вас перила... Модерн, да? — Звонкое сопрано гостыи, еще не дошедшей до нужного этажа, заполнило гулкое пространство, а сама она скрылась за следующим лестничным маршем.

Катенин помахал рукой и по пояс свесился вниз. Посмотреть, как движется девица. Безответственно поразглядывать.

Многие, очень многие прелестницы начинали к нему тянуться, чувствуя на себе его взгляд, пусть даже рассеянный. Безотчетно или осознанно — какая, в сущности, разница? В этом они похожи на продавцов, которые, заметив внимание покупателя, принимаются навязывать ему покупку. И на дешевом рынке, и в дорогом бутике, везде одно и то же. А может, все дело «в харизме, блин!» — которой добродушные сокурсники оправдывали катенинские мужские победы на физфаковских вечеринках, на... Далее везде... По молодости лестно, конечно, было, что и девочки, и дамы к нему так и липнут, а теперь утомительно стало не только начинать флирт, но даже прилагать усилия, чтобы они отвязались и не сердились. И уж совсем не хотелось обижать неопытных и нехищных. Не за что.

Та-ак, эта не топают. Не идет — плывет... Уже неплохо. Скорее в теле, чем худая. Что там скрывается

под длинным, до ладненьких икр, просторным платьем? Грудь при ходьбе чуть подпрыгивает. Лет тридцать пять, не больше... Русые волосы стянуты в хвост.

Вся открыта, но не вульгарно, не нагло. Не как отцветающая роза, а скорее как хризантема очень ранней осенью, когда все еще так неясно...

Цветок от ухода зависит, от погоды, от почвы...

От подхода.

МАША. ДОБРОВОЛЬНАЯ РАБЫНЯ

Журналистку звали Маша Милютина.

Ни в чем не ошибся Катенин, кроме ее возраста. Лицо и правда было девичье — румяный овал, не расплывшийся благодаря природе, спорту и еще тому, что она совсем почти не тратила душевных сил на бабское обуючивание жизни. На духовном сквознячке жила. Но годы-то ее были настоящие, взрослые. Дочери семнадцать и сын в армии.

Маша только что сделала ноги из «честного, но бедного» журнала, где приводила в божеский вид либеральную публицистику и сама пописывала аналитические статьи. Финансовые сложения-умножения привели ее в уважаемую газету, рожденную еще между двумя русскими революциями, более-менее державшую лицо в годы войн и ударных пятилеток, да еще не совсем пожелтевшую и опростившуюся для того, чтобы выжить в перестроечно-ремонтном хаосе.

Детишки не были алчными, много не требовали. Пятилетняя дочка, увидев в витрине заводного петушка за рубль семьдесят, говорила: «Мне, мамочка, только посмотреть, покупать не надо...» Но от этого еще больше хотелось их побаловать. И пока удавалось сделать так, чтобы они не страдали из-за сиротства.

Сиротство... Маша хладнокровно, не впадая в истерическое самобичевание, признавала, что их безотцовщина — это ее вина.

Ну и что?

Так сложилось. Не сразу, конечно.

На четвертом курсе журфака влюбилась она в преподавателя по стилистике. Молодой доцент и в ту пору даже известный критик, как всякий добросовестный новичок, выкладывался на каждом занятии. Выпендривался, конечно, поскольку сам еще не забыл студенческие годы и ясно видел, что хоть курс предпоследний, но все равно перед ним сидят почти дети. И дети довольно невежественные: не филфак, серьезных знаний тут не получишь.

Мионов сразу разделил группу на большевиков и меньшевиков, то есть на девочек, коих было большинство, и на мальчиков, которых по-мальчишески лажал при удобном случае. Спустит очки свои модные на кончик носа, расправит, насколько сумеет, сутулые плечи и строго, без улыбки глядя на того, кто поначалу осмеливался с ним спорить, внятно и громко скажет: «Знаете что, Костя? Подите попишите!» При девочках-то! Или после грамотного и толкового доклада по теории тропов вдруг ошарашит студента чрезмерным комплиментом. Нобелевская премия, мол, обеспечена...

Уже на втором курсе он то и дело поднимал Машу с места: что думает по этому поводу Милютина? Греет!

Как-то она набрела в магазине на книгу, подписанную фамилией любимого преподавателя — правда, в женском роде, «Мионова» — купила ее ради хохмы

и прочитала, чтобы отличиться на лекции. Но только попробовала поиронизировать над текстом, как доцент сердито оборвал ее и все оставшееся до звонка время про этот роман говорил. Пересказывал и интерпретировал. Очень запальчиво. Самого себя так никогда не защищал... Дошло и до Маши, что та авторша Миронову никакая даже не однофамилица, а, как после подтвердилось, самая что ни на есть жена. И Маша благополучно успокоилась. Жена есть жена.

Молодые девушки с легкостью выносят жен за скобки — особенно когда добиваются у совестливого мужчины «люблю, конечно, люблю». Отбить такого мужчину у крепкой семьи практически невозможно, но слепая и неопытная Маша этого тогда не предполагала. Она любила и принимала за ответную любовь ту не слишком индивидуальную радость, которую мужчина получает от восторженной поклонницы с молодым, аппетитным телом. Тем более что с нею Миронов никогда не пускался в разговоры о своей жене. И Маша инстинктивно обходила стороной эту зону, как будто она была окружена колючей проволокой.

Их связь началась после того, как Маша написала у Миронова диплом. И продолжалась целых три года, пока она училась у него в аспирантуре.

Все кончилось вдруг. Безрассудно и неожиданно.

После банкета, положенного как сладкий десерт к монотонной кандидатской защите, Миронов, к то-

му времени уже профессор, отказался поехать с диссертанткой на квартиру ее двоюродной сестры. А ведь ученица-любовница все заранее приготовила: отправила кухню в Большой театр, заплатив за билет месячную стипендию, пирог с осетриной рано утром испекла и к кухне завезла, шампанское в ее морозильник сунула, постельное белье поменяла... Сюрприз хотела преподнести своему Пигмалиону. В невотрепке последних недель единственное светлое пятно было — этот вечер, после которого вся ее жизнь должна была перемениться. Маша так размечталась, что прямо представила, как Миронов делает ей предложение руки и сердца.

А он даже не стал объясняться. «Нет», — сказал, сердито глядя куда-то в сторону. Не в глаза.

В другое время Маша бы поняла, что прилюдно он не мог по-другому, что строгость его — это не охлаждение. И вообще, всякого рода праздники — самые уязвимые дни для неофициальных возлюбленных.

Ей бы тогда пойти куда-нибудь со своими болельщиками-одногодками. Ведь звали. Особенно настойчив был необидчивый школьный приятель, который все эти годы был у нее на подхвате.

Но нет. Умопомрачение от отчаяния — вот что с ней случилось.

Первый и, увы, не последний раз.

В пустую двоюродную квартиру Маша отправилась одна и там проглотила две упаковки клофелина, кото-

рый случайно нашла в аптечке кухни, хронической гипотоники. Запивала горькими слезами и сладким ледяным шампанским.

Умирать оказалось совсем нестрашно.

Если бы в тот день давали длинный спектакль, например, «Хованщину» какую-нибудь, а не короткую «Жизель», и если бы та родственница, одинокая библиотечка, не подцепила и не привела к себе нестарого балетомана-патологоанатома, который увидел сразу, что спит девушка как-то неестественно, то Машины страдания закончились бы навсегда.

А так...

Скорая помощь, промывание желудка... Месяц в психушке... Упекли туда насильно. Во зло использовали неопытность пациентки: Маша, обычно очень сдержанная, подробно рассказала врачам о том, что сама с собой сделала.

Слава богу, родители сообразили отвечать всем интересующимся, что дочь сразу после кандидатской защиты уехала в Пицунду, отдохнуть. Под кварцевой лампой лицо и шею после держала, чтобы загар сымитировать.

Мионов не исчез — позвонил в первый же вечер Машиного якобы возвращения с моря. Без мстительности, спокойно она объявила ему, что выходит замуж и что вряд ли они еще увидятся.

«Ну что ж, раз вы так решили... Будьте счастливы», — был ответ после недолгого молчания. Впервые

наедине назвал ее на вы. Или он в этот момент был не один? Ревность все-таки кольнула. Неужели он почувствовал облегчение? Не похоже.

А Маша? Стало ей легче?

На этот вопрос у нее не было ответа. За месяц принудительного лечения она научилась не только притворяться, что глотает успокоительные таблетки, которые три раза в день раздают веселые молодые медсестры, озабоченные только своей здоровой жизнью, но и отключать чувства до того, как их начинает зашкаливать. Силы воли хватило.

Сразу после мироновского звонка Маша, не отходя от телефонного аппарата, по цепочке выяснила номер ухажера-одноклассника — раньше и в голову не приходило его запомнить или хотя бы записать. Сам всегда объявлялся.

Он как будто ждал. Мгновенно приехал и задал именно тот вопрос, ответ на который Маша только что мстительно сообщила Миронову.

Вначале все было очень хорошо. Так спокойно, что почти каждый вечер, перед тем, как уснуть, Маша повторяла ахматовское: «Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо...» На этом месте она, уставшая, обычно засыпала, стих не выговаривался до конца.хлопот было много: вскоре родились дети-погодки. Правда, одинокая свекровь их с удовольствием нянчила — и к себе брала, и к молодым приезжала. А вот Машины родители крепко сдали после ее больницы. Отец

мог забыть выключить утюг, плиту, а у матери спина так болела, что она не могла удержать на руках новорожденного внука. Но их в основном тащил на себе брат.

Муж-инженер по тем временам зарабатывал нормально. В домашних делах помогал и начитан был удовлетворительно, почти на филологическом уровне. Маша даже его полюбила, но, видимо, не так, как ему было нужно. А он, когда его деградирующее КБ перестало получать заказы, принялся, как многие, нудно жаловаться на начальство, на коллег, на маленькую зарплату. Все злее и злее становился. Поддавать начал. Накирившись, кричать на детей, на жену, бить посуду. Поводился, сукин сын, поднимать на Машу свою несильную костлявую руку.

Соседи по лестничной клетке несколько раз вызывали милицию, чтобы усмирять новоселов. Маша тогда уже писала для двух газет и для глянцевого журнала — заработала в итоге на отдельную квартиру в блочной девятиэтажке неподалеку от «Пионерской».

Все это можно было бы перетерпеть и побороть, если бы не короткие перерывы между запоями, во время которых муж плакал и ныл как баба. На глазах у детей-старшекласников.

Стоял до чертиков жаркий июль. Особенно душно было по вечерам. Окна спальни выходили на запад, и солнце так нагревало комнату, что не заснуть. Детей пристроили в подмосковный лагерь, и Маше захотелось переночевать в их комнате, окнами на север.

— Ты уже совсем мной брезгуешь?! — заорал муж. — Если сейчас же не вернешься в супружескую постель, я...

— Что?.. Что «я»?.. — равнодушно пробормотала полусонная Маша, нашаривая ногой домашние шлепанцы.

— Я... — Муж помолчал, соображая, чем бы новым ее припугнуть. Придумал. — Я из окна выброшусь!

— Пожалуйста, — беспощадно отмахнулась Маша и босиком вышла из комнаты.

Заснула сразу. Когда завопил входной звонок, она даже не испугалась. Спокойно встала, отправилась в коридор и уже сняла дверную цепочку, как спохватилась: она же голая. Вернулась в спальню, на ощупь нашла халат... Перед зеркалом в ванной провела расческой по спутанным волосам, умылась. Все это делала медленнее, чем обычно...

Приноравливалась к тому, что уже знала? Наверное.

Готовилась симитировать страдание, которого совсем не чувствовала.

А вину?

Жизнь жестока. И к каждому — по-разному. Маша потом даже во сне не выбрасывалась с девятого этажа вниз, на асфальтовую дорожку. А муж умер сразу — голова раскололась о каменный бордюр. Не мучился.

Первые месяцы после его ушедшего самоубийства пришлось напрягаться. Маша следила, чтобы на ее ли-

це читалось если не горе, то хотя бы стойкость перед горем.

Она никогда никому не рассказывала ни о своей попытке суицида после суперуспешной защиты, ни о той душной июльской ночи, последней для ее мужа. Часто бывает, что пробалтываются близкие. Но ее незлая и разумная свекровь взяла сторону жизни, то есть Машину — во всяком случае ничего против невестки не затаила. А Машины родители вскоре умерли, в один год ушли, как попугай-неразлучники. Мать угасла на Каширке: метастазы... Через месяц после ее похорон заснул и не проснулся отец. А младший брат, оставшись один в родительских трех комнатах, быстро женился и перестал нуждаться в сестре.

Банальная история...

Квартиру на «Пионерской» Маша поменяла на равноценную в Щукине — съехала с места преступления. И изо всех сил постаралась заменить детям отца.

Сын занялся компьютерами, так она сама пошла на курсы, и скоро смогла наравне со своим вымахавшим в высоту мальчиком управляться с самыми заковыристыми задачами. Прямо как хакер.

Дочь увлеклась театром. Отлично. Маша стала пописывать в отдел культуры — чтобы получать билеты на прогоны-премьеры и прихватывать с собой дочку.

Полной гармонии достигла она года через два. Успокоилась бы совсем, только они с дочерью стали полнеть. Обе. Особенно после того, как целый год заеда-

ли тревогу, когда не получилось откосить Игорешку от армии. Хорошо хоть знакомый военный корреспондент научил, как пристроить его в подмосковную часть.

Каждый квартал, а то и чаще Маша ездила навещать своего родного солдата-ракетчика. Конечно, с гостинцами. И дома, к ужину — иногда очень позднему, когда она, бывало, первый раз на дню могла поговорить с дочкой, — всегда старалась купить или приготовить что-нибудь вкусное. Как тут не набрать лишние килограммы? Стряпая, старалась тонко, как для пельменей, раскатывать дрожжевое тесто, в которое заворачивала мясную, капустную или грибную начинку, но тогда стоит только попробовать — и не остановишься. Сама не заметишь, как умнешь пяток-другой прозрачных пирожков.

Надо было что-то делать. Не столько ради себя, сколько чтобы помочь родному чаду. Не шла Юльке рыхлость.

На новый, двадцать первый век, Маша подарила ей напольные электронные весы. Шестьдесят три килограмма при росте метр шестьдесят один. Оба параметра у матери и у дочери одинаковые. Незнакомые люди часто принимали их за сестер.

Купили абонементы в ближайший бассейн — три остановки на метро и десять минут пешком, — но тут как раз Машу переманили в газету... Плавательные возможности не удалось использовать и наполовину:

журналист сам себе не принадлежит даже в воскресенье — понедельникный номер надо готовить.

Да еще дважды в неделю приходилось навещать свекровь. Болезнь Паркинсона. Эти визиты стали для Маши привычкой, не обсуждаемой даже наедине с собой. Не думаешь же, хочется или нет чистить зубы. Делаешь — и все тут. Конечно, хорошо бы пристроить старушку в клинику, под ежедневный присмотр, или нанять медсестру... Но пока еще вроде бы неопасно... Очень, очень много надо платить, чтобы чужие заботились. Не было на это денег.

Ну и где при такой вот жизни время и место для амуров?

Поклонники, конечно, бывало, подступали к аппетитной милашке, но на ее душе горький опыт общения с противоположным полом, увы, оставил уже твердую коросту, которая воспринималась невнимательными мужчинами как искусственная стенка, как преграда. Кто станет прилагать усилия, чтобы пробиться в крепость, которая не подает никаких примагнивающих знаков? Кругом полно зовущих женщин. И моложе есть, и обустроеннее.

На интервью с Катениным Маша приехала рановато: слишком большой запас времени взяла на дорогу к новому месту. Поэтому от «Баррикадной» она не летела, как обычно на работу, а шла медленно, непривычно для себя спокойно. По пути постояла у сидя-

щего бронзового Шаляпина, скорее похожего на легкомысленного тенора, чем на баса, поглазела на нервную, но уже не трусливую толпу перед оградой желто-белого американского посольства... Все равно минут пятнадцать еще оставалось до назначенного часа. Чем бы их занять? Не торчать же под катенинскими окнами... И в магазины заходить не хотелось — собьешь философский настрой. Интересно, сколько всего этажей в сталинском доме, что напротив американцев, через Садовое кольцо. Десять, если с цокольным. Занимает целый квартал... прерывается двумя высокими арками. А сколько окон в длину? Начала считать слева направо. До первой группы пилястр пять глазниц, над ними лоджия, на которую вроде наполеоновки нахлобучен треугольный фронтон. Потом идет никак не декорированный промежуток в десять окон... Ладно, не все ли равно, из какого количества элементов составлена эта архитектурная элегантность.

Да, в бывшем ее журнале нельзя было даже проговориться, что тебе нравится сталинский классицизм. Кто не с нами — тот против... Мафиозный лозунг, ленинско-сталинский... Тест на политические взгляды — такой простой способ расчета на «свой — не свой». Но ведь и совсем игнорировать политику опасно: сколько было подстрелено неподалеку отсюда, перед Белым домом в девяносто третьем. Бедные, глупые зеваки...

Маша перешла под землей Садовое кольцо и вернула за угол только что внимательно рассмотренного и уже как бы прирученного ею дома. В самой глубине длинного тихого двора с детской площадкой, окруженной высоченными немолодыми ясенями и новенькими парковыми скамейками, виднелась цель ее приятно расслабляющей прогулки: облупленная, но очень крепкая шестиэтажка без декоративных излишеств, с высокими окнами и несимметричными эркерами, размещенными слева от входа в единственный подъезд.

Сами собой цифры кодового замка не вспомнились, пришлось рыться в кожаной сумке, доставать блокнот. Фамилии на «К» — самые ходовые, всегда первыми вываливаются наружу.

Так, нажать: один, три, звездочка, один... Щелк, вошла. Еще и домофон. Сколько теперь степеней защиты... Все правильно: центр, мало ли кто и зачем захочет войти. После жуткого и бессмысленного уничтожения двух домов на рабочем востоке столицы... Даже в Машинной ничем не примечательной панельной семнадцатипятиэтажке все безропотно скинулись на консержку и цифровой замок. Раскошелились, когда по подъездам зашастали уже не только случайные пьяницы. Бизнесмену с шестнадцатого этажа зарезал у лифта шедший за ней по пятам паренек. Не сумел вырвать у живой дамскую сумку с тысячами долларов. Запах смерти...

Как только раздалось жужжание, Маша толкнула плечом дверь. Та не поддавалась.

Нервничаю? С чего бы это?

Пришлось снова разыграть на клавиатуре замка номер катенинской квартиры, и теперь уже она не поторопилась, переждала пару секунд, прежде чем вторгаться в чужое жилище. Переступила порог и оказалась в просторном вестибюле. Пустом, если не считать двух рядов стандартных почтовых ящиков, висящих на свежоштукатуренной стене по левую сторону от входа. Было свежо и прохладно. Как будто сунула голову в колодезь, где не вода, а бездна.

Собираясь на интервью, профессионал всегда готовится. Если вдруг от усталости или по небрежности у Маши проскакивало стандартное «на какой вопрос вы бы сами хотели ответить?», сама же мгновенно краснела. Лучше всего, конечно, разговорить собеседника. Вопросы потом легко вычленились из наговоренного текста.

Перед визитом к Катенину Маша заглянула в интернет и среди прочего наткнулась на статью из французской газеты. Написано было, что знаменитый политтехнолог живет в шестиэтажной хрущобе, где пахнет кислой капустой и борchtch'ом. Типичная иностранная страшилка...

Маша подошла к старинному лифту и уже нажала ручку, чтобы открыть его тяжелую дверь, как заметила чугунную вязь под деревянными перилами на

широкой пологой лестнице, квадратной спиралью уходящей ввысь. Эту красоту надо рассмотреть по-лучше, решила она и пошла вверх пешком.

Потом, когда пути назад уже не было, когда случилось единственное, чего никакими силами не испра-вишь, Маша вспомнила этот медленный подъем.

Может, надо было бежать прочь?

Может быть...

А в тот раз ничего необычного она не заметила. Интервью как интервью. Ну, поумнее клиент и поот-кровеннее, чем обычно. Маша, конечно, поняла, что Катенин согласился на допрос не просто так, что у него есть какая-то своя сверхзадача. Что ж, это не противоречит ее работе. Настоящее сотрудничество получается только тогда, когда у обеих сторон имеет-ся свой интерес. И то, что он пошел проводить ее до метро — тоже не выходило за привычные рамки. Мужчины-джентльмены редко, но все же попадались на ее журналистском пути. Выполнила задание — и забыла бы, если б не последние слова, которые Кате-нин сказал, улыбаясь и глядя ей прямо в глаза: «Ма-ша, вы мне очень симпатичны. Очень». Будто ввел троянского коня в крепость, саму собой сложившую-ся за годы бед и обид.

«Если бы в какой-то момент ты меня твердо, созна-тельно оттолкнула — я бы отстал от тебя», — объяс-нил Катенин примерно через месяц, когда они встре-тились уже в третий раз безо всякого делового пово-

да и после ужина в ресторанчике, что по соседству, зашли к нему. Чаю выпить.

Выпить чаю...

Оба уже понимали, что это эвфемизм. Катенин — в силу мужской физической природы, а Маша — от женского прозрения. Вдруг, мол, и приросла душой... К этому широкоплечему, крепкому, уверенному в себе мужчине. Есть момент, когда пронзает предчувствие. Не слишком потрепанная жизнью женщина очень быстро — бывает, с первого взгляда на мужчину — узнает: мой человек.

Но уж очень реальной, безальтернативной оказалась ее тяга к Катенину. Так было у нее, пожалуй, только с материнством: точно знала, когда понесла — и сына, и дочь.

А «это»? Ну, мужчины без этого не могут, а ей... ей нетрудно ему отдаться. Так она думала.

— Я страшно волнуюсь, — прошептала Маша в коридоре пересохшими губами, которые отказывались слушаться, когда Катенин, повернув ключ на два оборота, взял ее за плечи и развернул к себе лицом. Перед тем, как прижать свои чуть раздвинутые губы к ее губам, он сказал:

— Я тоже.

Так неожиданно, так просто прозвучало его естественное признание, что Маша сразу успокоилась. Оказывается, они на равных. И дальше она думала уже только о нем, о его удовольствии. Не струсила

даже тогда, когда он мягко, необидно, но очень уверенно поучил ее, как нужно выгнуть спину, чтобы обоим было приятнее. О себе совсем забыла — это было настолько очевидно, что он даже попросил:

— Обо мне не заботься, я дело знаю... еще в молодости много чего почитал, китайские трактаты... Я свое всегда получу.

Но Маша все равно не могла переключиться на себя. Ни в самом начале, ни потом. Тело ее с первого же прикосновения Катенина ощущало то незнакомое ей состояние, ту радость, которую дает обалденная квалификация сексуального партнера. Но... Но самую высокую ноту она могла услышать только тогда, когда ее любовь возвращалась к ней, подчеркнутая его любовью. А Катенин, она чувствовала, нет-нет и забывался. И вкушал ее не как конкретную Машу, а как просто женщину.

Да, желанную.

Но — заменимую.

Вал Машиных эмоций, сильный, постоянный накат, как о волнорез, разбивался о Катенина, всегда чуть отстраненного, железобетонно спокойного. Какая уж тут отдача... Какая ответная, отраженная волна... Короткий всплеск, и то не всегда.

Ну не добирается она пока до своего финиша... Ни секунды об этом она бы не сожалела, раз душа ее пела. Но... Не о своем удовольствии Маша беспокоилась. Ей, напичканной ханжескими предрассудками, казалось, что Катенин может испытывать чувство вины...

Как бы сказать ему, что ей это неважно? — вот о чем она думала.

Хорошо хоть не стала симулировать, врать. А ведь еще не знала, что Катенин настолько умел и изощрен, что чувствует и понимает почти все происходящее внутри женщины. И в теле, и в душе...

Маше и в голову не пришло, что дело в ее сдержанности, в ее физиологической неискушенности. И в самонадеянности. Она так долго гордилась тем, что ее собственным миром правит не физическое, а духовное начало. Даже у мужа, привязанного к ней все годы их жизни, с первого до самого его последнего дня, получалось выбить из нее искру телесной взаимности. Обманывало ее и то, что никто никогда не давал ей ее сороковника с небольшим хвостиком.

И Катенин тут тоже сперва ошибся.

Как-то, в самом начале их близкого знакомства, Маша опаздывала на летучку: добивала заметку на своем рабочем месте. Только навела компьютерную стрелку на «сохранить», как зазвенел телефон. И хоть Катенин был в отъезде, а все равно подняла трубку: вдруг он...

— Привет... — раздался его веселый бархатистый баритон. — Как дела?

— Теперь — отлично. — Маша повернула трубку вверх ногами: микрофон взлетел над головой, подаль-

ше от сердца — чтобы он не услышал, как оно заколотилось от радости.

— А я иду по берегу Бискайского залива... Тепло... Слышишь, как океан тебе кланяется? — Катенин говорил спокойно, не торопясь — будто был рядом. — Вот купил девочкам винограда, и они дали мне мобильник.

— Девочкам? Каким таким девочкам? — растерянно переспросила Маша.

— Ха-ха! Не беспокойся, это переводчицы. Обeim сильно за сорок...

— Как и мне...

Если бы не шум океанского прибоя, Маша решила бы, что связь оборвалась — так неожиданно было молчание Катенина.

— Алло! Алло! — все-таки выкрикнула она.

— Я не знал... Но не волнуйся, это ничего не изменит в наших отношениях, — проговорил он глухим, отчужденным голосом. После долгой паузы.

Раз не с разбегу, не импровизационно сказал — значит, ответственно?

В общем, Маше казалось, что для Катенина все складывается самым лучшим образом: она ведь на него не давит, старается никогда не упрекать, его решения не рецензируются ею и не меняются.

А как же неизбежный скрип, который возникает, когда двое притираются друг к другу? Ну, Катенин-

то, как всякий состоявшийся мужчина, шел вперед, продвигался неторопливо, спокойно, замечая всех и все, что попадает на его пути, но не тратя сил на то, чтобы тащить кого-нибудь за собой. Хочешь и можешь удержаться рядом — пожалуйста.

Маша хотела. И когда что-то царапало ее, то она не выставляла ранку напоказ, а прятала ее — от него и от себя скрывала, не заботясь о том, что нелеченные ссадины, бывает, и загнаиваются... Особенно если удар острым предметом приходится по одному и тому же месту. По самолюбию.

Мимо ушей пропускать Катенин все ее просьбы-намеки.

Понятно, конечно, — он человек занятой, востребованный. Но так часто хочется услышать его голос... А иногда совет его до зарезу бывает нужен... Да и просто в жилетку поплакаться, когда обидели... Журналист — очень уж негордая профессия для такого самолюбивого человека, каким была Маша...

Нет, все эти нюни — не аргумент. Она-то ему всегда доступна, а он ей — только по его собственному желанию.

С разных сторон она старалась к нему пробиться. Например, так:

— Позавчера в Думе по делу оказалась. При мне обсуждали, не заказать ли Катенину прогноз на очередные выборы. Я метнулась, чтобы предупредить — а у тебя автоответчик...

Катенин даже слов не тратил, чтобы дать знать — раскусил, мол, ее хитрость. Он понимающе усмехался в усы и, глядя ей в глаза, предлагал:

— А ты говори на автоответчик. Если я на месте, то на твой голос отзовусь...

Несколько раз пыталась Маша вымогнуть свидание или хотя бы звонок при помощи такой уловки: мол, у нее, журналистки, часто появляются свежие новости, требующие срочной передачи.

Но информационная пена Катенина не интересовала. Значимо для него только то, что имеет смысл и через день, и через два, а лучше через неделю-месяц... Так он автоматически, не тратя сил отсеивал всякие провокационные слухи, которые осознанно или случайно запускались в пространство компетентными или совсем безответственными функционерами от политики. Уроки...

Может, еще и поэтому так тянуло ее к Катенину.

От него она училась не увязать в дебрях объяснительных словесных конструкций, а сразу пробираться к сути, к поступку, кто бы его ни совершил. Целое государство... Или один человек.

А сам он восхищался смелостью царствующего дебютанта, смахнувшего с шахматной политической доски нескольких совсем не беззащитных олигархов.

— Молодец! Показал, кто в лавке хозяин. Даже я думал, что опасно вот так не посчитаться с их лоббистами во всем мире, — говорил Катенин, благодуш-

но усмехаясь в усы. Ни на чью сторону не вставал, держал нейтралитет. Как будто разбирал чужую шахматную партию.

И подытоживал совсем уж непредсказуемо:

— Да, да... Каждый его удачный международный шаг обеспечивает России все большее и большее равноправие. Думаю, после окончания второго срока он может, например, стать министром иностранных дел. Подходящее для него место.

— Да что ты говоришь! Не сам, так его прилипалы придумают что-нибудь, и он останется и на третий, и на четвертый срок, — спорила Маша, транслируя аргументы близких ей либералов.

— Перестань! — резко, как чужую, оборвал Катенин. Негромко сказал, но он так редко сердился, что она вздрогнула и испугалась. — Хоть ты-то не каркай! — все-таки опомнился Катенин и устало разъяснил: — Неужели не понимаешь, что такими вот разговорами вы подталкиваете его... Гораздо больше, чем все эти народные и правительственные подхалимы...

— Об этом я не подумала... Ты, как всегда, прав, — с облегчением соглашалась Маша, глядя на Катенина глазами, от восхищения посиневшими до васильковости.

Всякий понедельник она начинала с того, что внимательно изучала информационную ленту со списком мелких и крупных конференций-тусовок, вычисляла те, на которые может заглянуть Катенин, и из кожи

вон лезла, чтобы тоже там очутиться. Очень часто оказывалось — зря старалась. Он не появлялся. Конечно, Маша пробовала заранее вызнать у Катенина, какое из многочисленных, поступающих каждый день приглашений он намерен принять, но ответ в большинстве случаев был один: «Еще не знаю, пойду ли. Решу ближе к делу, по обстоятельствам и по настроению». А иногда — редко — специально звонил, предупреждая, что запоздает, но будет. Ему, мол, нужно переговорить с кем-то, поэтому с Машей он пообщаться не сможет. И мягко так добавлял: «Мы с тобой найдем другое время и другое место...»

Ближе к июлю Катенин стал вслух, при Маше рассуждать, ехать ли на летнюю школу для политического молодняка. Потемкин, один из бывших ельцинских министров, оставшись без портфеля, сумел конвертировать свои связи (самую крепкую валюту советского времени) и организовал фонд инновационных исследований. Собрал под эту вывеску небольшой капиталец и, имитируя бурную деятельность, придумал, в частности, поиск молодых шустряков, глядящих в Наполеоны. По всей необъятной стране.

В такие вояжи обычно с удовольствием отправлялись те, кто в данный момент был сдвинут в тень, не попадал под око столичных телекамер. Эти временные аутсайдеры и выявляли наиболее прытких и смышленных юнцов, которых раз в год потом под эгидой фонда собирали в одном барвихинском пансионате. Вот туда

уже удавалось завлечь и действующих политических асов, и плата за выступления там была вполне западная, и кормежка, и бассейн, и бильярд...

Из года в год Потемкин прощупывал, нельзя ли ему из резервного состава вернуться в действующие лица публичной политики. Видимо, пока не получалось, раз фонд уже лет пять подряд занимается этой работой.

Нужной ли?

Пожалуй, полезной: по сравнению с бездействием хороша любая созидательная активность. Ну, пусть и съезжала крыша у некоторых молодых провинциалов, которые благодаря случаю или собственной сообразительности становились звездами, а потом вскоре гасли. Но тут уж они сами были виноваты — шанс более-менее равный давался каждому...

Катенин имел в этом фонде полный, стопроцентный карт-бланш.

Почему? Если бы все блага распределялись только по заслугам, это был бы глупый вопрос. Любому ясно: он заслужил, чтобы в начале каждого поискового сезона ему, как некоему сюзерену, первому предлагался список городов, и он мог, не торопясь, выбрать время, место и попутчика по своему усмотрению. Но где вы видели такую справедливость?.. Судьба, раздающая эти самые карт-бланши, всегда имеет человеческое имя.

В случае с Катениным их было два.

ПОТЕМКИН

Этот партийно-советский дворянин нутром почувствовал катенинскую силу в тот момент, когда они пересеклись в МГИМО на конференции «по стратегии и тактике партийного строительства». Придумал и собрал ее только что назначенный в проректоры Катенин. Конец восьмидесятых, новый политический век только-только наклеивался, поэтому прозорливец еще не пользовался словом «политтехнология», которое потом, лет через десять, станут употреблять даже школьники, поступающие в этот престижный вуз.

Впервые в помпезном актовом зале, где даже красные кресла и обитые дубом стены были пропитаны осторожностью и послушанием, выступала всякая шантрапа с разными завиральными идеями. Скандалы, шок. Институтское начальство сделало вид, что ничего не было, но Потемкин запомнил кураж, с каким вел заседания свеженький проректор.

«Съедят», — усмехнулся про себя нестарый тогда еще лис. Потер руки от удовольствия, но на всякий случай навел справки. Не спеша задействовал каналы, которые всегда поддерживал в рабочем состоянии: освобождал от завалов, неизбежно возникающих в такие беспокойные годы, — чтобы по ним свободно могли идти любые потребные ему услуги и денежные потоки.

Через год информация пригодилась. Катенина к тому времени не только не съели, но более того: недели не проходило, чтобы в важном разговоре кто-нибудь не упомянул о нем. В самых высоких кабинетах, перед тем как выпить первую рюмку «Наполеона», несколько раз назвали его по-свойски, Петровичем.

Так рискованно и смело прорывается обычно тот, у кого крепкий тыл. То есть семья. Поможешь его чадам и домочадцам — и пути благодарности сделают человека верным, надежным соратником.

Из всех полученных сведений Потемкин выбрал самое для себя простое: катенинская дочь поступает в консерваторию. В два звонка полностью устранив риск ее провала, министр пригласил отца абитуриентки на обед в «Националь». Чтобы обсудить дельце.

Столик на двоих стоял у огромного окна, отмытого до оптической прозрачности. Оба уставились на зияющую ямой Манежную площадь.

— Трудно сказать, какая тут глубина... — Катенин заговорил первым. Ясно, что то же самое подумал бы он и в одиночестве. Не мешал ему малознакомый Потемкин. — Длина и ширина котлована скрадывают глубину...

— Пятьдесят три метра! — с гордостью отчеканил Потемкин, как будто сам проектировал и сам копал. — Остроумное решение проблемы стотысячных митингов!

Катенин не кивнул услужливо, но и осуждать-обсуждать уже сделанное не стал. Оставил реплику без ответа и снова посмотрел на подземные этажи, проверяя названную цифру. Сомневался.

А Потемкин продолжал бахвалиться:

— Перекопали, и одной головной болью стало меньше! Моя идея... А больше в Москве и нет такого пространства, чтобы зараз могло собраться столько народу. — Министр откинулся на спинку стула и широко расставил ноги. Якобы расслабился. Но глаза...

Жесткий, напряженный взгляд на фоне простецкой улыбки мог бы напугать слабака. Только не Катенина. Он не сказал дежурную банальность про кингстоны, через которые массы выпускают пар, и даже не сыронизировал, что, мол, лучшее средство от головной боли — гильотина. Катенин молча читал меню.

Потемкин подобрал оборванную нить разговора:

— Котлету по-киевски закажи. Ничего вкуснее здесь не ел. — «Тыкнув» на пробу, он обернулся к чуть склонившемуся над ним официанту: — Не подведешь?

— Сегодня у нас осетринка очень хороша. Шашлычок... — заглядывая в глаза важному завсегдатаю, но не улыбаясь — ничего, мол, не навязываю, — посоветовал неслышно подошедший метрдотель.

— Осетрина, говоришь, первой свежести? Ха-ха! — Потемкин, довольный своей шуткой, посмотрел на Катенина.

Тот опять сумел промолчать. Не поддакнул. И не осудил за протухшую цитатку. Скальная порода, просто так не пробьешь...

Тогда Потемкин переменял тон. Вслух стал вспоминать, как они с женой приводили сюда больного сына, когда у того наступала недолгая ремиссия... К своим шестнадцати под два метра вымахал, а умственно — ребенок...

У каждого, мол, свои заботы.

Переменял тон, перестал «тыкать». Сочувствие катенинское ощутил, но... Заговорить сейчас о деле, ради которого встретились, значит, все испортить. Надо по-другому.

— А сколько мы, демократы, ошибок понаделали... — покаялся Потемкин.

И стал рассказывать, как в конце восьмидесятых союзное вече рубило все либеральные проекты, рожденные в российском парламенте. Лишь в нем демократы составляли большинство. Что делать? Слетали в Америку. Там посоветовали сделать как у них: у каждого штата свои законы. Но стоило только начать это копировать, как национализм полез из всех щелей. За год все обсуверенились, черт бы их побрал. До неуправляемого развала СССР. Кто мог это предвидеть...

— Да, эйфория — штука опасная...

Вот и все, что сказал Катенин. Похоже, он понимает ситуацию.

О прочем сегодня, пожалуй, говорить не стоит. Пусть хоть задумается, чертяка, зачем встречались. Еще пару раз поможем и дождемся, когда благодарность в нем созреет и начнет плодоносить. Яблоня цветет красиво, но глупо же с нее цветы срывать... На теперешней стадии и без Катенина можно обойтись.

Потемкин вытянул левую руку, оголив запястье, и поднес часы к близоруким глазам. Без очков точное время не увидишь, но ему и не надо — сегодня он заедет, пожалуй, к той, терпеливой, что приучена ждать. Жест был предназначен для obsługi.

Тут же за их спинами возникли два официанта, зафиксировали стойку на мгновение, потом сделали полшага вправо и без стука поставили перед клиентами большие белые тарелки, накрытые блестящими металлическими куполами. Секундная пауза, и крышки взлетели синхронно, как в цирке. Вышколены!

Потемкин даже залюбовался тем, как его гость ест. Нежадно, с бесспорным знанием одного из самых важных человеческих дел, приносящих и пользу, и удовольствие. Первый кусок осетрины отправляется в рот без приправы, на второй гурман выдавливают сок из четвертинки лимона, следующий поливает кислым ткемали, четвертый макает в блюде с гранатовым соусом, а пятый и шестой оставляет на шомпуре нетронутыми. Наелся.

— Куда вас подвезти? — спросил Потемкин, когда они вышли на Моховую. Тогда ее отрезок перед отелем еще не был выстелен дорогостоящей плиткой.

— Я, пожалуй, пешком прогуляюсь, — ответил Катенин, на минуту задумавшись. Себя, свое тело спрашивал, чего оно пожелает, а не соображал, как выгоднее ответить.

Согласиться, отказаться — этот-то несложный расчет Потемкин очень давно научился прочитывать. А вот что совсем непонятно было старому лису — откуда у него самого появилась досада. И раздражение. Как будто не он использовал, а его... Осторожнее надо... Тоньше...

Несколько лет потом Потемкин издали наблюдал за Катениным. Называл его имя всякий раз, когда можно было получить моральные дивиденды, порекомендовав кому надо высококлассного специалиста. Создавал и создал впечатление, что они с ним в одной связке. Многих обманул, и себя в их числе.

Зная уже наверняка, что кончается ельцинский этап, что ему самому придется на какое-то время уйти в тень, министр начал работать над тем, чтобы иметь в новой власти надежного, умного и обязанного ему человека. Засланного казачка. Вбить его в скалу новой эпохи, как вколачивают альпинисты скобу, на которой потом укрепляют веревку для подтягивания вверх. Высмотрел место под солнцем и согласо-

вал со всеми, от кого зависело, кандидатуру Катенина. Без особого труда, надо признаться.

А тот взял и отказался. В момент, когда Потемкин намеревался плавно спланировать из министров в крупные бизнесмены. Из-за этой неудачи он просто слетел на несколько ступенек вниз в чиновничьей иерархии. Крепко его подставил несостоявшийся друг.

Потом, когда ярость утихла и высвободилось время для того, чтобы задним числом все обдумать, Потемкин даже восхитился катенинским поступком. Выходит, все-таки нет таких предложений, от которых не отказываются. Пусть и один-единственный человек способен на такую смелость. И опять не поспешил числить Катенина по вражескому стану, а просто приставил к нему соглядатая.

КЛАРА

Эта дама познакомилась с Катениным еще в те времена, когда он только занес ногу для решительного шага из физиков в политические лирики.

Такой стаж близости — не чета Машиному. И она ужасно ревновала, уверенная, что если не теперь, то раньше-то эта близость была самая что ни на есть настоящая. А может, нет? — мелькала у нее надежда. Уж очень эта особа казалась скучной, псевдосмиренной и старообразной. Хоть и почти ровесница ей.

Знать бы наверняка, может, полегче бы стало? Одной раной меньше...

Как, как это выяснить?

Напрямик спрашивать бесполезно: Маша заметила, что Катенин, свободно и с удовольствием вспоминая о своем мужском питании, никогда не называл имен вкушенных им блюд. Ни разу ни на одну конкретную женщину не повесил словесную табличку: я с ней спал. Не из осторожности — по благородству своему. Притягивает...

Сама она тоже не заикнулась при Катенине про Миронова, и про мужа ничего, кроме «был и умер», не сказала, хотя причиной ее молчания была отнюдь не благородная сдержанность. Просто ей нужно было скрыть от всех — от Катенина в первую очередь, да и от себя самой — черные метки смерти, брошенные ей за что-то судьбой.

Но настоящий интерес всегда так или иначе удовлетворяется. Стоило то там, то тут невзначай спросить про эту Клару, повнимательнее прислушаться к катенинским рассказам, и Маша была завалена ненужными ей, и все-таки интересными подробностями чужой жизни.

В студенческие годы Клару полюбила бездетная профессорша-философ. Привязалась настолько, что попросила присмотреть за своим беспомощным мужем-публицистом, пока она преподает в каком-то гэдээровском университете. Житейски умная женщина никогда такого промаха не допустила бы, но откуда взяться здравому смыслу у здешнего философа-марксиста? Все силы ученой дамы уходили на то, чтобы правдоподобно, как можно искреннее имитировать веру в правоту одной-единственной теории. На то, чтобы отгонять опасные для карьеры сомнения.

Официального развода профессорша не дала. Ученицу прокляла в душе — вот и все, что могла она сделать, не привлекая общественного внимания. А публицист начал с Klarой совсем новую жизнь, рванул в политику, нахватал перестроечных лавров, в одночасье прославился и умер чуть ли не на трибуне.

В общем, ничего противоестественного: все-таки он был на четверть века старше своей невенчанной подруги. Погоревать бы ей и жить дальше, но... И так-то от большинства политиков остается только то ма-

териальное, что они сумели получить за свои якобы бескорыстные труды, а Кларин гражданский муж к тому же был честным фраером, ничего к своим рукам не прибрал. И о ней не позаботился. Официальная жена на сороковой день во время поминок — ресторан оплатил тот самый фонд — врезала новый замок в квартиру, где Клара прожила счастливые пятнадцать лет. Куда деться? Пришлось собирать показания у соседей и у знаменитых друзей покойного, чтобы доказать, что велось совместное домашнее хозяйство...

За два года хождений по мукам, когда должно было изображать скорбь и только скорбь, а в душе копилось раздражение и равнодушие, в это время и въелось в Кларино лицо выражение богоугодного смирения. Длинные густые волосы поседели, но она их не постригла и не покрасила, сохраняя цельность образа. Когда другие смеялись, она только чуть раздвигала губы в вежливую улыбку: не хочу, мол, портить вам настроение, но мое горе никуда не делось. Иногда, правда, в память о бывшей своей красоте не могла она сдержать злость при виде теперешних молодых красавиц. «Ну, сучки...» Но так расслаблялась редко, только когда подвыпьет.

Помогали Кларе многие. Катенин, например, составлял бумаги с четкими формулировками для судебных процессов и участвовал в домашних военных советах, которые она проводила по всем правилам

придворного искусства. Потчевать и обласкивать помощников научилась по мемуарам Елены Сергеевны Булгаковой, которая тоже собирала у себя тех, кто мог повлиять на издание сперва «Мастера и Маргариты», а потом и других сочинений ее великого мужа. (Прием один и тот же, а цели... Какие разные по высоте цели...)

Последним в длинной Клариной цепочке стал соратник покойного публициста, тот самый бывший министр Потемкин, который еще и дал вдове рабочее место в своем фонде.

Вот какие подробности узнала Маша, а ответа на свой главный вопрос не получила.

ЕСТЬ К ЧЕМУ РЕВНОВАТЬ ИЛИ НЕТ?

Не только про теперешние отношения Клары с Катениным ничего не выяснилось, но даже и насчет прошлого — полный туман.

Оформляясь в культуртрегерскую поездку от потемкинского фонда, Маша попыталась шапочное знакомство с Klarой превратить в приятельство. В Саранск пригласил бывший коллега по журналу, когда у него сорвался намеченный напарник.

Как раз в это время Катенин тоже должен был заглянуть в офис фонда за билетом: он согласился съездить на родину, в Пензу, где у него остались дальние родственники и где, как известно, живут самые красивые русские девушки. Так и сказал Маше, с улыбкой предвкушения — будто лучшего в мире меда намеревался отведать. Еще один укол ревности она ощутила.

В газете была всегдашняя напряженка, пришлось выдержать неприятный разговор с шефом, чтобы отпустил на пару рабочих дней, но Маша настояла. Почти бессмысленно напрягалась: с Катениным в офисе ни разу так и не пересеклась и с Klarой не сдружилась.

Та разговаривала с ней строго, если не сказать — неприязненно, хотя Маша изо всех сил старалась ей понравиться. Заметив, что чиновница возбуждается от упоминания о подопечных мальчишках, она согласи-

лась пробить в своей газете заурядно-профессиональную заметку одного мурманского паренька, назначенного в самородки. Своего однофамильца, что было уж совсем неприятно. В награду, когда Маша вернулась из поездки и оформляла отчет о командировке, она получила от Клары неопределенное устное приглашение на летнюю барвихинскую школу: «По утрам отсюда отходит рафик, приезжайте посмотреть, с Милютиным нашим познакомитесь». Ни дат, ни времени названо не было.

Но для настоящей журналистки это не препятствие. Как только Катенин решил все же туда отправиться, Маша выпалила:

— Я тоже. Меня Клара приглашала. Вы не против?

— С чего это я буду против... — рассеянно проговорил Катенин. Автоматически ответил, как будто о чем-то задумался. Не о Маше.

Уточнять, о чем, она побоялась: как бы не запретил он ей приезжать. Полусогласие получено, с нее и этого достаточно. Конкретно все обговорить можно поближе к делу, когда он будет на месте: прошлым летом ведь даже давал номер телефона в своем номере, и по вечерам они болтали в обоюдное удовольствие. До тех пор, пока Катенин не спрашивал со смешком: «Может, разрешишь поспать?».

А в этот раз Катенин и перед отъездом не попрощался, и из Барвихи не позвонил, так что Маша даже не знала — не передумал ли он в последний момент

туда ехать. Как узнать? Включила ноутбук и через пять минут нашла в интернете полную программу школы. Там, среди встреч с сезонными политическими лидерами, значилось и катенинское выступление. В среду, в четыре пополудни.

Потом, много позже, Маша спрашивала себя: может, не надо было проявлять такое рвение? Ведь ясно же, что Катенин не хотел ее там видеть.

Ясно?

Нет, в тот момент Маша просто не подумала о том, чего хочет Катенин. Не забрела эта мысль в ее голову, забитую только одним — ее желанием быть если не вместе с ним, то хотя бы около, рядом. Любовная дрожь, стоит ей поддаться, всякого доводит до полумия. Хоть мужчину, хоть женщину. В любом возрасте...

И ясно Маше было только то, что она себе не простит, если упустит такой шанс.

Однажды уже было. До сих пор она чувствует свежее, никак не утихающее отчаяние от одного воспоминания о том, как года два назад Катенин предложил к нему заехать, а она отказалась. В отместку Обиделась из-за сущего, теперь-то понятно, пустяка. Из-за чего? Да случайно упомянул Катенин, что был неделю назад в Москве, у телефона. Был, а с Машей не только встретиться не захотел, но даже и не позвонил.

Господи, сколько же потом такое случилось!..

И все равно каждый раз было больно.

А тогда, во время первого его долгого молчания, как наяву вообразила Маша такую картинку: жара, Катенин в одних шортах выходит на гулкую лестничную клетку и впускает сперва в общий холл, а потом в свою квартиру молодую женщину, одетую в белый сарафан с бретельками. И все, больше на ней ничего нет. Он осязает это сразу, как только ритуально целует посетительницу в губы и слегка прижимает к себе, как делает с Машей, когда они встречаются наедине. И фигура у нее Машина, только толще, гораздо толще — сама-то Маша похудела-постройнела от своей нервной любви. А лицо? Глаз-носа-рта на той картинке вовсе не было. Овал, очерчивающий пустоту, обрамлен Машиными русыми волосами, аккуратнo зачесанными назад и забранными в хвост.

Сюрреализм какой-то. Магритт или Дали... Видно, от бессилия Машино подсознание струсило при- дать образу соперницы черты существующей женщины.

Ну и чего она тогда добилась? Лишила себя встречи. Обиделась и наказала только себя. А Катенин подумал, что она и правда чем-то занята. «Я давно решил: лучше верить, чем каждого подозревать во лжи. Ведь зачем-то человек напрягается, сочиняет. Может, выдуманное для него ценнее и точнее, чем то, что есть на самом деле», — вот как он считал.

В ночь на среду Маша, не доверяя будильнику, просыпалась каждый час. Включала бра, висящее над изголовьем, чтобы разглядеть время, успокаивалась и, предвкушая завтрашнюю встречу, снова забывалась. Когда начало светать, она испугалась: не сломался ли будильник? Стрелки как будто стояли на месте. Вскочила, выудила наручные часики из хрустального блюда, в котором кучей лежали все ее кольца-бусы-серьги. Тоже пять ноль пять. Приложила свою «Омегу» к уху — тикает. Еще полежала, стараясь ни о чем не думать, чтобы суметь заснуть, но уже в шесть стала мечтать о том, какой она будет сегодня. Разные одежды сами собой, неуправляемо, замелькали перед глазами. Хоть закрытыми, хоть открытыми — все равно.

Что надеть? Этот простой вопрос способен взбаламутить любую женщину, поднять из ее глубины такие мысли, что позавидуют и философ, и психолог. Если, конечно, дама со вкусом и не слишком богата, чтобы за нее думал нанятый модельер или продавщица дорогого бутика.

Маша задала себе головоломку из самых сложных.

Первое: нужно понравиться Катенину, который не любит как выраженной экстравагантности, так и блеклых тонов — это Маша выяснила у него самого. Он-то никогда о своей одежде не слишком заботился: на западе покупал голубые рубашки (хлопок, сто процентов), синие майки с высоким горлом (чтобы вид-

нелись из-под расстегнутого ворота — галстуки не любил), твидовые пиджаки серых тонов и вельветовые брюки в широкий рубчик, — униформа английского профессора. Маша, заметив в московском магазине похожие штаны, сразу загорелась: вот бы подарить их ему на день рождения. Спросила размер, а Катенин улыбнулся: да у меня дома пять пар таких лежит. На день рождения не пригласил и после с Машей никак свой праздник не отметил...

Второе: соответствие погоде. Скинула ночную рубашку, голая вышла на балкон, подняла руки над головой и потянулась, чтобы всей кожей почувствовать температуру. Вчерашний прогноз предрекал жару, двадцать восемь — тридцать, но сейчас Машу обдувала утренняя прохлада. Очень приятная. Возвращаться, по-видимому, придется поздним вечером, когда снова станет нежарко. А может быть, Катенин оставит ее у себя на ночь?..

Третье: самой должно быть удобно, уютно. Сама должна себе понравиться, а это самое трудное, ведь зеркало порой превращается в увеличительное стекло и вырывает из контекста самые мелкие недостатки. Мало кто замечает на постороннем лице прыщик, новую морщинку, волосок лишний, а на своей рожице такие пустяки отравляют настроение на целый день. И насчет одежды все очень подвижно. Заметишь, например, что какое-то платье тебя красит. Ну, встречные женщины вглядыва-

ются, мужики оборачиваются вслед или мальчишка уступит место в метро... Наденешь его на следующий день — а тот эффект уже пропал: настроение другое, лицо другое, и обрамление нужно другое.

Маша потеряла себя мочалкой под чуть теплым душем, промокнулась махровым полотенцем, вылезла из ванной и скользнула сухой ладонью по бедру — кожа гладкая, крем втирать не надо, тем более что в жару поры должны быть свободны. Все делала автоматически, не занимая голову, а все-таки в уме решить задачу не смогла. Постояла перед распахнутым шкафом, раздвигая тесно прижавшиеся друг к другу вешалки. Рядом с высоким Катениным она и так кажется коротышкой, так что лучше не делить себя пополам кофтой и юбкой. Нужно платье, это и женственней. Какое? Сегодня, пожалуй, подойдет то, что недавно она сама связала из серых льняных ниток и зеленого шелка.

Лет десять назад любая заграничная шмотка считалась престижнее, лучше, чем одежда, сшитая у портнихи или сварганенная дома. Ценились денежно-доставательные возможности, а не труд и выдумка, на которую и голь хитра. Теперь все меняется. Дочка нет-нет да и расскажет, как ее подруги хвалят Машино вязание. Новое поколение исправляет все советские перекосы. Молодняк, собравшийся в Барвихе, оценит рукодельный наряд. А Катенин заметит их взгляды. Он наблюдательный.

Значит, насчет платья решено, остальное — дело эстетической техники. Широкий серый шарф, серые босоножки, в уши — овалы нефрита, от которых Машины голубые глаза отливают зеленым.

За все длинное утро она ни разу не оступилась в отчаяние. Если и было какое волнение, то оно не переходило само собой в горькую мысль-предчувствие.

По дороге к фонду, откуда пять дней каждое утро, по словам Клары, отправлялся автобус в Барвиху, Маша улыбалась про себя, предвкушая радость.

Не встревожилась, оказавшись перед закрытой дверью. Слишком рано приехала. Ничего, солнце еще только просыпается, не жарит — можно прогуляться по Сретенке...

Народ потихоньку прибывал. Незнакомые юнцы и девицы собирались в группки. Из здания вышла растрепанная, неопрятная чиновница с листком бумаги и сердито объявила, что в рафике поедут только те, кто есть в списке.

Маша слегка задержалась: что делать? Черт, зря не предупредила Клару... Пришлось воспользоваться громким брендом своей газеты, хотя это было не совсем честно: официальный корреспондент отправился в Барвиху в первый же день и уже опубликовал отчет об открытии. Но кто вникает в такие подробности... «Конечно, конечно, вы едете», — дала отмашку организаторша. И Маша, не чикаясь, заскочила в подо-

шедшую машину, пусть пришлось просидеть там чуть ли не целый час, пока все собирались. В духоте, да не в обиде.

Авто стояло, а механизм тревоги был запущен. Еще пара толчков — хоть извне, хоть изнутри — и скатишься в пропасть отчаяния... Как удержаться? За кого зацепиться? Маша огляделась. Возбужденные молодые физиономии. Ребятишки, по маковку погруженные в свои заботы. Она вывернула голову так, что в шее что-то хрустнуло, и почувствовала, как ее будто полоснуло то ли ненавистью, то ли презрением. Полузнакомая коллега, с которой не было никаких столкновений. Ни по женской линии, ни по профессиональной... Маленькие карие глазки — единственная живая деталь на ее оштукатуренном лице, похожем на маску. Они, как мыши, юркнули в окно от Машиного взгляда.

— Место свободно? — Высокая девушка дотронулась до Машиного плеча, дождалась ее разрешающей улыбки и села рядом. — Я в городе переночевала и вот возвращаюсь на семинар.

Черноволосая башкирка охотно, без наводящих вопросов рассказывала про трудности сестры, вышедшей замуж за москвича, про родительский огород под Уфой, про мужа-хирурга, пока еще мало зарабатывающего, и с той же доверительной, искренней интонацией принялась нахваливать местную власть, причем не забубенными общими фразами, а с умильными

ми подробностями вроде подарков к дню рождения президента, сделанных детьми в детских садах и школах, стипендий молодым журналистам для стажировки в Москве и в Европе — она сама месяц в «Либерасьон» проработала... И напоследок соседка, прощаясь с Машей, просидевшей всю дорогу с открытым от удивления ртом — так восторженный пафос патриотки отличался от рассказов о полной диктатуре и зажиме СМИ в национальных республиках, которые она слышала в кулуарах своей газеты, — еще и поблагодарила провидение, что ей удалось поговорить «с таким замечательным, интересным человеком». Это уж был перебор.

Но тревога прошла. Даже весело стало.

БЫЛО ВЕСЕЛО, СТАЛО СТРАШНО

На улице начало припекать, а в холле модернизированного советского пансионата стояла кондиционированная прохлада. Приятная. Все приехавшие знали, куда идти, одна Маша неприкаянно потопталась у входа и, чтобы не привлекать к себе внимания, уткнулась в стенды с информационными материалами. Изучила всю навешанную казенщину. Но не без пользы читала.

Так, сейчас заканчивается завтрак. Вычислила, где тут кормят, и переместилась к искусственному водопаду, под листья живой пальмы в разошедшейся деревянной кадке, откуда было хорошо видно всех входящих и выходящих из столовой. Минут двадцать простояла, но Катенин не появился... Пропустила? Вышла из тени и тут же наткнулась на Клару. Та ей как будто обрадовалась. Наверное, достали ее капризные «випы», которые отстаивают свой статус ревнивым сопоставлением того, у кого какой гостиничный номер, кто когда выступает, кого как привозят-увозят... Позаботиться о равной — это вроде отдыха.

— Давайте я вас завтраком накормлю. — Клара приобняла Машу за плечи и повлекла за собой. — А потом пойдем на семинар — сегодня выступает ваш однофамилец. Он такой доклад написал! Может, и этот текст подойдет вашей газете...

Маша испугалась, что вот сейчас увязнет в тусовочной рутине, и ей уже будет не вырваться. Совсем не подумав о последствиях, она как вкопанная встала у стеклянных дверей, за которыми видна была столовая размером с футбольное поле:

— Мне с Катениным надо встретиться.

Не сообразила даже придумать какое-нибудь объяснение, зачем ей это нужно.

Клара вмиг помрачнела. Будто у нее из рук вырывают добычу. Как же ей тогда приглядывать за Катениным? Что она сможет рассказать про него Потемкину, если Машка эта ее оттеснит! И уже не обычным бесцветным голосом, а зло она отрезала:

— Не знаю, где он.

— А позвонить ему можно? — Маша, как Мцыри какой-нибудь, знала одной лишь думы власть: Катенин.

На враз постаревшем Кларином лице читалась борьба двух желаний. Ее так и тянуло немедленно выгнать отсюда нахалку, которая мешает выслужиться перед Потемкиным. Но... Вдруг эта мерзавка Катенину пожалуется? Кто его знает, как онотреагирует... Никогда не могла она предсказать его реакцию.

— Спросите у администратора! — не без истеричности выкрикнула Клара и ринулась прочь, почти бегом. В ярости от Машиной бестактности, от вечной невозмутимости Катенина и от своего унижительно-зависимого положения.

Блондинка за стойкой нехотя лизнула глазами какой-то список и буркнула, что нет там никакого «Катенина». Маша вырвала у нее бумажку, нашла и номер комнаты, и номер телефона, без спросу подвинула к себе казенный аппарат, позвонила. Никто не ответил. Еще раз набрала три цифры — снова длинные гудки. Почти силой заставив администраторшу объяснить, где в этом сложном лабиринте лестниц, этажей и декоративных садов искать катенинский номер, понеслась в нужную сторону. Ничего уже не соображала. Приличия не имели для нее в тот момент никакого значения.

Для нее, но не для Катенина.

— Куда спешим? — усмехнулся он, когда в темном коридоре Маша с разбегу почти уткнулась в его мускулистый, сразу напрягшийся живот. — Ты что, в номер мой собиралась зайти? — спросил он безо всякой угрозы, с любопытством постороннего.

— Но я же вас потеряла, я уже думала, что вас тут нет, — семеня рядом с ним, оправдывалась Маша. От испуга на вы перешла.

На свету, в холле Катенин остановился, что-то прикидывая в уме. Потом внимательно оглядел Машу, зардевшуюся от стыда за свою пылкость и от страха, что сама все испортила. Довольно — самодовольно — улыбнулся и предложил:

— Пошли позавтракаем. Я здесь поздно встаю, девочки мне всегда оставляют поесть. Поделюсь с тобой, если ты, конечно, будешь держаться в рамках.

В каких рамках? — не поняла Маша и на всякий случай от еды отказалась. Попросила только кофе. Принесли самое худшее из возможного: растворимый, с молоком и с сахаром. Машу стало подташнивать от этой чуть теплой бурды, а Катенин с аппетитом уплетал манную кашу, флиртовал с официанткой, почти уродиной, которая покрасивела от его внимания, и, как бы между прочим, заметил:

— А я даже собирался тебя предупредить, чтоб не приезжала... Выступление мое перенесли на после ужина, ты все равно не сможешь так поздно задержаться.

Не сказал — приказал. Ну что тут поделаешь?

Не оставляет... От долгого предвкушения эта мечта — провести с ним ночь — казалась такой реальной... И теперь она рухнула...

Маша чуть по-девчоночьи не выскочила из-за стола. Чуть... Сдержалась. Кто-нибудь в такой ситуации и побежал бы за ней — такое бывало. Кто-нибудь другой, только не Катенин. А раз так — то чего она добьется? Глупость же несусветная: приехать, навязаться... Чтобы свой норев продемонстрировать? Типично бабское поведение... Ну уж нет! Маша проглотила обиду и улыбнулась, изо всех сил стараясь, чтобы глаза распахнулись пошире и слезы из них не вылились наружу. Получилось.

— После завтрака я обычно гуляю. Составишь мне компанию, или у тебя тут дела? — Катенин как будто

и не заметил промчавшейся бури. Или заметил и не счел нужным реагировать... Опытный, знает, что женщины всегда создают резко континентальный климат — ему не привыкать. Дождь собирался, но не хлынул, так зачем раскрывать зонтик...

Часовая прогулка по местной Унтер ден линден, то есть по широкой аллее под липами, почти успокоила Машу. Они то говорили, то молчали, шурша гравием... Никакой натуги не было, только ей пришлось то и дело напрягаться, чтобы отгонять ранящее ощущение того, что Катенин нет-нет да подумает о чем-то, чего Маше знать не следует. Раз сам не говорит — спрашивать нельзя, тут она сама себя уже давно вымуштровала. И все-таки... Другая женщина? Здесь, наверное, полно смелых кокеток, чьи грудки-плечи-животики, беззастенчиво выставленные напоказ, так и кричат: попробуй меня!

«Убью!» — мелькнуло в Машинном мозгу.

— А теперь — граммов по пятьдесят коньяка будет в самый раз... Ты не против? — вежливо спросил Катенин, когда они уже поднимались по ступенькам, ведущим в местный бар. Слишком вежливо. Как гостью спросил, а не как близкого человека.

Несмотря на самое учебное время почти все столики были заняты. У стойки Катенин стал вслух рассуждать:

— Забыл доллары поменять... Оказывается, здесь негде... Рублей пятьсот нужно...

— Я дам! Я могу больше дать! — Маша с неуместной прытью полезла в свою глубокую сумку, нащупала кошелек, раскрыла его, отсчитала деньги и постаралась незаметно сунуть Катенину пять бежевых бумажек — так, чтобы он не испытал никакого неудобства.

— Спасибо, этого хватит, — был улыбчивый ответ. Нисколько не смущаясь, он протянул бармену одну сотенную, а остальные по-хозяйски расправил и положил в свой бумажник.

Вдвоем они были недолго. Незнакомые Маше молодые люди — она обращала ревнивое внимание только на девиц — поодиночке и группками робко подходили к их столику, здоровались с Катениным, некоторые осмеливались спросить, что он думает, например, по поводу нашей Чечни и ихнего Ирака, или как ему понравились вчерашние посиделки с песнями... Катенин их не торопил, внимательно выслушивал. Будто подкарауливал, не проявится ли какая оригинальность. Потом также не спеша говорил свое — коротко и парадоксально. На просьбы об интервью отвечал стандартно: «Как-нибудь в другой раз». Присесть никому не предлагал и с Машей не знакомил. Это ее сперва напрягало, а потом она догадалась, что он просто не знает или не помнит имен юных политиканов.

Она расслабилась и даже пару раз отвела взгляд от Катенина — спиной почувствовала, что кто-то за

ними наблюдает. Обернулась — вроде никого. Пригляделась повнимательнее и заметила в дальнем темном углу одиноко сидящего брюнета в маленьких круглых очках без оправы. Этот, что ли? Тоже мне, битл нашелся... Кто такой? Но тут ее отвлек неприятный скрежет. Не железом по стеклу, но что-то вроде этого.

Потемкин пододвигал стул на металлических ножках к их столу. По мраморному полу тащил.

— Вам удобно выступить сегодня вечером? — Он крепко пожал руку Катенина и подсел без приглашения, на правах хозяина. — После обеда приедет министр экономики, поэтому мне пришлось вас передвинуть, — повторил он то, что Катенин узнал еще вчера.

Из кармана льняного пиджака здешнего заправились разлилась мелодия оруджавского «Последнего троллейбуса». Шестидесятник напоказ, подумала Маша. И повнимательнее присмотрелась к Потемкину, пока тот не таясь, при всех ворковал с женой, как обычно делают неверные мужья, притворяющиеся подкаблучниками. Все в нем создавало видимость молодости и преуспевания: легкий загар, который поддерживается круглый год, невзирая на сезоны, румянец во всю гладко выбритую щеку, даже седые волосы, подстриженные так, чтобы продемонстрировать их густоту и отсутствие лысины и в то же время не слишком длинно, чтобы невзначай не приняли за бо-

гему. Поджарость — вот что отличало его от тучноватых чиновников, крепко сидящих в своих креслах. Во всякий момент готов к прыжку, к захвату.

Маша вжалась в спинку стула и опустила глаза — на этот раз даже порадовалась, что ее не представили. Интересно, чувствует ли Катенин опасность, исходящую от этого человека? Неужели ему не претит хотя бы эта приторная ласковость и вкрадчивая забота?

Вдруг она покраснела, как будто ее застигли с личным. Почему? Не из-за каких-то конкретных слов из монолога Потемкина, не из-за быстрого взгляда, брошенного на нее Катениным, нет... Тогда почему?

В речи, в интонации бывшего министра она услышала не мелодию даже, а писк, тот звук, который издает уязвленная душа, намеренная отомстить. Различила потому, что знала его по себе: «ну, погоди» шипело ее подсознание всякий раз, когда приходилось глотать обиду, когда она не получала то, о чем мечтала. То, что заслужила, как ей казалось. И тут же вспомнилось, как тщательно переписывал и снова правил Катенин то место в их первом интервью, где упоминалось имя Потемкина. Речь шла о продаже контрольного пакета акций одного нефтяного монстра. «Закроют сорок три скважины, и почти две тысячи человек останется без работы. Попробуем помешать...» — улыбнулся тогда Катенин.

— Как бы нам сделать, чтобы леди могла послушать министра и потом вернуться в Москву? — без всякой подводки спросил Катенин, подмигнув Маше.

— На разъездной машине отправим, — ответил Потемкин и внимательно посмотрел на Машу. Впервые вгляделся, да так цепко, что ей показалось, будто ее данные занесли в компьютер.

Зачем?

Тут к ним подошла Клара и позвала в столовую, подомашнему улыбаясь мужчинам и демонстративно игнорируя даму.

Будет машина или нет? — спрашивала себя Маша, хлебая жидкие, типично общепитовские щи. Почему себя? Так Катенина же нельзя. Да и незачем: если он берется за дело, то всегда доводит его до конца. Значит, за это дело не взялся... А разговор затеял только для того, чтобы Маша твердо уразумела — к вечеру она должна уехать...

Ждет он кого-то?

Точно, ждет. Иначе зачем ему столько денег? Тут же кормят бесплатно, а выпивка, как во всяком буфете «не для всех», довольно дешевая. Маша подняла глаза от тарелки и искоса посмотрела на сидящего рядом Катенина. Невозмутим, спокоен.

Как обычно, надо терпеть. И она прислушалась к разговору за столом.

— Мы составляем список резерва... Нет ли у вас на примете перспективных бизнесменов, администраторов, журналистов? — вкрадчиво спрашивал Потемкин, пододвигая к Катенину тарелку с четырьмя разными пирожными.

Приоритет выбора в этом властном мужском сообществе не за женщиной, а за первым в негласной иерархии.

— Я могу порекомендовать Милютина, — ответил Катенин, задержав свой взгляд на Маше, и она на долю секунды успела подумать, что речь идет о ней, а не о шустром ее однофамильце. Ошиблась.

Как он может так? Да еще свое пирожное ей подсовывает:

— Съешь, а? Ты же знаешь, я сладкого не люблю.

— И мое тоже возьмите, — собезьянничал Потемкин. И тоже объяснил, что это никакая не жертва: — На сегодня я уже перевыполнил свою норму по калориям.

Так многозначительно сказал, что можно было подумать, будто пирожное отравлено, о чем знает только он.

Все женщины делают это — заедают свои горести. Маша не исключение. В начале их знакомства Катенин бывало, говорил: «Меня попросили кого-нибудь предложить, и я назвал тебя», — но ни разу его рекомендация не имела практических последствий. Пока, надеялась Маша. Конечно, ей, как всякому, не помешала бы

поддержка, но в случае с Катениным главным, важным была не столько сама помощь, сколько то, что она — реальный знак близости, заботы... Может, даже любви?

Но вот сейчас, прямо при ней назвать ее однофамильца! Да еще так, как будто он не понимает, при чем тут Маша! Что ей это обидно...

Ну, погоди...

И совершенно упустив из виду, что она действительно ни при чем — речь шла о начинающих, — Маша принялась одно за другим уничтожать пирожные: сначала эклер, посыпанный шоколадной крошкой, — будто Катенина живьем съела, потом стала жевать корзинку с грибом из сливочного крема и живой клубникой, представляя на ее месте голову Потемкина, потом проглотила свой шарик — круглую черную «картошку» и напоследок расправилась с ничейным «наполеоном». Спокойно, не торопясь отрезала маленькие кусочки и ложкой отправляла их в рот. Даже уголки губ остались чистыми. Успокоилась.

— Что может быть прекраснее женщины, которая ест с таким аппетитом! И о талии не думает. — Катенин повернулся лицом к Маше и посмотрел на нее с двусмысленным озорством. Раньше такой взгляд всегда предшествовал поцелую...

Сразу после обеда ждали министра. Большая часть слушателей уже просочилась в зал. У дверей топтались только те, кто зацепился за знакомых. Машу ок-

ликнули. Услышав свое студенческое прозвище, она оглянулась: телевизионно засвеченным лицом пробивая себе дорогу, к ней приближался главный редактор сугубо либерального еженедельника. Давным-давно он вел мастер-класс у студентов журфака, с тех пор и обнимал Машу при каждой встрече. Не седел, не старел, поэтому редко кто называл его по имени-отчеству. Федорка и все тут. В брежневские времена он был почти как Твардовский в хрущевские.

— Ты ли это, Милюта? Слепишь! — Редактор театрально, напоказ прикрыл глаза растопыренной ладонью, подглядывая в просвет между пальцами. — Видел, видел, с начальством тусуешься. — По-хозяйски положив правую руку на Машино плечо, он чмокнул ее в ухо и тихо, неслышно для других, прошептал: — Переходи к нам на работу. Обозревателем. Зарплату эксклюзивную положим.

Маша высвободилась из его беспольных объятий и покачала головой. Хоть отказалась, но все равно — предложение обрадовало. Одного доброго слова хватило, чтобы сбросить морок. Надо же, умудрилась тут превратиться в девочку обиженную и беззащитную! Ведь уже на первом курсе, — когда она еще и не подозревала, что нельзя быть открытой и естественной, — именно Милютой прозвали ее скорые на приговор и сообразительные однолетки. Правильно раскусили. Есть, есть в ней что-то от Малюты Скуратова. Никуда не делось.

— Брезгуешь... — Федор Федорович сцепил волосатые руки на груди и переступил с ноги на ногу — встал в бойцовскую позу. — Сейчас — понимаю. Но я слышал, у вас собираются владельца поменять... Не фиг тебе поджопника ждать! Возьми-ка мою визитку. — Он сунул руку в задний карман голубых джинсов и ловко вынул из него белую тонкую картонку. — Звони! И не обязательно по делу. Вот встретил тебя — как будто в молодость вернулся. Жаль, я через час уезжаю, не то вечерком поплясали бы тут.

От него пахло табаком, коньяком и потной спешкой. Типичная журналистская смесь. Приятно... Маша уже совсем было расслабилась, но тут вспомнила, что ей тоже придется отсюда убираться. Она нахмурилась и сердито спросила:

— До метро не подбросите?

— Не вопрос! А ты не уговоришь Катенина нам интервью дать? Он не сегодня-завтра будет весить больше, чем все эти министры-хренистры. Если, конечно, не остановят... Сам-то я не очень верю в патриотически ориентированную экономику, но как возможность... Надо и это учитывать. Иностранное корыто, из которого мы все хлебаем, тоже ведь не вечно.

Федорка говорил громко, специально вещал для приближающегося к ним Катенина. Маша представила их друг другу, заикнулась насчет интервью, прослушала трафаретный ответ — не отказ и не согла-

сие, — и, увидев, как с улицы через центральную дверь входит министр, отступила за мужские спины. Чтобы не стоять на пути у начальства. «Ты что!» — возмущенно шепнул Катенин, взял ее за локоть и вытащил обратно на ковровую дорожку. Чиновник остановился перед живым препятствием, громко поздоровался со всеми, потом поцеловал Машину руку и пожал катенинскую.

«Вот видишь! Никогда не отступай!» — снова прошептал учитель и пошел в зал. Маша за ним. Как приятно ей было его прикосновение... Таким же бесцеремонным, мужским жестом он поворачивал ее со спины на живот и... Стоп! Это сейчас лучше не вспоминать.

Все, что было, придется забыть? Подарил близость, а теперь даже память о ней отбирает?..

— С транспортом договорилась? — спросил Катенин, усаживаясь. И потом несколько раз, пока с трибуны звучали общеизвестные трюизмы, смотрел на свои вызывающе дешевые часы.

Она запомнила эту необычную для Катенина озабоченность, немного даже суетливую. Но уже только вчуже отметила ее, не подпустила обиду к сердцу. А когда вытянула ноги в просторном федоркином бумере и полетела в нем домой, то и вовсе почувствовала себя счастливой. Молодец, что съездила! — вот что пронеслось в голове.

Федорка быстро домчал до ее дома, ловко, удивительно легко для своих лет и регалий, выскочил из ма-

шины, а потом, явно на всякий случай, попытался по-настоящему, в губы, поцеловать спутницу — стандартная обоеполоая проверка обороноспособности объекта и вообще наличия сопротивления.

Маша рассмеялась и, нисколько не раздумывая, ответила привычно: просунула указательный палец между его и своими губами и сделала шаг в сторону. Брысь, мол. Слов тут не надо. Словами можно оскорбить, а так — и понятно, и необидно. Состоявшиеся мужчины ради телесного удовольствия не штурмуют обычно крепости с закрытыми воротами. Зачем, когда вокруг сколько хочешь широко распахнутых дверей.

Хорошо попрощались. И Катенину будет о чем рассказать.

ОДИНОКО...

Месяца через три, осенью, Катенин снова согласился на поездку. В городке Ди, на юге Франции, собирали европейских и русских политиков. Ничего особо интересного не намечалось, и наша делегация — так себе, и Европа ему уже наскучила, но... Именно в Ди каждое лето ездил Петр последние пять лет своей жизни.

Три года прошло со дня гибели брата, а все равно Катенин то и дело ловил себя на мысли — вот об этом надо бы ему рассказать, вот тут его мнение узнать... Петр был и остался единственным зеркалом, в котором Катенин видел свое более или менее правдивое отражение, и с месяцами-годами после его ухода ничего не менялось. Почему? Да просто Катенин сгруппировался, как только увидел — умирает брат... Все силы собрал — и душевные, и физические — чтобы не погрузиться в непродуктивное отчаяние — очень эгоистическое чувство, которое постепенно утишается, улетучивается и вместе с его исчезновением смывается память о том, кто его вызвал.

Именно тогда, перед отъездом во Францию, и балагурил Катенин с Машей по поводу жалкой проститутки в переходе через Новый Арбат. Из чистого озорства нарисовал картинку. На ходу придумал — никого и никогда не снимал он на улице: из осторожности брезговал «местами общего пользования», как он сам это называл.

Посмеялся и забыл. Но когда сел в электричку — ехал на дачу, чтобы на следующее утро прямо оттуда жена отвезла его в аэропорт, — вдруг сообразил, что Маша возникла в его жизни через полгода после убийства брата. Интересно... Судьбой она послана?.. М-да...

Очень редко он вот так думал о женщине, с которой в настоящее время поддерживал хоть какую-нибудь связь. О прошлых, исчезнувших из его жизни дамах — бывало, вспоминал, когда вдруг заносило в то место, где та или другая выкинула неожиданное коленце, сказала словцо, натолкнувшее его на парадоксальную мысль... Аромат цветка, запах шанели, тема Меркуцио тоже могли напомнить о прошлом, но если возникала хоть самая маленькая тяга к женщине из настоящего времени, то он не транжирил свои эмоции на думы, а ждал, когда они накопятся и подтолкнут руку к телефону, чтобы, не заглядывая в записи, без подсказки набрать нужные цифры. Так получалось, что в его цепкой, ни разу не подводившей памяти с первого раза задерживались телефонные номера интересных ему женщин. Инстинкт срабатывал. Открыв это, Катенин, когда были какие-то сомнения, проверял себя: если циферки запомнились, то звонил даме, а если нет — оставлял ее на свободе.

Вообще-то уже в старших классах школы, когда все мальчишки только о бабах и болтали, он понял, что эта трепотня ему неинтересна. Надо действовать —

и будь что будет. (И много чего было, много...) А думать надо о своем собственном деле. О работе. Он быстро уразумел, что независимым может стать только профессионально состоявшийся мужчина. Алгоритм прост: нужно сперва заработать имя, а потом его удерживать. Как? Тоже ничего нового: все время учиться и совершенствовать свое понимание других. Второе тоже очень важно, иначе коллективное бессознательное затолкнет тебя обратно в бездонный котел, в котором варится обыденная жизнь безвестных людей.

Увлекательная, интересная борьба была обеспечена Катенину на все оставшиеся годы. А чтобы не сражаться на два фронта, он никогда не поддавался подругам, норовящим усложнить любовные отношения. То есть почти всем женщинам.

Женился он, как известно, на самой красивой и умной девушке из всего их курса, родил двух детей, и на первом месте всегда был их покой, их здоровье и их счастье. Следил лишь, чтобы поводок, которым он сам себя привязал к семье, был достаточно длинным и никогда не натягивался с той стороны. Не так уж много сил все это требовало, оставалось еще — и сколько! — самой разной энергии, которую он расходовал, как заблагорассудится. Но тратил ее только для добывания радости, удовольствия. Гедонист!

Как за редкими птицами, охотился Катенин за оригинальными женщинами. Именно охотился. По моло-

дости хотелось добычи, тянуло завоевывать и побеждать. Но это неоригинальное чувство насытилось быстро, почти сразу.

Вот что запомнилось: он только-только начал ухаживать за понравившейся сокурсницей. Впервые вместе отправились в гости. И вдруг во дворе подруга просит Катенина задержаться, чтобы порознь войти в дом. Мнется, говорит обиняками, но он догадался: стесняется его. Потом-то понял: псевдоинтеллигентные мешанки обычно пренебрегают людьми, резко отступающими от стандарта. Даже самую яркую индивидуальность способны опознать только тогда, когда на нее наклеен ярлык общественного признания.

А в тот раз было очень неприятно. Минут пятнадцать молодой, неопытный Катенин переживал. Уже на шестнадцатой пришел черед его спутницы сокрушаться, ведь именно через четверть часа все гости хотели с ним чокнуться и поговорить, девушки сами приглашали его на танец... Он потом, после вечеринки обнаружил в карманах брюк, пиджака и рубашки неровно оторванные бумажки с телефонными номерами и женскими именами. Визиток в то время еще ни у кого не было.

Очень скоро Катенина перестали удивлять те люди, с которыми приходилось вести профессиональные дела. Люди как люди... Он их понимал, предвидел-просчитывал их поступки, вовремя реагировал на сопротивление и козни... Редко случалась хоть

сколько-нибудь интересная неожиданность. А вот с дамами сердца было по-другому. Уже не так часто, как в молодости, но все еще попадались непредсказуемые экземпляры.

Мысль Катенина опять вернулась к Маше. Зачем она ему?

Преданная женщина у него уже есть, жена. Второй не требуется.

И тех, о ком он хочет и должен заботиться, у него в избытке. Сейчас на первом месте опять же жена. После того обморока в посольстве у нее стало пошаливать сердце. Врачи говорят — невралгия... Конечно, все болезни от нервов, но слишком часто у нее рука за левый бок хватается. Ладно, хватит о грустном...

Конечно, Маша красивая, умная. Ну и что... И такие у него бывали.

Так почему же она сумела удержаться рядом с ним? И с более приставучими он расставался, не вызывая вражды умудрялся отлепить от себя ихнего брата.

Гм, вот, наверное, в чем необычность... У большинства дам ведь как — если спим вместе, то дружим, а нет — так нет. Так получалось. Так почти всегда получалось. Но если дама умудрялась не напакостить ему в отместку и сохранить его дружбу и свою свежесть, то — бывало, не часто, но бывало — тяга возвращалась. Маша же как будто не заметила, что он сексуально охладел к ней.

Он и сам об этом особо не думал. Сперва ему даже нравилось, что она не доходит до заветной черты (пересекает ее женщина, а победителем себя чувствует мужчина), но она вдруг вслух попеняла ему, что он в какой-то момент всегда забывает, что тут, на его постели, лежит она, конкретная Маша, а не просто приятное женское тело. Он даже рассердился тогда на эту женскую глупость: разве можно в этот момент думать. Останавливаться, что ли...

И еще она сильно похудела. Ему, конечно, нравились разные женщины, но если уж худые, то тогда высокие, а при Машинომ росточке лучше, чтоб она оставалась полненькой... Приятно обладать богатым телом...

И еще...

А, зачем копать! Лень... Да и одна замена подвернулась, подходящая ему по всем параметрам.

Так почему же Маша удерживается?

Ну... Ему всегда интересно было наблюдать за людьми в их развитии. Он и с одноклассниками изредка встречался (не прикладывая собственных усилий — с теми, кто сам объявлялся), и ежегодные сборища однокурсников старался не пропускать, чтобы понаблюдать, как они меняются с годами, куда идут — влево-вправо, вверх-вниз. Куда и почему... Даже с теми, кто ему мстил, было любопытно пересечься через пяток-другой годиков... Хотя бы посмотреть, перегорела у них ненависть и злоба или нет...

А Маша почти каждый раз — новая... И мудреет прямо на глазах... От прокурорского тона начала избавляться... От категоричности, почти детской... Для своей легкомысленной профессии даже слишком умна. На лету схватывает. Хорошая ученица! Когда слушает его импровизационную болтовню, то такой серьезной становится — умора! Глазищи свои прикрывает... Без их блеска — это уже не пылкая девочка... Это взрослый оппонент... Выбирает из потока какие-то мысли и потом, аж через месяц, бывало, ему же возвращает: «Ты вот сказал, что жалость, как всякое чувство, нужно обуздывать... Я понимаю, ты не имел в виду банальщину, что жалость унижает. А по-моему, жалость — это еще и теплота, необходимая для поддержания жизни». Интересный поворот.

Мыслит... И за себя может постоять...

Катенин вспомнил, как в Барвихе к ним подошла Клара. Бестолково и долго о чем-то его спрашивала. Жестикулируя, задела Машу. Может, и специально хотела ее оттолкнуть. А Маша спокойно, не повышая голоса, четко говорит: «Я свое место вам не уступлю». Здорово у нее получилось! По-мужски. Клара сразу отскочила. А через пару месяцев последовало продолжение. Маша же и рассказала, как на очередной конференции села с краю и положила сумку на соседнее кресло. «Место для тебя заняла. Думала, вдруг придешь. Когда первый докладчик уже выступал, кто-то меня тронул за плечо. Оборачиваюсь —

Клара. Спрашивает, можно ли рядом сесть. Было ясно, что ты не объявишься, я и кивнула». Вот и закольцевался сюжет...

Так, а что еще его удерживает возле Маши?

Наверное, то, что она сама, без объяснений поняла: его нельзя упрекать, нельзя заставлять оправдываться — этого он терпеть не может. По молодости-то пробовал логически что-то женщинам доказывать. Но случайно услышал, как его тогдашняя дама, рыдая, жалуется подруге: «Он меня своей железной логикой добивает совсем. Это так больно, так жестоко...» С тех пор — молчок. Сама не можешь понять? Не доходит? Ну, тогда — гуляй, милая...

А еще Маша никогда не спрашивала, где он был, с кем, есть ли у него другая... Ни разу... Он даже удивлялся поначалу: в постели почти все женщины если не допрашивают, то уж любопытничают обязательно.

Не скрывает ли она от него что-то важное? Не похоже...

И на его мужское охлаждение она ответила без слов. Ни разу себя не навязывала, но он-то видел, что если ему вдруг снова захочется — не оттолкнет. Приятно...

Специально понаблюдав, Катенин решил, что Машина сдержанность — это производное очень редкого свойства. Самоотверженностью называется... Опасным ветерком потянуло. Берегись, если не

будешь соответствовать. Но ему-то нечего бояться. Ну, слегка прохватит, но не до смерти же... Если что — подлечимся.

А греет то, что даже голос ее лучится от радости, когда она в ответ на его звонок говорит свое фирменное «алло». Всегда ее контральто звенит, где бы и когда он ее ни застиг. Пусть хоть месяц прошел с последнего контакта — он проверял.

И еще. Во время разговоров с ней — чаще, чем с другими, гораздо чаще — его мысль заворачивает в неожиданные уголки. Да и Машины соображения бывают интересны сами по себе, а ее оценки порой напоминают ему его самого, юного.

Иногда достаточно просто начать рассказывать ей о проблеме, как решение приходит само собой.

Так, как бывало и с братом...

Захлебывающийся лай Джоя Катенин услышал, спускаясь по щелястой деревянной лестнице с перрона. По первой же визгливой ноте узнал голос одного из четвероногих членов своей семьи. Прислушался. Странно, почему соло? Почему Зинка ему не вторит? Что-то стряслось.

И он побежал, прихрамывая. Когда свернул на финишную прямую, которая упиралась в их калитку, то стал различать и осипшие женские вскрики. Нина суматошно, бессмысленно бегала по улице вдоль их невысокого штакетника. Туда и обратно.

— Зина! Зина! — надрывалась жена. Мужа заметила, лишь когда он очутился возле нее. Совсем рядом. Тогда она не обняла даже, а приподнявшись на цыпочки, беспомощно повисла на нем: — Собака пропала.

Катенин решительно оторвал жену от себя. Господи, как она побледнела... Левая рука за грудь схватилась, в том месте, где сердце. Как будто вырвать его хочет.

Он испугался. И за Нину, и за себя. Своего одиночества испугался.

И хоть не верил Катенин ни в какие клятвы, но само вырвалось... Он зажмурился на секунду и пообещал себе мысленно, как бы заговаривая беду: если останусь вдовцом, то ни на ком больше не женюсь.

А пока как можно спокойнее допросил жену. Оказалось, собака сбежала из машины, когда Нинка заскочила в местный магазин за подсолнечным маслом. «Я только на одну минуту ее оставила», — растерянно оправдывалась она. Слезы еще стояли в близоруких карих глазах, но рука уже оторвалась от сердца. Вовремя сумел Катенин перебросить тяжесть на себя.

Так, ясно. Надо торопиться. Бегом в гараж. Хорошо, что вернулся засветло. Стемнеет — пиши пропало. Не вернуть будет Зинку. Возле каждой пригородной станции бродят стаи ничейных собак. Грязных, голодных, с оторванными ушами и с незаживающими

язвами. Почти одичавшие четвероногие бросаются навстречу равнодушным толпам, которых выплевывают электрички. Безнадежно ищут своих хозяев.

Джоя Катенин взял с собой. Посадил на заднее сиденье и привязал — может, хоть его услышит беглянка. Сам сел за руль. Жену брать не хотел, но она так умоляюще-беззащитно нагнулась к окошку и молча посмотрела ему в глаза, что сердце Катенина защемило. Он нажал на тормоз, перегнулся через сиденье и открыл переднюю дверцу.

Вот так же она доверилась ему на их первом свидании, и с тех пор он каждый раз знал, чувствовал, что обидеть ее — все равно что обмануть преданного ребенка. Красота ушла, волосы рано поседели, сильно округлилась осиная когда-то талия, которую она по тогдашней моде подчеркивала широким лаковым поясом и юбкой-колоколом. Но привязанность никуда не делась.

«Я бы тебя любила точно так же, даже если бы ты был никому не известным инженером», — как-то призналась ему Нина. Обманывалась, конечно, но все равно приятно. Он многое прощал слабому полу, он и расчет прощал женщинам: еще как исхитриться им надо, чтобы выполнить свое природное предназначение. Но рядом с ним могла быть только та, у которой есть самостоятельно выращенная в душе привязанность — ничем не обусловленная и не зависящая даже от его ответного чувства.

Часа два мотались они втроем — он, она и собака — по окрестностям, каждого прохожего спрашивали, не видел ли кто белого спаниеля с большой черной кляксой на правом ухе. Катенин то и дело выскакивал из машины и громко звал: «Зинка! Зиночка!».

Неотвратимо, стремительно смеркалось. Жена сидела всхлипывала, не пытаясь промокнуть ручки, которые текли из глаз и из носа. Испуганный ребенок... И он сам уже почти отчаялся, как вдруг Джой стал рваться с привязи. Возвращаясь ни с чем, они ехали мимо огромного, так и не скошенного поля. Летом рожь забили наглые молодые васильки — целую копну насушила Нина для своих картин, — и вот теперь редкие ржаные колосья, как никому не нужные забытые старики, торчали из потрескавшейся земли. Катенин заглушил мотор, присмотрелся и вдалеке заметил белый комок, медленно ползущий в сторону от дороги.

— Зина! Зинуля, ко мне! — завопил он, выбравшись из машины.

Расслышав отчаянный крик хозяина, собака встрепенулась, вскочила на лапы и как ракета понеслась к родной машине. Катенин прислонился к капоту, чтобы в порыве радости она не опрокинула его и не расцарапала лицо и шею.

Завтра же ранним утром во Францию лететь.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГРАНИЦА

Попался... Целый час уже топтался Катенин возле огромного электронного табло на Лионском вокзале. Старался стоять так, чтобы со всех сторон была видна его седобородая голова. От бессилия даже стал заглядывать в лица совсем чужих людей, которые, как и он, назначили встречу в центре зала, у расписания. Ни намек на обещанное сопровождение. Знал же, что все условия надо оговаривать самым подробным образом, особенно с безалаберными французами. Видимо, что-то упустил, не проконтролировал. Мысли о брате затмили разум.

Ничего, бывает...

В билетном окошке аппетитная веснушчатая матрона долго не понимала его английского. Отвечала по-французски. Говорила громко, по слогам, жестами пыталась что-то втолковать непонятливому иностранцу — и все это медленно, лениво, даже с грацией. В общем, он и тут получил долю удовольствия и не слишком обрадовался, когда аппетитная толстуха подозвала на помощь англоговорящего чернокожего кассира. Тот забормотал очень быстро, проглатывая слова знакомого Катенину, но все же чужого языка. Надо будет подтянуть английский, пообещал он себе. А пока нашел выход: стал вслух повторять за негром каждое слово. Дело пошло. В конце концов уяснил, что последний скороход «тэ-жэ-вэ» в сторону Ди

только что умчался, буквально пока они тут объяснялись. На сегодня остался только тихоходный поезд. Время в пути — пять часов вместо трех.

Что делать? Расслабиться и снова получать удовольствие. Так Катенин и поступил.

Когда пошел последний час долгой дороги, он проснулся и приказал себе больше не дремать. Чтобы размять ноги, встал с кресла, подошел к дорожной схеме, которая висела возле туалета в начале вагона, и вчитался в имена станций, предшествующих его цели. На каждой остановке сплющивал нос об оконное стекло — всматривался в освещенные таблички с названиями и вслушивался в объявления по поездному радио. Лишь через раз удавалось точно совместить печатные буквы и скороговорку диктора.

Да, не очень уверенно чувствовал себя Катенин, когда ступил на темный ночной перрон в Ди. Задрал голову к небу, как они делали вместе с братом во всех незнакомых местах. В Египте, например, совсем другая картина: месяц не стоит, а лежит. На люльку похож, в которой так и тянет покачаться. И Стрелец натянул свой лук в положении лежа... А здесь — все как у нас, под Москвой в ясную, безоблачную ночь. Полная, по-пушкински глупая луна, Полярная звезда — декабристка, Млечный путь лермонтовского Демона — все на своем месте.

Вселенная, а в ней ушедший братец и он сам. Надежде. Звезда с звездой говорит... Хорошо... В ушах

зазвучал голос Петра: «Все испытания посылаются нам для того, чтобы мы что-то поняли. Все без исключения. И крупные, и мелкие... Авария, например, научила тебя не бегать и не суетиться... Не забывай про это».

Катенин постоял, поозирался и пошел на свет — к стеклянной будке в начале перрона. Возле нее на скамейке дремал мужичок в потрепанном бежевом плаще. По-русски — бомж, а по-местному — черт его знает. Странный тип приоткрыл один глаз, равнодушно скользнул им по единственному пассажиру и снова отключился.

А из будки никто не отзывался. Катенин сперва тихо постучал, потом громко позвал, потом поколотил в дверь. Бесполезно.

Ладно. Утро вечера мудренее. И не в таких передрыгах побывал... Он сел с краю на деревянную скамейку — ту же, где похрапывал непонятный гражданин, чемодан поставил между ног, чтобы почувствовать, если кто захочет его спереть, откинулся на спинку и уже начал задремывать, как вдруг кто-то задышал ему прямо в лицо. Не перегар, но все равно противно... Катенин приоткрыл глаза и кого увидел? Соседа. Оказывается, именно он, активист местного кружка по изучению славянских языков, вызвался встретить русского гостя.

Катенин так и не понял, почему тот его сразу не признал. Загадочная французская душа...

Потом все пошло как обычно: гостиница, заседания, много докладов и мало, очень мало и смысла, и толку. Сам Катенин отстрелялся в первый же день — сымпровизировал несколько парадоксов, которыми потом даже гордился в душе. Занесло его. Сказалось, что красота не может спасти не только мир, а даже и саму себя. Эстетический критерий значим для ничтожно малого числа людей, которым, по математическим законам, можно и пренебречь. Для жизни большинства опасно надеяться на красивую ложь в духе старца Луки: их защитные силы тогда перестают работать. В общем, пролетарский Горький как наследник Достоевского... Чистая крамола с либеральной точки зрения. И наплевать! Кураж появлялся, когда удавалось сформулировать то, что бултыхалось в глубине сознания. Пусть поперек всем...

Спорили с Катениным и с трибуны, и в кулуарах, и за едой. Героем дня стал, необходимое одиночество приходилось вырывать чуть ли не с боем: поздней ночью совсем уж невежливо захлопнул дверь перед носом Потемкина. Тот хотел поговорить о чем-то, якобы важном для обоих. Трех дней ему не хватило. Да и знал Катенин потемкинскую проблему: Клара выдала, что шефу пообещали вернуть министерский портфель, если он сумеет пролоббировать сомнительную сделку, в результате которой могла возникнуть никому не подконтрольная монополия. Увольте, сразу решил про себя Катенин, не только помогать не бу-

ду, а если получится сорвать аферу — непременно вмешаюсь.

Утром за завтраком к нему подседа местная журналистка, с первого дня выделившая его из толпы разновозрастных участников, и пригласила к себе на дачу — прогулка на пароходе и все такое. Катенин присмотрелся к ней повнимательнее. Беззастенчиво разглядывал. Девушка высокая, стройная, тело небедное. Французский шарм компенсирует изъяны лица: тяжеловатый подбородок, основание носа непропорционально широкое... По-английски говорит через пень-колоду, отрывисто и медленно — ему все понятно. Столкнемся, решил Катенин и согласился.

Но и тут пришлось отбиваться. Теперь Нелепин пристал. Самый молодой из русских участников конференции. Несмотря на признаваемую всеми перспективность он то и дело молчаливо смотрел в рот Катенину — и в переносном смысле, и буквально, за завтраком. Но вот на третий день вдруг расхрабрился:

— Возьмите меня с собой, пожалуйста.

Катенин аж поперхнулся. Прокашлялся и все-таки не промолчал в ответ на нелепость, а поинтересовался:

— И что вы там делать будете? Свечку держать?

И самому стыдно стало за ехидство, как только дошло, что этот мальчишка представления не имеет о том, как скрашивают отвязные журналистки суровые будни знаменитостей. При его-то известнос-

ти остаться таким слепым... Чего только в жизни не бывает. Так невнимателен к реальности... Книжный червь? Значит, сумел в одиночку обработать информацию и самостоятельно создать действующие, живучие политические модели. Молодец! А опыт общения с женским полом — дело наживное, наверстает!

(И тут прав, прав оказался Катенин...)

Журналистка ни в чем не обманула катенинских ожиданий, и все-таки он огорчился: оказалось, что никакой летней математической школы здесь больше нет. Обычная история — без Петра все заглохло. Не удалось даже выяснить, в каком доме они все жили. Единственное, что точно связано здесь с братом — это небо. Высокое небо...

А на следующее утро приехала Клер — шумная толстая доцентша из Сорбонны. Специалист по русской истории и культуре. В Нью-Йорке познакомились, она была там в качестве неофициальной подружки нобелевского лауреата. Лихая, веселая, безалаберная. Ну чисто русская баба, хоть и француженка. Особо не церемонясь, она затащила Катенина в свой «рено». Он и не сопротивлялся: все-таки что-то неожиданное.

Поехали. В деревню. По-нашему ее называли бы бесперспективной. Когда лет десять назад молодые провинциалы — ну прямо как у нас — стали сбегать в город, муниципалитет Парижа выкупил у них по дешевке дома и предложил их в аренду отставным профессорам Сорбонны. В рамках социальной программы

поддержки пенсионеров. Человек десять согласилось. Каждый занялся каким-нибудь сельским ремеслом: кто гусей разводил, кто рамки из дерева мастерил на бывшей лесопильне, кто диковинные розы выращивал — кому что нравится. Не для денег, а для души.

Клер везла Катенина к бывшему декану философского факультета, своему учителю. Усевшись за руль, она скинула туфли на высоком каблуке и босой ногой лихо жала на педали. Понеслась. Было зябко, а она сняла курточку и осталась в сиреневой кофтенке, похожей на комбинацию. Соблазняет? — мелькнуло у Катенина. Хочет включить в свой донжуанский, точнее, клеопатринский список наряду с нобелевским лауреатом? Пусть... Ничего решать пока не хотелось. Может, и нагуляю аппетит, там видно будет.

За окном вдруг потемнело, крупные капли дождя застучали по крыше, и сразу переднее стекло их «рено» стали заливать потоки воды, с которыми не справлялись «дворники». «Мерд!» — выругалась француженка и сбавила скорость. Они уже ехали по деревне. Похоже на подмосковный дачный поселок, только дома стоят далеко друг от друга и ни один не выпендривается: однотипные одноэтажные виллы под черепичной крышей. Аккуратные, чистенькие. Никакой эклектики — ни тебе колонн под античность, ни барочных балясин, ни готических башенок.

Пока бежали через двор, промокли насквозь, и хозяин — чисто выбритый старик с одутловатым ли-

цом и глубокими залысинами, придающими его лбу нечто сократовское, сразу, с порога предложил выпить вина собственного производства. Катенин по всем правилам поболтал в стакане красную непрозрачную жидкость, понюхал, причмокнул для приличия, но глоток сделал малюсенький: всегда опасался он дилетантов. И не зря. Вино и на цвет, и на запах, и на вкус показалось ему очень подозрительным. Как только Клер с философом-виноделом занялись камином, чтобы согреться и просушиться, Катенин незаметно для них выплюнул свой глоток в кухонную раковину и туда же вылил все свое вино.

«Что же их-то не предупредили?» — спросила Маша, когда уже в Москве он с беззаботной ухмылкой рассказывал ей эту новеллку. В лицах и с дословными цитатами. «Но я же не был уверен, что это отравка. У меня желудок чуткий, а у них, может, потроха луженые, откуда мне знать...»

Какие луженые! Уже через пару часов обоих, и профессора, и его ученицу, выворачивало наизнанку. Как будто той самой сократовской цикуты отведали... Только к вечеру Клер оклемалась, проспав три часа в гостевой комнате, а хозяин даже не смог встать, чтобы попрощаться.

Так что неожиданно-негаданно Катенину выпал таким чаемый кусок одиночества, и довольно большой. Он и нагуляться успел — ливень быстро кончился, солнце высушило дороги и навело порядок в природе и в голо-

ве Катенина. Он ходил и улыбался про себя: интуиция опять не подвела, отхватил у вечности ломоть радости.

Умелец!

Похвалил себя и не заметил, как еще чуть-чуть нарастил жирок самодовольства.

На обратном пути Клер добродушно и слишком для русского уха прямолинейно посетовала, что ей не удалось с Катениным «трахнутья»:

— Сама виновата... Сейчас уже поздно, не могу к тебе в номер подняться: у меня завтра первая лекция, надо сегодня же в Париж возвращаться. Может, случай еще и подвернется... — Она не спрашивала, не просила, а как бы рассуждала вслух. — А ведь все это могло быть вашим... — На светофоре, не отрывая взгляда от красного сигнала, Клер подхватила снизу свои внушительные груди и чуть тряхнула их.

Умеют эти француженки себя предложить, подумал Катенин. Полную, стопроцентную свободу тебе оставляют. Хочешь — бери, не хочешь — жаль, но это никак не повлияет на наши отношения... И глагол его не покоробил: привык уже к тому, что иностранки любят пощеголять и еще более откровенными словечками. Думают, что с их помощью демонстрируют отличное знание великого и могучего.

— Да, чуть не забыла! — не сдавалась Клер. — Через год у нас в Сорбонне будет конференция. Международная. Не порекомендуешь кого из молодых? Тебя-то я уже внесла в список.

И тут Катенин сглумил: назвал Машино имя. Спокойно так его произнес — ничего, мол, личного. Но все равно нарвался на протест.

— Милютина? Ни за что! Выскочка и фифа! — Простое, открытое лицо Клер вмиг изменилось, сложно сморщилось, да так, что любой прочитает получившуюся гримасу: уязвлена, приревновала, ненавидит. (Поневоле подумаешь: может, не столь плоха наша русская зажатость, если европейская свобода так по-зверски проявляется...)

«Я, конечно, ответил как надо, но все же удивился. Ты что, знакома с ней?» — дословно повторив слова Клер, спросил Катенин уже в Москве. Маша сперва не смогла и рот открыть. Уставилась в пол, чтобы побороть гнев, чтобы гонцу с плохой вестью не бросить в его спокойное лицо свинец злых, несправедливых слов.

Ответил как надо... Как ему надо, а меня опять не защитил...

Ничего... И к этому надо привыкать...

Маша взяла себя в руки, загнав обиду в самую глубину души. Туда, где накопилось уже много претензий к Катенину. Критическая масса почти...

Даже бессмысленное «спасибо» выдавила. Воспользовалась правилами вежливости, которые помогают спрятать, удержать в себе сильные эмоции. Послушно отвечая на катенинский вопрос, вспомнила, как на последнем курсе университета профессор Мионов познакомил ее со своей иностранной ста-

жеркой, как потом то и дело они пересекались на ту-совках — Клер часто наезжала в Москву и была с Машей если не любезна, то уж точно нейтральна...

— Не понимаю, за что меня женщины так не любят. — Заканчивая рассказ, Маша еще и виновато улыбнулась. Почти не притворяясь.

А Катенин тогда, в Ди, подсадовал и на француженку, и на себя, и, прощаясь, только наклонился к ней, чтобы чмокнуть в щеку. Даже не приобнял. Недвусмысленно ответил. Клер не обиделась, взяла его руку в свою и крепко, по-мужски пожалала. Ладно... Будем, мол, друзьями.

Войдя в гостиницу, Катенин помешкал и отправился не к себе в номер, а прямо в бар: очень хотелось выпить. Чего-нибудь покрепче, надежного в смысле качества. Сел за стойку на высокий табурет, обитый ярко-красной кожей. «Дабл виски», — небрежно бросил он франтоватому бармену-метису. Сделав первый глоток, расслабился, повернулся на крутящемся насесте, осмотрелся. И наткнулся на растерянный взгляд Нелепина, который как раз из светлого коридора входил в здешнюю темень. У Катенина уже и рука поднялась, чтобы позвать молодое дарование, но тут он внезапно, даже для себя неожиданно передумал: посмотрю, как без подсказки он себя поведет.

Нелепин же сперва метнулся в сторону стойки, будто почувствовав катенинское намерение — раз-

глядеть чуть приподнятую руку в этом полумраке он не мог. Сделал несколько шагов, но сразу оробел. Потерянно потоптался на месте и сел на ближайший стул. Плюхнулся, чуть не опрокинув стоящий рядом одноногий столик. Минут пять приходил в себя, уставившись в пол, потом поднялся и все-таки направился к Катенину.

Ну, что теперь? — про себя усмехнулся бывалый наблюдатель.

— Мне его жалко стало. Он симпатичный, — потом, уже в Москве признался Маше Катенин. — Надо было бы угостить его, разговорить. Одолжить, если он не при деньгах. До какой же степени нелюдимым может быть такой талантливый, обласканный человек.

— А деньги он бы потом отдал? — спросила Маша и тут же прикусила язык: вдруг Катенин решит, что этот вопрос — бестактное напоминание про мелкий барвихинский должок. Конечно, и сумма не ахти какая, и в кафе он всегда за нее платит, но... Долг — это другое. Или Катенин ее на смелость проверяет? Сможет ли она прямо, не обиняками ему напомнить... Вряд ли... Да Маша готова была ему отдать даже свою страховочную заначку — ни секунды не колеблясь, достала бы из чемодана на антресолях пакет с тыщонкой долларов. Не в деньгах дело... Для кого он в тот раз у нее одалживался? Не для другой ли женщины?!

ПРОГЛОТИВ ОБИДУ...

Маше стало боязно оставаться наедине со своими думами.

Дети?

Дети выросли. Дочь работает и учится. Сына в армии не покалечили — уже счастье. Конечно, трудно ему, мечтателю, приспособиться к современной жесткой жизни, в которой если и уважает кто романтиков, то только тех, на ком наклеен ценник в условных единицах с нулями. Ничего, разберется. Мальчик умный. Чем меньше над детками кудахтать, тем быстрее они найдут свой, самостоятельный путь. Как можно незаметнее старалась Маша им помогать, подстраховывать там, где понимала и могла.

Свекровь?

Держится пока. Не прозевать бы, когда станет опасно оставлять ее без ежедневного присмотра. Сама ни за что не скажет. О себе совсем не заботится.

Работа?

У профессионала пальцы сами бегают по клавиатуре, а голова частенько остается свободной. Почти как в спорте. Соображать, конечно, и там, и тут надо, но не двадцать же четыре часа в сутки помнить о своих очках-голах-секундах или о чужих дефолтах-отставках-банкротствах...

Первые месяцы после знакомства Катенин все время присутствовал в Машиных мыслях. Утром только-

только сознание включается — он уже там. Если с компьютером сравнить, то катенинский файл никогда надолго не закрывался, иногда только приходилось его свертывать.

Сердце билось, если он случайно вдруг мелькал в телевизионных новостях, а когда, рыская по интернету, Маша наткнулась на его фото — лицо на фоне неба, — то потом целую неделю ходила счастливая. Ярко-голубые глаза Катенина так срифмовались с окружающим его голову небом, так спокойно и открыто смотрели одновременно внутрь себя и на Машу, что ей вспомнился лукавый взгляд беззастенчиво женственной флорентийки, который достает даже с репродукции, а Маша стояла однажды и перед подлинником.

Но уже через полгода после их первой близости, когда она днями ждала его звонка, когда тщетно надеялась на свидание, всякий раз не только его фотография, но даже чье-то нечаянное упоминание его имени стали причинять ей боль. И почти ни один разговор, ни одна встреча не обходились без укола. Самолюбие страдало, гордость... Мечты никак не сбывались...

Вот Машина газета отмечает юбилей. Знаменитостей заманивают всеми способами. Катенина в их числе. Не ахти какое событие, но он обещал быть. Целая неделя для Маши прошла в счастливом предвкушении встречи — ведь он их почти никогда заранее не назначал, импровизационно всегда действовал, лишая ее приятного мечтательного ожидания.

Из-за редакционных дел она примчалась впритык, к самому началу торжественной части. Входит в зал, озирается: Катенин сидит с краю, а рядом, в глубь ряда — свободное место. Для меня держит! — екнуло Машино сердце. Стараясь не выдать радостную дрожь, она подходит, здоровается с ним и, оттягивая свой триумф (сидеть рядом с Катениным часа полтора — это ведь чистое счастье!) из вежливости, думая — избыточной, все-таки спрашивает: «Можно?» Катенин улыбается ей в ответ и несколько не смущаясь, но тоже вежливо, посторонне-вежливо отвечает: «Извини, здесь занято».

От этого неожиданного поворота Маша чуть не вылетела из зала...

Чуть...

Куда деть горечь, негодование, боль? Туда, в свою душу запрятать.

Говорильную часть Маша проерзала на «камчатке», в предпоследнем ряду. Высмотрела, что возле Катенина — Клара... Ну, раз эта — ладно. Стало поспокойнее.

На фуршете, проглотив обиду и полную рюмку водки, Маша еще и сама подошла к нему, чтобы похвалить его короткую и — по ее ощущению — самую блестящую речь. Будто про постороннего Катенин слушал, когда она, все больше воодушевляясь, описывала, как он, высокий, в бело-серой бороде и в новом тонком свитере, тоже бело-сером — красавец! — медленно,

не скрывая хромоты, поднялся на авансцену и, стоя на самом ее краю, заговорил. Сказал буднично, ни интонацией, ни позой не предупредив публику, что сейчас ломает привычный благодарственный шаблон: «Знаю, не всем нравится то, что я делаю. Вот прямо сейчас в кулуарах я услышал громкий шепот себе вслед. Две дамы в один голос воскликнули: “Такие, как он, губят Россию!” Тем более спасибо за награду».

— А кто эти тетки совковые? Вы их знаете? — тихо, почти шепотом спросил стоящий возле них высокий, под стать Катенину, брюнет в вельветовых джинсах и голубой рубашке с широко расставленными прямоугольными концами воротника. Как будто сигнал: я открыт, давайте общаться...

Маша догадалась, кто это, только потому, что Катенин подмигнул и быстро сжал ее локоть. Юный гроссмейстер от политики не давал интервью, на телевидении Нелепин ни разу не выступил, в газетах тиражировалась одна-единственная его фотография, смахивающая на фоторобот: глаза спрятаны за круглыми дымчатыми очечками. Поди узнай!

У Катенина, наверное, слямзил этот недоумок систему обращения с прессой, подумала Маша. Сюда-то что его привело? Не силой же затащили.

— Не было никаких теток, Катенин их сам выдумал, — ляпнула она из озорства и попала в точку.

— Молодец, Мария... — глядя куда-то в сторону, отметил Катенин.

Она воспрянула, повеселела. Но его уже опять отвлекли. Два слова для радио, три — для телевидения, четыре по псевдоважному делу...

Заполучить Катенина снова было трудно, а стоять в очереди на общих правах — увольте, до этого Маша еще не докатилась. И она уже вознамерилась уходить, как обнаружила, что Нелепин все еще переминается тут, рядом. Молча смотрит на нее, а встретив ее взгляд, отводит глаза. Уставляется в пол, как будто его за чем-то дурным застигли.

Подожду, что он дальше сделает, решила Маша. Катенин экспериментирует, а мне что же, нельзя? Можно, сама себе ответила. То ли вслух получилось, то ли Нелепин по губам умеет читать, но он отважился, спросил:

— Вы что-то сказали?

— Я? — Маша осмотрелась. Рядом — никого. — Я ничего не сказала. А вы?

— Меня Павел зовут. А ваше имя я знаю! — с какой-то ребяческой гордостью вырвалось у него. — Мар-рия... Мар-рия... — прорычал негромко. — Пошли где-нибудь чаю выпьем. Мне тут не нравится. — Он замолчал, но, не получив ответа, спохватился и добавил: — Вам, по-моему, тоже. Я заметил! Давайте вместе отсюда сбежим.

Один раз интересно пообщаться очень со многими, а если больше хочется слушать, чем самой говорить, то просто с каждым полчаса можно чаю попить...

— ...Давно не было так хорошо, — совсем по-детски удивился Нелепин, когда уже в темноте нанятое им авто остановилось у крыльца Машиного дома. — Можно, я буду вам звонить?

Черт, как назло, визитки дома забыла. Журналистка... При тусклом свете подъездной лампочки Маша вырвала листок из ежедневника и написала три цепочки цифр — домашнюю, служебную и мобильную. По опыту знала, что именитые люди надоедами не бывают. Заняты.

Прощаясь, Нелепин ловко поцеловал протянутую ему руку — не облизывал, а только коснулся сухими губами. И не заикнулся насчет того, чтобы к ней подняться.

Чувствует партнера, молодец, отметила про себя Маша. И взрослый, и непосредственный... Интересно. Сколько же ему лет?

До утра не стала откладывать, сразу полезла в интернет. Нашла. Сорок один годик. Всего на два года ее моложе, а она думала — на поколение... Надо будет Катенину рассказать...

Катенин... Машины думы вернулись восвояси.

Сперва, в первое время после того, как ее прибило к Катенину, она шарахалась от любой неприятной эмоции, которые так легко добывались с его подачи, гневалась на него, в сердцах решала — все, конечно, рву, и уже очень скоро — через час или день, не позже, — не разум, а чувства говорили ей: умру, если рас-

станусь с ним... Теперь же впервые она смогла отделить себя, чувствующую, от себя, думающей.

Про Катенина думающей.

Ни разу он ее не обманул...

Ничего не обещал — вот его единственное преступление.

Еще в самом начале он сам ответил на ее молчаливый, но внятный вопрос, который она, чувствуя силу желанной женщины, и не подумала скрывать: «Сейчас у меня только ты, а что будет потом — этого же никто не знает. И ты о себе тоже...»

Тогда у нее была надежда, даже уверенность, что Катенин ее полюбит, привяжется. Как обычно узнает женщина, что достигла этой цели? Свободный мужчина делает предложение руки и сердца, несвободный — разводится или просто начинает о ней заботиться.

Первое отпадает, ясно. Пока отпадает. А если его жена вдруг умрет, то тогда... Тогда он, конечно, женится на мне. Конечно, женится!

А сейчас пока есть только второе, то, что после «или»... Тут уж у Катенина самые большие возможности.

Правда, Маша в свое самое полное неудовольствие уже наобижалась, что он их практически ни разу не использовал: не считать же то, как он пытался сосватать ее на парижскую конференцию. По результатам Маша судила, а не по намерениям. Однажды только Катенин все-таки сжалился, сказал, глядя в Машино удрученное, расстроенное лицо: «Да не дергайся ты,

все идет хорошо. Это же такая редкость, что нам интересно друг с другом... Когда получится, я буду о тебе заботиться и помогать...»

Ничего не стоят вымогнутые обещания!

Через пару дней его пригласили на расширенную редколлегию, где новый главный ревизовал работу Машиного отдела. Катенинское слово очень бы помогло ей укрепиться, но... «Извини, в этот день не могу», — твердо сказал ее «защитник», хотя впереди была еще целая неделя, и за это время можно же было перенести любое дело. А он даже не намекнул, какое...

И вот сейчас, ночью, Маша допросила себя с самым трезвым пристрастием, на которое была способна, согласна ли она быть рядом с Катениным безо всяких условий? С этим равнодушным, спокойно-безучастным к ее судьбе человеком? Не колеблясь, мгновенно ответила сама себе: да.

Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне...

И Маша как бы раздвоилась: светлое чувство при ней, на виду, а тем временем на задворках души, словно в компьютерной корзине, скапливались неотрефлексированные, не пережитые обиды, претензии.

Если завалы время от времени не разбирать, то туда начинает попадать не только хлам, но и что-нибудь нужное, важное. И всю душу эта свалка может заполнить. И разные неожиданности могут на этом скопище случиться. Вплоть до неуправляемой реакции ядерного распада...

НЕ БУДУ ОТБИВАТЬСЯ ОТ НЕЛЕПИНА

Наутро после знакомства с Нелепиным Маше попала страничка из численника, который еще в новогоднюю ночь ради хохмы дочка приколола на косяк в туалете. Со сна в глазах двоилось, но Маша все же разобрала то, что маленькими буквами было напечатано на обратной стороне листка: «Самое большое счастье в жизни — это уверенность, что тебя любят. В. Гюго».

Что за чушь! — подумала она и тут же себя одернула. Опять сносит на обочину, где рано или поздно оказываются все хулители. Катенинские уроки вспомнились.

Уроки? Да нет, он никогда не поучал, он просто иногда вслух рассуждал. При Маше. Ухватишь — твое, пользуйся, нет — может, в следующий раз поймешь. Не согласна — спорь.

Чем больше было у них разговоров, тем крепче они застревали в Машиной голове. «Когда ругаешь кого-либо, всегда держи в голове положительную альтернативу. Найди, кто хорош по этому же параметру». И еще она усвоила, что любой скоропалительный приговор на секунду возвышает тебя, ты сам себя как бы хвалишь: я лучше, я умнее. И все. Никакого движения вперед: и ситуацию перестаешь анализировать, и полезного из нее ничего не извлечешь. Тупик.

Вряд ли Гюго рассуждал категорично. Наверняка фраза про любовь выдернута из контекста. Забывают же, что это идиот, князь Мышкин сказал про красоту, которая мир спасет, а именно Достоевского почему-то обвиняют в утопизме. Но без утопий, в которых воплощаются мечты, не обойтись. Если не будет безнадежного, красивого рыцарства, то некому будет противостоять природной агрессии — она-то неизбежна, поскольку вызвана естественной борьбой за выживание.

И все-таки... Вот муж ее любил, в этом, пожалуй, она уверена, но разве это принесло счастье?

А дети? Год назад она даже не задумывалась о том, как они к ней отосытятся... Но сейчас спросила себя, и дошло, что раз возможен такой вопрос, то и ответ, к сожалению, ясен.

Когда началось отчуждение? Кто в нем виноват?

По ее, Машинной вине оно случилось?

Вернувшись из армии, сын не захотел восстанавливаться в институте. Полгода присматривался, потом устроился в компьютерную фирму. Утром вставал рано даже по Машинным меркам. Если она успевала сварить ему кофе, то на ходу, не присев за стол, выпивал чашку и без «спасибо» выбегал из дома. Как подменили мальчика. Сестру сначала еще замечал: обзывал толстухой, тумбой, а когда застукал в ванной, как ее приятель бреется его «жиллетом», вообще перестал с ней говорить, только себе под нос злобно что-то

бормотал. Однажды Маша расслышала нечто трехэтажное, и ее рука сама по себе, инстинктивно рванулась и ударила по небритой сыновней щеке. Укололась...

Господи, с каким презрением он смотрел на рыдающую мать... А вечером не вернулся домой. Всю ночь Маша не могла заставить себя лечь в постель — то торчала у окна, всматриваясь в темноту, то к телефону бросалась. Куда звонить? Мобильник сына не отвечал, а больше ни одного номера, хоть как-то с ним связанного, она не знала. У свекрови бы спросить, но не ночью же будить старушку. Одно предположение, что с любимым внуком что-то случилось, может ее сбить с ног, и без того все время дрожащих.

Дочь и не подумала встать с дивана, чтобы мать успокоить. Отвернулась к стене, буркнув только, что если насовсем исчезнет этот мерзавец, то она плакать не станет.

Мерзавец... До армии разве можно было предположить, что так будет?

Что, что делать? В милицию — бесполезно: они только через неделю после пропажи заводят дело. Это-то всем известно.

В морги названивать? Пробовала. Пьяненький женский голос весело попросил дать приметы потенциального клиента. Пока Маша трудилась над словесным портретом, в трубке слышалось равнодушное «бульк-бульк» и икота. «Мамаша, ик-ик, с лица, ик,

не воду пить, вы, бл..., тело, тело опишите», — остановила сбивчивое Машино косноязычие стражница районного Аида.

Тело? Какое у сына тело? После армии Маша ни разу не видела его голым, он даже без майки не выходил ни из своей комнаты, ни из ванной. Она назвала возраст, рост, примерный вес сына и, тяжело вздохнув, замолчала. «Да ладно, успокойтесь. Ни одного молодого жмурика к нам в последние сутки не поступало. Это я так, для профилактики спросила. Люуди... Причитают, плачут, а не могут толком описать близкого человека».

Близкого человека... Маша почему-то сразу успокоилась. Вмиг ясно стало, что с сыном ничего страшного не случилось.

С ней — случилось. Не с ним. А о себе позаботиться она ни тогда, ни сейчас, через полгода после той пощечины, не могла. Не умела.

О ком тогда думать? Конечно, о Катенине.

Его бы она с легкостью описала. Широкая грудная клетка, заросшая седыми волосами... Меховая... Глубокая вмятина на позвоночнике чуть ниже талии. Даже от воспоминания о ней щемит сердце... Темно-коричневая родинка там же, над копчиком. Большая, с трехкопеечную монету. «А не опасно?» — испугалась Маша, когда включила прикроватную лампу и рассмотрела холодный неровный бугорок, на который в темноте наткнулась ее ладонь.

«Надо бы онкологу показать, да все недосуг... — Забота о собственном здоровье не возбудила Катенина. — Давай спать». «Спать» тогда уже значило, что Маша должна уйти в детскую, на дочкин диван. Да и вообще то был последний раз, когда он приехал к ней в гости...

Ранящие воспоминания пошли косяком. Прошлой весной — в Москве была почти зимняя холодыга — Катенин объявил, что летит в Египет. Послезавтра Маша вмиг сникла. Опять разлука.

Наблюдательный, он, конечно, заметил ее огорчение, но отреагировал весело, беззаботно:

— Я же всего на две недели. Хоть какой-то ремонт организма. И согреюсь. Ты должна за меня радоваться.

Полмесяца... У Маши аж сердце рухнуло куда-то вниз и замерло там в отчаянии. «Я, я могу тебя греть! Я!» — так и рвалось из нее. Но... Она потупила глаза и, наступив на собственную гордость, безнадежно попросила:

— Можно с тобой, а? Я бы где-нибудь рядом поселилась, в соседнем отеле. Я мешать не буду. Ну несколько раз по берегу моря вместе прогулялись бы...

— Нет, я хочу один побыть, — твердо отстранил ее Катенин.

Спокойно отказал, как будто совсем не чувствовал, что ранит Машу. Но он-то не хотел никого обижать. Ни Машу, ни себя.

— Меня жена с дочкой туда отправляют. Знают уже, что когда у меня взгляд становится стеклянным, то лучшее лекарство — одиночество.

Они вышли из сбербанка, что в Борисоглебском переулке. Катенин заплатил налоги за свои иностранные дивиденды. Управился быстро, так как решил не суетиться, чтобы выгоднее обменять доллары на рубли. Сразу попросил кассиршу посчитать, сколько теряется на разнице курса сбербанка и выгодного обменника, который он утром заметил на Старом Арбате. Ровно шестьсот рублей.

— Вот если бы восемьсот, то тогда бы я похромал в такую даль... — Катенин отвернулся от окошка и хитровато улыбался Маше, пока виртуальные деньги переключивались с одного счета на другой. — Ну, дело сделано, время сэкономили... Думаю, мы с тобой заслужили, чтобы где-нибудь посидеть.

Смесь обиды (не берет с собой...) и радости (вместе, вместе побудем! не сразу бросает!) чуть не вышибла слезы из Машиных глаз. Чтобы не расплескать их, она задрала голову. Разглядывала голубые изразцы доходного дома, что напротив сбербанка. Но его элегантность не помогла успокоиться.

Всю Никитскую Маша насупленно промолчала. Не выдержала только на переходе через Садовое кольцо, том самом, где минут пятнадцать приходилось выжидать зеленого взгляда светофора и где нервная толпа вслед за каким-нибудь нетерпеливым предводителем

лем нет-нет да и ринется на красный свет. Почти всегда такой вождь появляется.

— Зря я тебе навязывалась. Больше никогда не буду предлагаться, — мстительно повинилась она.

— Почему... — Катенин как будто и не заметил ее раздражения. — Кто знает, может, в следующий раз у меня будет другое настроение, и мы еще вместе съездим куда-нибудь.

Сам посеял надежду...

...Из Шарм-эль-Шейха путешественник вернулся с расправленным загорелым лицом. «Это что! Я весь шоколадный. Хочешь, покажу?» — И он вмиг, как фокусник или как вышколенный солдат, стянул с себя толстый теплый свитер и майку. У него на кухне чай пили.

Было на что посмотреть. Ровный коричневый заггар красиво покрывал его мускулистый широкий торс. Молодой сатир с шерстяной грудью. Серебристая поросль доходила до кадыка и сливалась с бородой. Катенин поиграл мышцами живота, эффектно выбросил правую руку в сторону, потом согнул ее, демонстрируя каменно-напряженные бицепсы. Маша рванулась было, чтобы прижаться щекой к его телу, но, не почувствовав от него никаких призывных токов, только словами обозначила восхищение. «Ух ты!» — воскликнула она и улыбнулась. Кривовато. Как всегда бывает, когда делаешь вид, что радуешься чужому счастью, которым с то-

бой не поделились. Обидно было, что не дал ей Катенин вкусить его мужской силы...

Катенин...

Его дети наверняка не такие, как ее. А какие?

Конечно, красивые, породистые. На отца достаточно посмотреть. Да еще и он сам говорит об их стати как о чем-то само собой разумеющемся. Не хватает.

Конечно, успешные. Откуда она знает? Да он упомянул как-то, что в их среде проблемы решаются на теннисном корте, в раздевалке фитнес-клуба, за обедом. Едят, естественно, не дома. «Полгода после открытия почти все рестораны отлично готовят-обслуживают, а потом портятся», — повторял Катенин вслед за дочерью, не забыв на нее сослаться. А перед последней поездкой Надюха дала ему буклет, где обвела кружками то, что ей надо купить к дню рождения. «Чтобы фасад подремонтировать, — процитировал Катенин, гордясь дочкиным остроумием. — Я сунул рекламную книжонку продавщице в дьюти-фри, она все и подобрала».

«А, ясно. Его дочь — типичная богатая мешанка», — ревниво рассудила тогда Маша. Про себя, конечно, не вслух же.

Да, очень редко он говорит про своих детей. Но явно не из-за того, что секретит. Родители обычно начинают хвалиться отпрысками, чтобы ощутить радость хотя бы в момент рассказа. Чем меньше ее в ре-

альности, тем больше в фантазиях. Совсем не упоминают о своих детях те, кому приходится скрывать их неудачи или даже преступления. При нормальных отношениях хватает естественной тяги друг к другу, и демонстрировать ее никому не хочется. И так видно, что в фундаменте счастья и спокойствия Катенина лежит семейная любовь.

А радуется ли его хоть сколько-нибудь любовь Машина? Спросила. Насмешливо улыбнулся... Но простил женскую слабость. Подумал и честно, обидно честно ответил, что ему, мол, приятно, когда она вся вспыхивает от радости... И только. Приятно — это не счастье, это лишь путь к нему.

Может, и ей, Маше, попробовать по нему пойти? И пусть он хоть в тартарары улетит со своим чертовым спокойствием и невозмутимостью!

Ну, во всяком случае не буду отбиваться от Нелепина, если, конечно, он позвонит.

МЕД И ЯД

Нелепин позвонил, но сначала объявился другой соблазнитель.

Не представился. Голос знакомый, а слов не разобрать. Гундосая каша какая-то. Лишь большие начальники настолько не заботятся о своей речи. Знают, что кому надо — и так поймут.

Маша поднатужилась и сообразила: сам Федорка снова приглашает ее в свой еженедельник. Вспомнил... И у нее в голове промелькнула объективка на потенциального начальника.

Как либеральной славе новомирского лидера Твардовского не мешали его многочисленные партийные и советские регалии, так и Федору Федоровичу не ставили в вину ни комсомольское прошлое, ни вполне лояльные книжонки о Ленине, ни очень четкие слухи о подловатом поведении с подчиненными. Если бы только с женским полом, то ладно, журналистика — греховная профессия... Но он, говорят, предавал и теперь продолжает подставлять без полового разбору — и в профессии, и в личной жизни.

Правда, это теперь большой вопрос, что называть низостью... Либеральное общественное мнение оправдывает все что угодно ради приятного ему результата. Ради политической целесообразности глазом не моргнут, насилуя гуманную мораль... И еще

приведут в пример Мейерхольда, который после каждой постановки небрежно, не терзаясь муками совести, оставлял, избавлялся от привязавшихся к нему единомышленников. Конечно, требование человечности сильно затрудняет условия работы... Куда проще действовать по звериному инстинкту. Но одно дело театральное искусство, где каждый должен понимать, что он всего лишь материал в руках уникального, единственного режиссера, и другое — производство. Любое — хоть машин, хоть домов, хоть газет. На конвейере заменим каждый, независимо от ранга: и рядовой, и начальник. Там гуманность — не обязательно помеха, она вполне может послужить на пользу делу.

Рассуждения, логика... Даже если все эти соображения приходят в голову, даже если полную их справедливость признает человек, то, увы, в его жизни это мало что меняет. Для реального поворота, для изменения курса нужно совсем другое умственно-эмоциональное состояние. Такое, которое позволит впитать чистое вещество истины, усвоить его, переварить так, чтобы оно дало энергию для правильных поступков. Мало для этого чтения книг, хоть и самых лучших, мало знаний-умений... И редко кто учится на чужом опыте...

Ну уж не самый большой подлец Федорка, сказала себе Маша. О любом начальнике сплетничают. Ее все это никак не касается. Раз приглашает так настойчи-

во, да еще оклад обещает в два раза увеличить, значит, ценит ее профессионализм.

Убедила себя и сразу же дала согласие. Мелькнуло, правда, что хорошо бы с Катениным посоветоваться, но пока до него дозвонишься, денежное место может и уплыть. Тем более что абсолютно ясно, куда придется потратить неожиданную добавку.

Куплю себе свободу. На полную, конечно, денег не хватит, но все же не такое рабство, как теперь...

После пощечины сын ни разу не ночевал дома. На следующий день, правда, позвонил и как чужой чужому сообщил, что хотел бы разменять квартиру.

— Почему? Зачем? — ужаснулась Маша. — Я же нечаянно, я больше не буду, — оправдывалась она по телефону. Как младшая перед старшим.

Если б сын наскреб хоть какие-то претензии к ней, к сестре, если б они начали обычную семейную перепалку, то еще можно было бы вернуться к доармейским временам, но он снизошел только до того, чтобы обиженно заявить: у него сейчас нет денег на свое жилье. Ни купить, ни снимать он не может. Пожил бы у бабки, она не против, но там нянька нужна, у него не получится. Говорил все это так твердо, что Маша сразу поняла: ей его не переубедить. Попробовала с дочкой обсудить ситуацию, но та так же твердо, как брат, сказала свое «нет». Не позволит она квартиру разменивать.

Уступишь одному — потеряешь другого...

И Маша стала каждый месяц потихоньку от дочки выдавать сыну триста долларов на квартиру. И это еще недорого. Встречались по его звонку. Чаще всего в метро, в центре «Киевской-кольцевой», чтобы не перепутать, у кого какой вагон первый. Сын, не глядя матери в глаза, спокойно, неблагодарно забирал протянутый конверт, на ее «как ты?» буркал свое «нормально» и уходил. Убегал почти. Высокий, уса́тый мальчик-мужчина. Длинные русые волосы стянуты сзади аптекарской резинкой. Зимой одет в незнакомую Маше легкую куртку, летом — в тишотку с какой-нибудь оскорбительной надписью, типа «Поди прочь!» или «Fuck you!». Маша принимала ругательство на свой счет до тех пор, пока не справилась у свекрови, в каких майках он к ней приходит. То же самое. Свекровь же рассказала о музыкальной группе, с которой он шатается по московским и провинциальным клубам. Кем? Звукооператором, осветителем, менеджером... Все делает, для чего не надо музыкального слуха и творческих способностей.

Итак, три сотни сыну, полторы — безработной однокурснице, которая по четыре часа шесть дней в неделю обихаживала дряхлеющую свекровь. На двоих оставалось... а, лучше не считать... Бедность. Машу она нисколько не пугала. Если бы не дочь. Та-то знала сумму, которую выписывает материнская бухгалтерия. Поначалу вместе радовались большой зарплате,

в «Бункер» втроем сходили, Леню Федорова живьем слушали. Как будто в другой жизни это было...

Да, бедность надо было скрывать. И Маша хваталась за любой заработок-приработок, чтобы только дочь ни в чем не ущемить. Чтобы не бросила Юлька институт. Она, правда, подрабатывала еще в литчасти подпольного театрала, но там даже символические рубли платили не каждый месяц.

Как тут отказаться от новой службы?

Дней через десять, когда Маша уже впряглась понастоящему, ей наконец перепала встреча с Катениным. Узнав про ее скоропалительный переход, он понимающе усмехнулся: поторопилась, бывает... Помолчал, а потом порекомендовал поискать запасной аэродром — подстраховаться на всякий пожарный случай. И в подробностях проинформировал про Федоркино вероломство. Не только единичных особей надувал новый Машин начальник, но и массами умело манипулировал.

— Помнишь, он вроде бы нечаянно проговорился в интервью, как вечером вернулся из Останкина домой, включил телевизор и чуть инфаркт не получил: подчиненная зачитала новость, что его сняли из телена начальников? — Катенин говорил нейтрально. Не восторгался лицедейскими талантами записного либерала, но и ситуационное вранье не осуждал. — Весь народ тогда негодовал на прези-

дентское коварство и был на стороне опального Федора Федоровича... И только очень немногие знали, сколько телевизионных активов в крепкой валюте он успел стяжать. А чтобы балычок не отобрали, часть его потратил на выпуск еженедельника. По логике вещей сколько-то продержится, отмоет приобретенное, а потом...

— Что «потом»?! — вскрикнула Маша, почувствовав реальную угрозу и оскорбившись. Она не хуже его знала, что «потом» бывает, но как-то же надо было отреагировать на полное равнодушие Катенина к ее судьбе. Про шахматный матч между Алехиным и Капабланкой и то запальчивее, заинтересованнее говорил... Спросила-то у него про судьбу газеты, но ведь имела в виду себя, свое будущее.

Катенин промолчал, сочтя вопрос риторическим. Закрыв тему, тем более что они как раз поднимались по ступенькам Манежа, где на прошлой неделе открылась ярмарка меда.

С уральского детства, от деда-пасечника, у которого все младенческие лета и школьные каникулы жил Катенин, он усвоил, что мед всему голова. Сам знал и Машу заразил своей убежденностью. Сразу и с удовольствием согласился взять ее с собой, чтобы поучить, как чувствовать, как понимать сложный вкус природного деликатеса.

Ей-то было все равно, где рядом с ним побывать. Хоть в вокзальной нервной очереди постоять, хоть на по-

минках пересечься, хоть английское письмо на ходу, в метрошной толчее переводить, хоть в кафе разбавить собой настойчивую немку, в прошлом что-то для Катенина сделавшую, а теперь абсолютно для него бесперспективную. И к тому же некрасивую. Он с такими изредка встречался из гуманных соображений, а еще потому, что все-таки интересно наблюдать даже небольшого человека в развитии, в динамике.

Так что сперва Маша семенила за ним от прилавка к прилавку только как эскорт, но очень скоро и ее завлекло. Слюнки начинали течь, когда Катенин поддевал вязкую желтизну кончиком специальной белой лопатки — на каждом прилавке среди пирамид из прозрачных пластмассовых конусов, наполненных разными медами, снопик таких палочек стоял в специальном стакане с медицинской надписью «чистые», сделанной толстым черным фломастером.

— Ни в коем случае не глотай сразу, — поучал знаток. — Распробуй сперва, дождись, пока весь букет ударит тебе в небо. Давай, смелее! Так, чувствуешь? Теперь сделай глоток. — Катенин отвернул голубую голову бутылке с минералкой, которую они вместе купили по дороге, и протянул Маше. — Очисти рот и можешь пробовать новый сорт.

По всему Машиному телу разливалось тепло, когда он подносил к ее губам пластмассовую лопаточку, с которой только слизнул чуть-чуть и прицокнул язы-

ком от восхищения. Если бы в этот момент она точно знала, что Катенин дает ей на пробу яд, то и его, ни секунды не колеблясь, проглотила бы.

Она прямо счастлива была от того, что здесь такие длинные-длинные ряды и что их так много. Жаль, Катенин останавливался не у каждого прилавка. Прочитает вывеску и идет мимо, бормоча:

— Ну, курский пусть лохи покупают. Там столько фабрик-заводов, вся природа отравлена... А в саратовской губернии солнца мало, трав сочных нет, значит, и мед бедноват... Нет, каштановый не люблю, он слишком сладкий. Но ты попробуй.

Какой мед лучше? Как понять? Маша очень хотела научиться. Для Катенина напрягалась, не для себя: она-то никогда не приходила в восторг от еды, какой бы вкусной и полезной та ни была. Примерно также она изо всех своих женских сил старалась перейти заветную для всех черту, когда лежала с Катениным в постели. Тоже только для него усердствовала: ей-то самой было достаточно того, что он прижат к ней. Прилипнуть к нему, как мед к губам — это уже было самым большим наслаждением.

Ну как, как эти меда различать? Липовый, майский, растопша... Алтайский, башкирский, горный... Все желтые, все вязкие, не крупитчатые... Гречишный — он хотя бы другого цвета, темно-коричневый.

— А дочь твоя разбирается? — ревниво спросила Маша.

— Ну, Надюха специалист. В прошлый раз именно она нашла лучший липовый. Но с ней-то вместе мы уже много лет покупаем. Она опытная. И ты научишься, — подбодрил Катенин. — Со временем.

— А ты мне поможешь?

— Конечно.

Маша ликовала! Для нее катенинское «конечно» прозвучало как обещание быть рядом следующие годы. Которые можно растянуть до конца...

Как бы меньше отвлекаться от Катенина, как бы запомнить, впитать его собственный вкус, вкус несуетливого увлечения... Все вокруг что-то высчитывали, возбужденно спорили, нервничали. Для них это был хоть и необычный, но все же базар, Катенин же будто по выставке ходил, наслаждаясь разнообразием экспонатов. Никакой алчности. Покупка, приобретение — это так, побочный результат удовольствия.

Мед все любят. Когда на их пути замаячила телекамера с журналисткой, лицо которой Маше запомнилось по репортажам Би-би-си со времен первого путча, Катенин свернул в сторону. Решительно, но совсем не трусливо. Не убегал, а просто избегал ненужного столкновения.

Пару раз он равнодушно кивнул головой на радостные приветствия каких-то своих знакомцев и шел дальше. Резко отдернул руку, когда его схватили за локоть. Не тут-то было. Его вельветовая куртка поползла с плеча: Потемкин по абстрактному начальст-

венному праву не выпустил рукав Катенина. Следит он, что ли, за ним, думала Маша, пока бывший министр что-то слюняво шептал в катенинское ухо. «Нет!» — громко и четко ответил Катенин, резко развернулся и потащил Машу к выходу.

— Эх, испортил песню! — посожалел он уже на улице. — Ничего не поделаешь, придется на него отвлечься. Сам напросился. Ладно, вникну, хоть это и не по моему профилю.

— А не опасно против такого идти? — испугалась за него Маша.

— Опасно. — Катенин нахмурился, но тут же потрянул головой и расслабленно улыбнулся. — Может, станет опасно, но сейчас пока все в порядке. Пошли на троллейбус, завезем банки домой, выпьем чаю и, потом, если захочешь, проводишь меня на электричку.

Еще бы не захотеть!

ПРИРУЧЕННАЯ

В очередной поездке Катенин капитально — до уязвимых почек — простудился, и почти три недели ему пришлось проворочаться в своей пригородной берлоге. Оброс, одичал и заскучал по Москве, но выбраться с дачи все как-то не получалось. Наконец внучка, оставшаяся на уик-энд после его шестьдесят четвертого дня рождения, подтолкнула: «Пора в люди, дед! Пора, не то совсем забуреешь...»

В Москве Катенин первым делом прослушал автоответчик — может, хоть он вытащит его к людям. Мужского аппетита что-то пока не было, хотелось только поболтать. С удовольствием.

Желательно с женщиной.

Первым шло длинное, нудное поздравление бывшей подруги, по-прежнему деканши. Как будто с трибуны выступает. Не вникая в смысл, прокрутил. Вполуха прослушал пару нагловатых, никак не мотивированных просьб от думских начальников, новые пожелания здоровья, успехов... Одна казенщина... Следующий? Бесцветный голос Клары приглашал в очередные поездки за поиском политического молодняка...

Поплавок души не шелохнулся.

Под конец, когда Катенин уже и не надеялся, что его что-нибудь зацепит, промелькнуло короткое непонятное сообщение. Глубокое сопрано. Но женский голос после короткой паузы сменил вальж-

ный баритон Потемкина. Так не хотелось даже слушать его, что палец сам нажал «стоп» и вернул предыдущую запись. Чтобы разобрать, кто звонил и что сказал. Взволнованное «Happy birthday to you, Vadim!» теперь Катенин узнал и без подписи. Вот и нашелся тягач — из приятных воспоминаний. Миронова. Писательница. Вспомнил, как в какой-то телепередаче она с незапальчивой гордостью ответила, что да, конечно, она женщина, и, значит, не против слова «писательница». Ничего оскорбительного в этом для нее нет. Женщина, сохранившая женственность — это уже самодостаточная личность. Что же до качества письма... Есть мужчины, не умеющие выстроить сюжет, и бывают женщины, мыслящие логично и способные разумом охватить мироздание.

Жена Катенина, которая вместе с ним смотрела тогда телевизор, на этих словах без ревности всплеснула руками: «Какая молодчина!»

И Катенин набрал номер мироновского мобильного. Писательница как будто ждала его звонка. Обрадовалась. Дел много, но может встретиться с ним в любое время. Отлично. Быстро сообразил, в каком районе есть пара недлинных, но важных деловых визитов и где там можно посидеть:

— Пошли в трактир на Самотеке. Как какой? Я его называю «Ни в одном глазу». Ха-ха! Точной клички не помню. Разве мы с вами там не были? Странно... — Ка-

тенин не смутился и не стал оправдываться. Перепутал дам, с кем не бывает. Проехали. — Помните, мы в конце лета на Цветном бульваре сидели? От того места надо повернуть направо, на Садовое кольцо. Дорогу не переходить. Кстати, у вас деньги с собой есть? Мне нужно пузырек виски купить. У вас же Елисеевский рядом, не прихватите там?.. Впрочем, не надо. Мне вот внучка подсказывает: на Цветном рядом с метро есть маленький супермаркет. «Ароматный мир» называется. Там и встретимся. Часов в пять.

...Катенин, как часто с ним бывало, запаздывал: хромота и привычка никогда и ни за что не торопиться мешали быть точным, хотя многие московские маршруты были у него рассчитаны по минутам. Уже издалека он заметил невысокую фигурку Мироновой. Стоит спокойно, прямо, ни к чему не прислонилась. Длинная, до пят юбка стройнит и выделяет ее из толпы. Мужики оглядываются. Самодовольная улыбка скользнула по его лицу и застряла в бороде.

— Почему грустная? Устала? — участливо спросил он, прикоснувшись губами к подставленной ему щеке. Прохладной, шелковистой.

Аккуратно причесанная русая головка качнулась — нет, мол, свежа и бодрa, как всегда.

— А, понятно: задумалась. — Катенин снова улыбнулся и придержал магазинную дверь, пропуская свою даму.

В небольшом полуподвальном супермаркете все полки были заставлены бутылками. Только бутылками. Стандартных и неожиданных форм, цветов, объемов и градусов. Рассматривая пятиэтажный стеллаж с разными сортами виски, Катенин подумал, как быстро забывается прошлое. Канули в небытие и времена безальтернативного выбора кандидатов на выпивку, какое бы название ни носила предлагаемая бурда, и времена дрожащих от нетерпения очередей, когда в ход шел и гуталин, намазанный на черный хлеб, и тройняшка...

— Возьму «Black label». Не ошибусь? — перевел он взгляд на Миронову.

Та растерянно пожала плечами. Но ответа Катенину и не требовалось. Вопрос он задал только для того, чтобы непьющая спутница (проверено не раз, в самых разных ситуациях...) не заскучала. По дороге к кассе он еще и объяснил:

— Главное: в киосках не покупать. Нам с женой завтра в Люберцы ехать — сороковины со дня смерти шурина. На похоронах был только самопал, я чуть не отравился.

— «Чуть» не считается... Вас отравить... — сказала Миронова, когда они уже шли по улице. Произнесла и, словно испугавшись, поспешно добавила: — Вас отравить не так-то легко.

Будто подняла глаза к небу и увидела вдали черноту, откуда на Катенина туча надвигается...

— Что-что? После антибиотиков я глуховат стал. — Он приотстал и переместился так, чтобы идти справа от Мироновой — левое ухо слышало получше.

— А, пустяки, пошутила неудачно. — С усилием отмахнувшись от предчувствия, Миронова поймала катенинскую ладонь и сжала ее.

Не первый раз подавила она женский заботливый инстинкт. Не любят мужчины, чтобы их слишком опекали. Жаль... Чем больше писательница изучала катенинские привычки, тем чаще видела, как ему можно помочь, как избавить от ошибок... Приходилось сдерживать себя, чтобы не превратиться в назойливую мамашу. Мамашу? Какую «мамашу» при их разнице в возрасте. Тринадцать лет — это почти целое поколение. Ну, тогда в няньку, которая ему тоже совсем не нужна. Вот, например, когда она была у него в гостях на каком-то выездном семинаре, в Барвихе... Она-то заметила, что он забыл купить боржоми и поставить возле кровати, чтобы ночью, если проснется от жажды, только руку протянуть... Заметила, но напомнить не решилась. Хорошо, что бар там был открыт до двух. Она сама и спустилась за бутылкой. Оделась, причесалась и сбегала...

В полутемной кафешке их посадили у окна среднего зала. Удачное место — не слишком мешает шум музыки из телеящика, подвешенного под потолком в самом дальнем от них углу. Привыкнешь, и не будешь

замечать. А беззвучных мест в не самом дорогом общепите теперь не бывает.

— Когда же мы последний раз виделись? — С обтянутой попы девочки-официантки, отходящей от их стола, Катенин постепенно перевел взгляд на свою визави. Заказ был уже сделан: салат по-браконьерски два раза, пирожки с капустой и борщ — только одна порция. Не удалось уговорить даму.

— Месяц и одиннадцать дней тому назад, — был мгновенный ответ.

— Как? Разве мы не встречались после моего возвращения из Питера?..

— Нет.

И опять в ответе Мироновой не было укора. Только знак: для нее разлука была длинновата. Любому мужчине приятно, когда по нему так неназойливо скучают.

— Ну, как роман? — Катенин поставил локоть на стол и положил подбородок на чашечку ладони — левое ухо направил, как микрофон, к губам писательницы.

— Какой из двух? С вами? — Голубые глаза внимательно на него посмотрели. — Его хотелось бы продлить...

И, не дождав ответного хода, она поторопилась:

— А если рукопись, то она, как и положено, подошла к неминуемому финалу. — Она улыбнулась и тоже передвинулась на самую кромку скамьи. Чтобы ему

было лучше слышно... Чтобы не говорить слишком громко. Разрушает интимность. Кулачками подперла кругленький подбородок, а грудь вдавила в столешницу. — Чем ближе к концу, тем больше боюсь. Не знаю еще, что дальше, после него со мной будет. Промежуток между опусами — самое ужасное время. По вечерам читаю толстенные «Судебные речи известных русских юристов»... Начала с выступления Плевако в защиту молодой женщины. Она любовника отравила. Готовый роман. О том, как опасно равнодушное, безответственное вторжение в чужую судьбу...

— Мы в ответе за тех, кого приручили? — Катенин усмехнулся. Свысока. — Что-то я не встречал ни одного человека, который бы за приручение хотя бы разок ответил. Не бойтесь, я вам подброшу, о чем писать. Я все время думал, кого мне напоминает ваше стремление дать оценку всему и всем. Вы никогда не виляете, не пугаетесь своих категорических, однозначных приговоров. И еще эта нота монологичности... Думал, думал, и, конечно, вспомнил. Когда больной валялся, тогда и вспомнил. Камю. «Падение». Перечитайте. Может, натолкнет на мысль. И даст объяснение тому, что у нас было.

Глаза Мироновой сверкнули и распахнулись еще шире. Катенин даже насторожился: неужели и здесь расчет? Пусть тонкий, непрямой... Так умна, что способна понять ценность чужой мысли... Хотя... Циничный прагматик не замечает и не ценит

той помощи, из которой не следует ничего практически осязаемого. Тьфу, к черту подозрительность!

Катенин с облегчением откинулся на спинку своей скамейки. Да она обрадовалась именно его заботе, тому, что он о ней вспоминал... Опять стало приятно. И он совсем расслабился.

— А у моей жены новый успех. — Катенин прищелкнул пальцами, не сузились ли черные бусинки зрачков подружки, не сжались ли ее пухлые губки? Помолчал и продолжил только тогда, когда разглядел — нет. Нет у нее тупой бабской ревности, которая минирует человеческие отношения и в конце концов их подрывает. — Нинкины «Васильки» купил голландский музей Ван-Гога. Признали, что ее травинки и лепестки все равно что пастозный мазок. Да-а... Страшная, невыносимая жизнь художника... Потом его стопроцентное бессмертие... И Нинка к этому оказалась причастна...

— Поздравляю! Помню, как она страдала от снобизма здешних музейных экспертов....

За окном раздался громкий хлопок и вслед еще один, заглушенный визгом срывающейся с места машины. Официантки выбежали на улицу и через минуту-другую вернулись. Репортаж с поля боевых действий был короток: из проезжающего джипа выстрелили в водителя мерседеса. Убит.

Обсуждали происшествие не эмоциональнее, чем итоги каких-нибудь спортивных состязаний. Про-

фессиональному обывателю расследования не надо, и так ясно: разборка между бандитами. Никого не жалко. Привычный фон жизни современного мегаполиса.

Катенин помрачнел.

— И меня вот так же могут... — Он сам не заметил, как заикнулся о том, от чего ему никак не удавалось отделаться в последнее время.

Обычно, если что-то вот так, как потемкинская паутина, налипало на него, нарушая привычную и необходимую ему гармонию, Катенин уединялся и думал до тех пор, пока не придет какое-нибудь решение. Выпутывался или рвал вражеские сети, но долго неприятного положения никогда не терпел.

— Что?.. Кто может?! — В голосе Мироновой — угроза и испуг.

Рассказать ей? — мелькнуло у Катенина. Нет, не сейчас... Нельзя эту тяжесть перекладывать на женские плечи. И неблагоприятно, и небезопасно: такая откровенность приручает. Она — женщина, конечно, умная, не истеричная, но я сам должен сообразить. А она пусть лучше про жену послушает. В педагогических целях...

— Оказалось, есть много женщин, которые занимаются самым разным художественным рукоделем. Они друг другу помогают, выставки устраивают. И у моей жены скоро будет экспозиция в одной галерейке. Маленькой, в районе Битцевского парка.

— Когда? Я загляну, — мгновенно пообещала Миронова, отправляя в рот последний квадратик брынзы из стандартного греческого салата, который здесь прикрывался именем «браконьерский».

Катенин отодвинул горшок с супом, поставил на колени портфель, несуетливо перебрал там все папки-книжки, потом порылся в карманах твидового пиджака, потом, не теряя спокойствия, снова полез в портфель и наконец нашел узкую бумажную ленту в восьмушку тетрадного листа.

— Возьмите, тут все написано. Я напечатал на компьютере. Правда, придете? — Он впервые почувствовал, как зависим приглашающий... И вдруг вспомнил, что сам-то не заглянул на вечер Мироновой. Уж и не помнит, почему. А ведь собирался... Она ни разу не упрекнула. И все-таки неловко... — Правда, придете? — повторил он от замешательства.

— Конечно. — Миронова как будто и не подозревала о том, что можно сопрячь это приглашение с невяжкой Катенина на ее вечер, что можно приревновать к его жене... Никакого дамского подтекста не было ни в ее открытом взгляде, ни в интонации.

Катенин замолчал, но ненадолго. Опять реакция что надо. Ничего неприятного он не почувствовал и поэтому продолжил:

— Новые товарки сказали жене, что ее картины похожи на мозаику. Копируя импрессионистов, она использует все больше и больше самых разных сухих

трав и цветов. Сама себе материал находит. Васильки, например, почти не теряют своей лазурности. Всего лишь сорняки, а небо и глаза благодаря им такие глубокие получаются... Как ваши...

Убедившись в том, что комплимент понят и оценен, он продолжил:

— Жену познакомили с профессиональным художником. Он на заказ выкладывает огромные мозаичные панно. Все-таки камешки и стеклышки подолговечнее цветов и травинок. Мне во время болезни делать было нечего, так я стал учить ее, как договориться о встрече с этим дядькой. Она ему позвонила и буквально под мою диктовку сказала: «Это та бабулька, которая вчера надоедала вам с расспросами». Самоуничижение сработало. Мэтр пригласил в мастерскую и все показал — и технику работы, и молоточек, которым разбивают полудрагоценные камни для мозаики, и смальту. Но пыль такая кругом, и сила мужская нужна. Ей это вряд ли подойдет... Хотя... Я посоветовал не отказываться сразу от идеи, а все же попробовать...

Катенин похлебал еще из глиняного горшка, потом положил в него свою ложку и пододвинул борщ к Мироновой:

— Попробуйте... Я все равно уже наелся.

НЕ МОЛИЛАСЬ И НЕ БУДУ!

В конце апреля или в первых числах мая бывает день, когда становится ясно: холода не вернуться, весна пришла. День перемен. Воздух, как после генеральной уборки, даже в Москве становится чистым-чистым, прозрачным, и настойчивые голоса птиц, неожиданно звонкие, заполняют всю улицу и проникают в дома. Будто нет для них никаких преград.

Вот в такой день Маша от «Сокола» пошла домой пешком. Эта дорога еще не была загрязнена всякими горькими думами, ни за один дом-дерево-столб тут не зацепилось плохое воспоминание, и она беззаботно шагала по тротуару, стараясь только ни с кем не столкнуться. Почти счастливая, то есть почти слепо-глухонемая. Никаких предчувствий... Шла и автоматически, не вдумываясь, как шлягер напевают, шептала про себя ахматовское: «Я научилась просто, мудро жить, смотреть на небо и молиться Богу...»

— Никогда не молилась и не буду! — вдруг вырвалось у нее вслух. Она даже остановилась и посмотрела вверх, в небо. На лицо упала тяжелая капля. Одна, другая, и уже через секунду пришлось опустить голову — такой сильный дождь ливанул внезапно.

Зонтика с собой, как назло, не оказалось. Якобы непромокаемый плащ моментально отяжелел и сдался на милость стихии. Не хватало еще простуды, подумала Маша и шмыгнула в первый попавшийся магазин.

Оказалось, книжный. Отлично. Домашние полки уже все прочитаны и перечитаны, а без книжки она не привыкла выходить из дома. Журналисту иногда часами приходится ждать пресс-конференции или встречи с «випом». Тут кстати подходящее чтение — очень помогает и время скоротать, и от скуки ничего лишнего не ляпнуть праздно шатающимся коллегам.

Маша перелистала пару модных Коэльо с Мураками. Ни одна страница ее не зацепила, а покупать впрок, на потом, как приходилось делать в не такое уж далекое советское время, — этого она теперь терпеть не могла. Только словари и справочники сразу, без вступительного экзамена попадали в старый шкаф с резной кокардой и стеклянными дверцами. Все же остальные покупки-подарки сперва проходили карантин на специальной полке в коридоре. Оттуда их мог взять почитать каждый, кто увидел: хоть член семьи, хоть гость. Конечно, с обязательным уведомлением хозяйки. Новичков она сама инструктировала, а остальные знали, что вернуть взятое нужно не позже, чем через месяц — вполне божеский срок.

Когда очередной претендент не втискивался на эту полку, Маша решала, какую книжку оставить в доме, а какую — отдать насовсем. Кому? Коллеге, консьержке, в тюремную библиотеку собирала церковная община... Рука не поднималась выбрасывать книги, хотя и, бывало, хотелось. Не всякий человек из тех, с которыми ее сталкивала судьба, достаивался такой же терпимости и индивидуального подхода.

Входные стеклянные двери не успевали закрыться: в торговый зал то и дело вбегали мокрые сограждане, шумно отряхивались и озирались — может, впервые очутились в книжном магазине. Бывают и такие...

Маша посмотрела в окно. На улице посветлело, и хотя дождь лупил с прежней силой, стало понятно: он вот-вот кончится. Имеет смысл переждать. С удовольствием, почти как свой успех, отметила, что публицистика Павла Нелепина стопками лежит среди бестселлеров. «Русс-ланд юбер аллес» и «Когда не будет России». В переплете и в обложке. Провокация у нас всегда имеет успех и хорошо продается.

У Маши все издания Нелепина стояли на прикроватной полке. Даря, он при ней их надписывал. Иногда мгновенно, иногда подолгу задумывался. Но всегда получалось какое-нибудь признание — ему легче было делать их письменно, чем устно. По датам, которые автор педантично указывал в конце инскрипта — год, месяц, день и час, — можно было проследить, как быстро «дружески и с симпатией» перешло в «с любовью», в «нас не догонят и не разлучат»...

Через пару недель после знакомства Нелепин принес ей свою книгу. С лету что-то написал и тут же вырвал страничку. Скомкал листок и нервно сунул в карман. Книжка так и стоит, пораненная и не надписанная. Позже Маша догадалась: он испугался, что обнародованная откровенность запрет его детище в темницу. Ведь нельзя, чтобы интим видели посторонние, а зна-

чит, подаренную книжку придется спрятать от людей. Сперва эта мгновенная, инстинктивная расчетливость даже покорила Машу, но потом она спросила себя: нужно ли ей, чтобы он ради нее забыл про свое дело? Нет, ей незачем...

Она еще и усмехнулась про себя: сама-то все держит под контролем — детей, работу, дом, свою форму... Ни разу ради свидания с Нелепиным не потеснила бассейн, парикмахершу или портниху... И Катенина не только не забыла, а даже один раз его именем Павлика назвала. Хорошо хоть, что проговорилась уже у заветной черты, в то мгновение, когда оба были в полной отключке...

От столов Маша завернула туда, где в два ряда по алфавиту стояли не такие раскрученные авторы. Наугад взяла несколько томиков, полистала-почитала, и в одном из них что-то зацепило. Беру, решила, и открыла титульный лист.

Автор — Миронова.

Дернулась, всунула книжку обратно, да еще оглянулась, не видел ли кто... Глупо! Быстро опомнилась. Так давно все это было — и роман с профессором, и таблетки, и больница... В памяти еще осталось, а в душе — ничего же не дрогнуло, там-то уже все спокойно. Это ж так редко, когда интересно, да и бедная профессорша ни в чем не виновата. Ну любит ее Миронов, так, может быть, хоть на ее примере подтверждается календарный афоризм Гюго? Может, это роман счастливого человека? Проверим.

ЧТО ЛУЧШЕ — ЗНАТЬ ИЛИ НЕ ЗНАТЬ?

Специально следить, выведывать — этим Маша брезговала, полагаясь на свой ум и свою чувствительность. Важно ведь, как человек именно к тебе относится. А если он прилагает усилия, чтобы скрыть то, что тебя может огорчить, обидеть, ранить — значит, заботится о тебе, значит, ты ему дорога. Посторонних-то не оберегают.

Однажды Катенину срочно понадобилось узнать, звонил ли Потемкин в его городскую квартиру: они с Машей тогда заговорились в кафе, и он не успевал заглянуть к себе перед тем, как возвратиться на дачу. На ее мобильнике он набрал свой всем известный московский номер и никому не известный секретный код, чтобы считывать записи на автоответчике. Прослушал, помрачнел, но информацией не поделился, а вечером, когда Маша не очень внимательно тыкала в кнопки, чтобы позвонить дочери, на зеленом экранчике вдруг высветились три кодовые цифры. Случайно получилось. Она не хотела подсматривать. По журналистской привычке прибирать к рукам любые сведения, она уже раскрыла ежедневник, чтобы записать магическое число, открывающее доступ к скрытой от нее катенинской жизни, но опомнилась и даже из своей памяти постаралась его стереть. Непроизвольно так поступила, особо не размышляя.

А если как следует подумать? Надо все знать или нет?

Теперь, после того, как купленный томик проглочен, стало ясно: для нее лучше было бы не знать.

Но уже поздно...

В книге с пугающей точностью был описан роман главной героини — по всем приметам, alter ego авторши — с Катениным. Это стало очевидно не сразу, а только к середине, когда эта чертова мадам поехала в Барвиху. К нему на свидание.

Маша сразу узнала пансионат с искусственным водопадом и кондиционированной прохладой, и пробку на кольцевой дороге, в которой больше часа простоял «жигуль» с героиней. Подробно было рассказано, как за несколько машин до него красный «Москвич» пытался обогнать будто бы неторопливый джип, и перевернулся, напоровшись на бампер вездехода.

Вот, оказывается, зачем Катенин после обеда возвращался в номер: на мобильник Мироновой звонил... Именно для нее деньги у Маши одалживал... Теперь даже грело, что он забыл вернуть долг: ведь это единственное, что можно вчинить ему в вину.

Моральную, только моральную, если судить повзрослому и непредвзято.

Это дошло до Маши лишь к утру, когда злые слезы все вылились и сухие судорожные всхлипы только сильнее царапали душу, не принося никакого об-

легчения. Что делать? Она заставила себя вернуться к самым ранящим кускам романа. Без обвинительного уклона постаралась их перечитать. И смогла это сделать лишь потому, что хеппи-энда никакого там не было. Героиня оставалась в полной растерянности. Несчастливая, страдающая... Но не дура — мужа-то сохранила.

Маша искала и нашла достаточно прямых доказательств того, что любовник охладел к Мироновой. Пусть авторица и не хотела сама себе в этом признаваться. Надежды девушек питают... Ха-ха!

Перечитала, но не успокоилась. Все равно было больно. От сравнений-сопоставлений больно.

Вот подробное описание дня рождения героини. Катенин был, даже с женой приезжал. На свои именины Маша его тоже приглашала, и он пообещал, но в последний момент, когда ее гости уже собрались и почти напились (щедрый аперитив она выставила именно на кухне, чтобы без главного приглашенного они не набросились на накрытый стол в ее кабинете-спальне, преобразованном в гостиную), вдруг позвонил: «Извини, не смог. По воскресеньям я всегда дома, мне не поверят, если скажу, что для дела нужно журналистку уважить... Повеселись как следует, потом мне расскажешь». «Повеселись!» Да ей удалось подавить рыдания только потому, что сразу после его звонка она опрокинула в себя стакан чистого виски, безо льда...

Несколько раз говорил, что пригласит Машу к себе на дачу, но так и не собрался, а героиня романа к нему ездила. Правда, всегда с мужем... Описано, как они вместе с хозяевами собирали сливы, потом допоздна кайфовали под грушевым деревом. Катенинская жена уже ночью домчала их до метро — к последнему поезду еле-еле успели. Чужой праздник, на котором Маше так хотелось бы побывать...

Ладно, это все можно понять: незамужняя женщина у любой жены вызовет подозрения, тут уж ничего не поделаешь.

Или поделаешь?

Может, надо выйти замуж за Нелепина?

Катенина это нисколько не заденет. «Я давно уже никого ни к кому не ревную. Дружи-разговаривай с кем хочешь, я с удовольствием рядом постою-послушаю...» — признался он в самом начале их знакомства.

Может, он уже бросил эту чертову писательницу? Бросил... Нет, вряд ли... Жест не из его репертуара... Но после такой откровенной книжки он же не может не рассердиться, что эта писучка выставила его на всеобщее обозрение! Все на продажу. Катенин — прототип героя-любовника... Ха-ха-ха... Маша рассмеялась, но вышло криво и как-то жалко. Хорошо, что никто не видит. В душе-то она понимала, что Катенина каким-то там романом не проймешь. Улыбнется и скажет, что никто еще его так не

идеализировал. И правда, с любовью описан. И совсем не выглядит фатом...

Да очнись же, это всего лишь литература, вымысел, пыталась уговорить себя Маша. Вскочила с кровати... Сдернула с потного тела ночную рубашку и раздвинула шторы. В открытое окно высунулась на улицу.

Высоко как... Страшно. И не рассвело еще. Рано, рано начинать новый день.

А заканчивать жизнь?

Нет! Нет! Ни за что!

Вон от окна! В постель! Как в омут с головой.

Маша зарылась в одеяло, тут же скинула его на пол и распласталась на матрасе. И минуты не пролежала спокойно. Резко села на корточки. Сгруппировалась, вобрав голову в колени. Дрожь не унялась. Тогда она подползла к стене, в которую упиралось изголовье ее лежбища, и стукнулась лбом о бетон. Раз, другой — так муж-инженер ударял по холодильнику, чтобы он затих, перестал урчать. В ушах глухо зазвенело, и голова снова заработала.

Вымысел? Но с каждой страницы какая-нибудь деталь так и вопит: правда это, правда! И дело не в названии кафе возле катенинского дома — адрес-то Миронова изменила... И не в какой-нибудь литературно-банальной родинке на интимном месте... Но и родинка описана. Та самая, над копчиком... Чертова пифия не испугалась ее опасной черноты

и припухлости, а посоветовала герою просто забыть о бугорке. И через неделю он сам собой отвалился. Якобы никакого следа не осталось.

И это правда? Не проверить теперь...

Но не в точных деталях дело... Именно спокойная, несуетливая уверенность главного героя, его глаза, в которые как будто пролилось ясное голубое небо, его улыбка-усмешка, прощающая женскую уловку, если она исходит от той, к которой он и сам тянется, — все говорило Маше: было, было это на самом деле... Цыганский глаз у этой стервы!

Нет, не могла эта Миронова возле Катенина долго продержаться. Взрослая баба, а как неопытная школьница себя все время ведет: обижается, жалуется, о своей любви талдычит... Да по этому роману можно составить список типичных женских ляпов. Полный реестр того, как нельзя вести себя с женщиной. Кто угодно от такой сбежит.

Машу-то жизнь еще смолоду выдрессировала, научила сдерживать собственнические инстинкты.

Досдерживалась...

Она опять выскочила из постели и голая понеслась. Босиком по ковру в своей комнате, по паркету в коридоре, по линолеуму... На кухне огляделась. Чисто, все на месте, на полу ни крошки. Дочь в отъезде, порядок нарушить некому. И сердиться не на кого.

Страшно...

Что-то необратимое сейчас случилось. Маша даже боялась рассматривать, что же сломалось там, в ее внутренней структуре?

Мелькнуло: оставь Катенина в покое, откажись от него! Вслух себе приказала... Но мысль о разлуке была абсолютно непереносима. Сдаться, признать свое полное и окончательное поражение? Даже только подумать об этом — все равно что оголенный нерв задеть. Разорвет от боли...

Нет! Нет! Нет!

А что тогда? Хоть какое-то решение надо было принять сию секунду, не то ужас, знакомый ужас разнесет ее на кусочки.

Маша метнулась в сторону ванной, взялась за ручку и рванула ее на себя. Дверь со всего размаху ударилась о коридорную стену. Посыпалась штукатурка. Маша впрыгнула на вязаный коврик, поскользнулась и чуть не упала. За кран схватилась. На всю мощь пустила холодную струю и сунула под нее горящее лицо. Обожгло, но встряхнуло. Она подняла голову и снова испугалась. С зеркальной створки навесного шкафчика на нее смотрели чужие глаза. Даже их цвет изменился. Будто выцвели от злости и растерянности. Она распахнула дверцу, чтобы только убрать, уничтожить это видение. Ей уже знакомое. А там, на полке — обоймы таблеток. Надавишь — выпрыгнет, выстрелит как пуля...

Опять? Повторить то, что уже было?

Нет! Нет! Нет!

Не себя — его убью!

Бывает, что постоянная боль — реальная мука, вызванная настоящим, наступающим недугом, — унимается, когда пациент выходит от внимательно-го врача, держа в руке рецепт на незнакомое, очень редкое и очень дорогое лекарство. Сперва ведь не думаешь о том, где его достать, как деньги заработать... От одной надежды боль ненадолго, но все же проходит. Так и Маша вдруг успокоилась.

Это «убью!» сразу забилося в тот угол, куда сваливались проглоченные обиды, невыговоренная ревность и высказанные, унижающие ее просьбы, которые Катенин проигнорировал... Мысль легла на эту свалку и стала там расти, крепнуть, питаясь ее миазмами. Мысль как бы отделилась, стала самостоятельной, ну вроде гоголевского носа...

И Маша стала жить с ней как с соседкой. Можно спорить, можно соглашаться, можно подчиняться, только вот не замечать ее уже не получалось.

Сразу же, чтобы подселенка утихомирилась и следующей ночью дала хоть немного поспать, Маша схватила с полки все три серебристых пластинки, перехваченные черной аптечной резинкой, и выбежала в коридор.

В углу на спинке стула висела ее кожаная сумка, единственная. Стоит завести вторую, как всякий раз, собираясь уходить, надо будет думать, не забы-

ла ли что в той, оставшейся дома. Много чего входит в журналистский набор: документы, кошелек, ручка с блокнотом, маленький диктофон. А в среднем отделении на молнии обычный женский минимум: расческа, зеркало, золотая трубочка с черной тушью, два-три тюбика с разными помадами, крошечный пузатый спрей с шанелью номер пять и иголочка-нитка-ножницы. Именно туда, под замок, Маша и сунула криминальные таблетки.

...Этим же вечером, перед уходом со службы, она набрала катенинский номер. Без надежды, для того чтобы перед подселенкой отчитаться: я пыталась. Один длинный гудок, второй, третий... Включится автоответчик — брошу трубку... И вдруг в ухо раздалось усталое, но все-таки живое «алло»:

— Я только что от врача... Зашел передохнуть. Мне сегодня нужно на дачу вернуться... Хочешь повидаться?.. Хорошо, давай где всегда, у «Баррикадной». Через сорок минут сможешь?

Сердце только-только начало прыгать от радости, как из смрадного угла раздалось шипение: сам-то не позвонил... Ведь так и уехал бы, не повидавшись... К себе домой опять не позвал! Значит, даже прижаться к нему не получится.

Маша вспомнила, как после их первой долгой домашней встречи — случилось же и у нее счастье! — Катенин провожал ее до метро и она, в порыве необоримой нежности, взяла его руку и поднесла к гу-

бам. «Не люблю, когда нежничают прилюдно», — сказал он тогда и тут же поцеловал ее в губы. Чтобы не обиделась... Зачем еще?

Три года назад это было.

А теперь вот только так. Только на людях...

Только так, да?

Нет, это непереносимо.

И когда плоская лента эскалатора начала складываться в лесенку, идущую вверх, Маша поставила правую ногу на следующую ступеньку, пристроила на колене сумку, нашарила в ней патронташ с таблетками и, совсем не нервничая и не торопясь, выдавила десяток белых шайбочек на чистое белое поле бумажного платка. Ни одной не выронила. Потом также спокойно вложила комок в карман твидового пиджака. Как патроны в обойму. Изготовилась.

— А вчерашний ваш столик сегодня занят, — по-домашнему улыбнувшись Катенину, посожалела высокая блондинка в длинном бордовом платье с именным прямоугольником на небольшой груди. Ирина.

Вчера тут был! С кем?! Машу как будто подтолкнули: правая рука сама залезла в пиджачный карман и проверила, на месте ли сжавшийся комок.

Катенин же, как всегда, нисколько не смутился. Не оправдывался и ничего не объяснил. Не заглядывая в меню, спросил:

— Что тебе заказать? Может, выпьешь? Жаль, не могу составить компанию. Простудился, и ка-

кая-то микроба в почках засела. Пришлось антибиотики принимать. Алкоголь с ними нельзя.

Черт! Черт! Кто его знает, подействуют ли таблетки, растворенные в простой воде или чае... А если и годится неспиртовая жидкость, то Катенин с его чертовым обонянием-осязанием может почувствовать привкус отравы. С ним надо только наверняка. Второй попытки не будет. Второй раз такие, как он, ни за что не подставятся...

Маша вынула безоружную руку из кармана.

С облегчением или расстроилась?

И то, и другое.

Какая-никакая радость — это понятно: тяга-то к Катенину еще не убита.

А недовольство, досада откуда? Да не привыкла она откладывать намеченное.

У Маши никогда не было нужды составлять список того, что нужно написать-купить-починить... Не из-за какой-нибудь там феноменальной памяти, а потому что она делала все сразу, не медля. В парикмахерскую надо? Прямо сейчас иду. Интервью взять — тут же договаривалась и ехала, никаких «висяков» никогда не допускала.

И вдруг — нельзя сразу выполнить решенное. Придется ждать. Сколько?

— Целый месяц нельзя ни пить, ни... — Катенин оглянулся, влево-вправо посмотрел — не украдкой, а напоказ. И озорно, как юнец, якобы смущаясь, пе-

регнулся через столик и прошептал прямо в Машино ухо: — Ни трахаться...

Сказал, и откинулся на спинку стула. Чтобы издалека понаблюдать, чтобы полюбоваться ее смятием.

Маша действительно смешалась. Он что, забыл? Уже ведь почти год он не прикасался к ее телу. Что только она ни делала... Чтобы постройнеть, есть почти совсем перестала... Как-то на Тверской увидела в зеркальной витрине себя, нервную, дерганую, и принялась отрабатывать плавность движений. Прямо со следующего утра начала. И теперь всякий раз, если по привычке резко вскакивала с постели, то ложилась обратно и не торопясь сперва садилась, а потом как бы с ленцой спускала ноги на пол. Медленно стала ходить, тапочками не шаркая, каблуками не цокая... Как пава... Гардероб перешерстила. Не только платья-юбки, но даже пальто новое купила. Не расклешенное, балахонистое, а по фигуре, облегающее... Летом предпочитала глубокий вырез и голые плечи. И вот результат: как-то в метро спросила впередистоящие спины, выходят ли они. Незнакомый мальчик лет двадцати, не больше, обернулся, поймал ее рассеянный взгляд и серьезно, совсем не в шутку ответил: «С вами? Да».

А Катенину хоть бы хны. В сентябре, когда жена и дочь на него насели, он согласился слетать в Сочи. Для отдыха. Маша, не совсем четко понимая, зачем

переступает через гордыню, снова порывисто попросила, чтобы он взял ее с собой.

Может быть, давала ему шанс выжить?

Во всяком случае опять пообещала: «Я отдельный номер куплю. Надоедать не буду...» — «Нет, хочу один побыть». Ответ был прежний.

Из подражания и от досады она тоже отправилась к морю, на Кипр, отказав нелюбимому, но забавному Нелепину, который порывался за ней увязаться. Собестьяничала: «Хочу одна побыть». А Катенин после ее возвращения не нашел времени и места, чтобы увидеть ее загар. Не удалось пособлазнить его в холодном московском октябре гладким, сплошь золотистым телом с двумя белыми холмами и темно-каштановой треугольной опушкой.

...Так зачем это уточнение? «Месяц трахаться нельзя...» Дразнит? Обещает, что через месяц?..

Машина рука сама, без головной команды, полезла в карман и крепко сжала приготовленный комок.

Новая надежда. Хм, новая...

Опять ждать. Чего ждать?

Как «чего»! — сама себя сердито оборвала. Либо мы будем вместе, либо... Жизнь подала на апелляцию, придется рассмотреть....

И Маша расслабленно улыбнулась.

— Ну наконец-то! Ты такая серьезная в последнее время, что я уж подумал, не замышляешь ли чего... Повеселела? Тогда расскажу. — Катенин снова

перегнулся через стол, чтобы быть поближе к Машинному уху. — Позвоночник мой проверяют, поэтому все нагрузки запрещены. Особенно сексуальные. Но по мужеской линии все в полном порядке. Врач был уверен, что хоть какую-нибудь стадию простатита найдет, что-то там щупал, и у меня как брызнет, он аж восхитился. В моем возрасте — и такие реакции. Никакого простатита! Эх, жаль выпить нельзя!

НЕЧАЯННОЕ ОРУДИЕ

Как же устала Клара от Потемкина...

Все в конторе якобы делается слишком медленно и неточно. В любой момент он может ее дернуть. И с рабочего места сорвать, и из дома вызвать. Суббот и воскресений для него не существует. Она уже знает: если домашний телефон звонит в семь утра — это он, начальник. В час ночи тоже только он может быть. Один он из всех ее знакомых часов не различает.

Но хуже всего то, что непонятно, кого он считает врагом, а кого другом... С Катениным, например, разговаривает закадычно, всегда старается его возле себя держать — как будто не замечает, что тот бревном лег поперек самого важного потемкинского проекта. Странно... Пообщается с ним, и потом к сотрудникам начинает по сущим пустякам цепляться. Ну вылитый Дикой из «Грозы».

И совсем уж озверел Потемкин после того, как отвалили дружки-банкиры, отмывавшие нефтедоллары через их фонд. Кто за границу смылся, кого посадили, а кто пошустрее — сели в чиновничьи кресла разной мягкости и разного дизайна. Бессмысленно и пытаться ну хоть какую-то закономерность вывести, почему такие разные результаты у одинаковых почти мужиков. Национальность — одна и та же, возраст примерно тоже, образование — высшее техническое...

Оказавшись почти в одиночестве, без социальной поддержки и экономической подпитки, Потемкин вынужден расходовать если не свои кровные, то те, что могли ими стать, и поэтому прежде всего сократил штат своего фонда, по-советски безответственно раздутый. Каждого сотрудника вызывал в кабинет и подолгу о чем-то наедине говорил. Допрашивал?.. Двух человек в день принимал, не больше. По лицам выходящих совершенно невозможно было догадаться, остаются они или уволены. Как будто перед тем, как выпустить из камеры, на всех надевали маску обреченности и заставляли дать подписку о неразглашении.

И никто не проговорился.

Люди стали молчаливее, чем в брежневские времена нашей молодости. Тогда хоть и редко, но доводилось все же выслушивать честные исповеди тех друзей, кто был вызван на Лубянку или побывал в номере гостиницы «Пекин», снятом КГБ на бессрочное время для тайных встреч с принудительно-добровольными стукачами и для вербовки новых. Катенин, так тот вообще схулиганил: когда к нему подкатил мелкий кагэбешник, он назначил ему встречу в институтском скверике и потом позвал к окошку коллег и студентов, чтобы вместе посмеяться над несчастным служакой, пытавшимся скрыться от ливня под узким козырьком соседнего корпуса. А сам шутник на свидание не явился.

Сейчас же — ноль откровенности, все молчат. Понять их можно. Сотрудникам в основном сильно за сорок — тот несчастный возраст, который даже под пенсионную реформу не попадает. Выживайте кто как может, а точнее, сдохните поскорее. Особенно беззащитны те, у кого нет детей. Советские страхи, загнанные в угол с началом перестройки, как будто отлежались, набрались сил и бросились в атаку. Сталинские страхи...

Когда дошла очередь до Клары, у нее уже и бояться сил не было. Тупо, безвольно ждала приговора. Скорее бы решилось, и будь что будет.

Первые-то дни этой пытки ожиданием она еще обзванивала всех, кто по разным причинам оказался в записной книжке. Сперва издали заговорила, про жизнь спрашивала, про здоровье, но быстро поняла, что так она ничего не добьется: приятельницы, выстраивая оборону от чужих бед, начинали жаловаться на мать или свекровь, на мужа и детей, а некоторые и сами спрашивали, нет ли у нее на примете хорошей, денежной службы.

Но когда Клара стала брать быка за рога — результат получился тот же. Кто охал-ахал, но сразу признавался, что помочь не может, кто злорадства не скрывал: мол, покаталась как сыр в масле, теперь по-соседей лапку! Преувеличивают все и всегда чужие заработки. А чаще отвечали, как Катенин: буду, мол, иметь в виду.

Машка Милютина, правда, посочувствовала. Есть подозрение, что даже искренне. В ее голосе не появилось, как у других, трещинки, через которую слышится комариный писк плебейского «так тебе и надо». Подробно расспросила, что Клара может делать. («Что? Да я на все согласна».) И пообещала узнать насчет вакансии в своей газете. Несколько раз перезванивались. Клара, чтобы подстегнуть назначенную в приятельницы журналистку, предложила ей командировку в любой из десяти городов, где в этом сезоне намеревались искать молодые политические таланты. Надеялась: вот-вот что-то выгорит, а Милютина вдруг сама поменяла служебное место. К Федорке ушла, который был в сговоре с Потемкиным. Так что и тут сорвалось.

Теперь, когда Клара в девять утра поднималась на двадцать третий этаж (фонд снимал десяток комнат в новоарбатской высотке, второй слева, если от Кремля считать), то сперва подходила не к рабочему столу, а к большому окну возле него. Смотрела вверх, в небо, и представляла, как она вылетает из социалистического небоскреба и парит над староарбатскими переулками, потом планирует вниз и забивается между низкими домишками, прячется и греется там, как в материнской подмышке.

Вот и выход... Вылет... Если уволят...

Потемкин вызвал ее последней из всех штатников, в самом конце ненормированного рабочего дня. Если

бы не секретность, то можно было бы вычислить, какой фант уцелел в шапке, из которой сотрудники тянули свое «быть или не быть». С плюсом или с минусом. А так — нервозная неизвестность.

— Я вас оставляю. При условии полного, стопроцентного повиновения. — Потемкин не предложил Кларе сесть и сам стоял, складывая в кожаный портфель какие-то бумаги. — Ни с кем обсуждать мои указания нельзя. И не рассуждать. Вам это будет не трудно, ведь аналитическая деятельность — не самая сильная ваша сторона.

Унижая Клару, он не поинтересовался ее реакцией, не отвлекся от сборов. Знал, что она безропотно проглотит и это?..

— И, конечно, никому ничего не рассказывать. Даже подушке. Сделали и забыли. Я проконтролирую.

Так и не взглянув на подчиненную, он пошел к выходу. Не спросил даже, согласна ли Клара. Как будто был в курсе ее отчаянных поисков и полного их провала.

И превратилась немолодая уже женщина в Золушку. Бывало, ночами приходилось составлять отчеты и писать имейлы, ведь день уходил на междугородные звонки: нужно было застать провинциальных чиновников, которые не задерживаются лишней минуты на рабочем месте. Совершенно не считался Потемкин с тем, что в сутках двадцать четыре часа. Один только раз Клара не успела доделать задание к назначен-

ному сроку, так он презрительно посмотрел на нее, брезгливо, как на никчемную букашку, и слова не потратил на то, чтобы поругать, — без объяснений стало ясно, что впредь придется хоть все жилы вытянуть, но сделать.

А вот полное подчинение шефу... Это далось легко. Чем больше она чертыхалась про себя и ненавидела Потемкина, тем подобострастнее ловила его взгляд, когда он проходил мимо ее стола или вдруг сам вызывал, чтобы дать очередное поручение. Угодливая улыбка сама приклеивалась к ее лицу, стоило кому-нибудь только упомянуть имя начальника. Как будто его всевидящее око всегда наблюдает за ней.

И вдруг вечером в пятницу Потемкин приглашает ее на обед. Завтра. В «Националь». Клара там бывала. Лет тридцать тому назад. Тогда — единственное в Москве место, где можно было попросить недорогой, но отлично сваренный кофе и просидеть часа два, глядя на просторную Манежную площадь или болтая с приятелем. Официанты, вышколенные богатыми иностранцами, которые останавливались в гостинице, и бровью не поводили от такого дешевого заказа. С тех пор, далеких, студенческих, она никогда даже в вестибюль этот замка не заходила. Роскошь отпускает.

Хорошо, что немного времени было оставлено для догадок. Думала-думала, за что такая награда, и решила: оценил-таки Потемкин ее прилежность и по-

корность. Если речь пойдет об интимных услугах, то... Почему бы нет? За столько лет она ни разу не изменила покойнику-мужу... Кстати, невенчанному...

Вечером, перед тем как надеть ночную рубашку, Клара посмотрела на себя в зеркало. Совсем не противно. Целлюлита пока вроде бы нет... Может, чуть полновата, но лишний жирок нетрудно скрыть, если одеться по-умному, а в натуральном виде богатое тело лишь добавляет мужского аппетита... Вот только седая голова портит дело. Пойти утром в парикмахерскую и покраситься? Если пораньше встать, то можно успеть...

Ни за что, сказала себе Клара, как только представила, что тогда каждый месяц придется тратить на это уйму времени и денег, немалых для ее хиловатого бюджета — Потемкин платил скаречно, не оставляя ни секунды свободного времени на подработку. Красить волосы? Нет, нет... И тут же подвернулось вполне подходящее оправдание лени и скупости: раз Потемкин ее выбрал, значит, ему не молоденькая нужна. Вон у нобелеата-прозаика с женой примерно такая же разница, как у нее с Потемкиным, так та свою седину не маскирует. И мне не надо.

Первую ночь за долгое-долгое время проспала Клара целиком, без страшных видений, от которых просыпаешься в поту и потом до утра ворочаешься, стараясь осознать, что увиденный ужас — всего лишь сон, наяву ничего не изменилось.

Часов в девять она напустила полную ванну горячей воды, взболтала там колпачок персиковой пены и когда одной ногой уже была в этом белом пахучем блаженстве, спохватилась: оставляя мокрые следы на дубовом паркете, побежала на кухню и принесла маленький «Филипс», чтобы уж как следует расслабиться и покайфовать под музыку радио «Ретро».

За обедом Потемкин ухаживать за ней не начал. Не считать же интимностью совет насчет еды (котлету по-киевски рекомендовал настойчиво) и признание, что это его идея — перекопать Манежную площадь и отдать ее на откуп грузинскому скульптору. Клара в основном молчала, боясь неловким, неуместным словом испортить лирический настрой. Свой и, как она надеялась, потемкинский. За чаем сняла пиджак и осталась в декольтированной кофте из лайкры, которая выгодно подчеркивала ее еще не обвисшую грудь, вздернутую тесным лифчиком.

Опять ничего... Никаких флюидов и никаких предложений...

— Я вас провожу до метро, — сказал Потемкин, выходя из высокой стеклянной двери, которую придержал швейцар. — По дороге и поговорим.

Ну, понятно, при людях он осторожничал, подумала Клара и не стала надевать пиджак, хотя на улице было довольно прохладно.

— Вам придется выполнить одно очень деликатное поручение... — Потемкин взял ее под руку и повел не к ближайшей станции, а в сторону Ленинки, старательно огибая редких встречных и посматривая по сторонам, нет ли хвоста. Не так уж и трудно это было в нелюдный субботний полдень. — Нужно припугнуть Катенина. Через жену. Какими словами? На ваше усмотрение. Вам, женщинам, виднее. Например, позвоните ей на дачу вечером. Когда она точно одна будет. Без Катенина. Ни в коем случае не из дома. Найдите автомат где-нибудь в людном центре... — Потемкин вдруг резко убрал свою руку, и Кларина, лишившись опоры, повисла безвольной плетью. — Сделаете — сразу доложите, в любое время дня и ночи.

Шок. Как скрыть? Клара опустила лицо, ставшее пунцовым от злости и от стыда за наивно-фривольные мысли. Свободной рукой она вытянула конец широкого шарфа, висящего на плече, и обернула его вокруг шеи, чтобы как-то спрятать вульгарное и бессмысленное, как оказалось, декольте. Только бы шеф не догадался, какая она дура, — вот что было у нее на уме.

Как на безучастный компьютер записала Клара в свою память полученное задание, чтобы выполнить его как можно лучше, совершенно не думая, на что ее толкают. Плохо или хорошо, аморально или порядочно — какая разница... Надо сделать — и все.

Уже в метро начала она послушно сочинять текст. Ничего не стоило вызвать в своей душе ненависть к катенинской жене. Всего раза три и встречались, но все время та излучала спокойствие и счастье. Конечно, живет в тепличных условиях: состоявшийся и состоятельный муж оградил супругу от беспощадных проблем. Дача, машина, успешные дети... Да все, абсолютно все лучше, чем у Клары. Наивная и непуганая... А как он о ней заботится! Эти его просьбы!

«Нет ли у вас хорошего глазника? У жены все время мушки в глазах мелькают. Даже ночью. Перенапряглась, наверное, когда сухие стебельки на своих картинах выкладывала». (Своих! Что там своего! Даже на импрессионистов он ее сам навел... И свои связи в Голландии наверняка употребил, чтобы ее продвинуть.)

«Не могу сегодня быть на презентации. Жену надо успокоить. Она показала работы искусствоведам, и они сказали, что это самодеятельность. Народно-прикладная». (А разве не так?!)

«Не знаете ли хорошую и недорогую типографию? Хочу к новому году сделать календарь с ее картинами. Жена их раздаривает направо и налево, пусть хоть что-то на память останется».

Идеальный муж...

Идеальный муж... Хм, и ситуация почти уайльдовская. Клара представила себя миссис Чивли, и сразу без помарок набросала текст своей роли. На четвер-

тушке стандартного листа уместилась. Впервые за последнее время писала не на компьютере. Вызубрила наизусть, прочитала на магнитофон и прослушала, чтобы проверить, получилась ли настоящая страшилка. Может ли она и вправду напугать. Показалось: может. Сама бы она задергалась.

Потом стерла магнитофонную запись, скомканный листок подожгла в пепельнице, предназначенной для редких теперь гостей, и принялась подкарауливать, когда катенинская жена останется одна. Как проверить? Три вечера подряд названивала на его городскую квартиру. Только на четвертые сутки напоролась не на автоответчик, а на живое катенинское «алло-о». Значит, можно приступать.

Поехала на Кузнецкий мост — и от дома недалеко, и народу там всегда много. Нашла будку с современным телефоном, по которому хоть на мобилу, хоть за границу звони, надела тонкие резиновые перчатки и уже в них освободила от целлофана заранее купленную карточку. В экстазе была от гордости за себя. Не зря столько времени потратила на детективные сериалы. Все продумала и предусмотрела! Отличное исполнение задания! Потемкин наконец-то доволен будет. Интересно, как он похвалит ее? Премию-то она уж точно заслужила...

Не торопясь, Клара нажала на восьмерку, после гудка набрала еще десять цифр. Услышав приветливое «алло», обернула микрофон носовым платком,

мужской хрипотцы добавила в голос и забубнила по памяти как можно более грозно: «Скажи своему идеальному мужу, что друзья им недовольны. Если не пойдет на уступки, начнем вас устранять. По одному. Ты будешь самой последней». Помолчала и добавила уже импровизационно, не по тексту: «С-сука!»

Ответом было растерянное «Кто говорит? кто? кто? назовитесь!», потом громкий всхлип, скрип двери, стук. И тишина, которую быстро нарушил собачий вой. Но связь не отключилась.

Что теперь-то делать? Трубка выпала из вмиг ослабевшей руки и маятником закачалась на шнуре. А сама Клара суматошно высочила из будки, но сразу вернулась: про носовой платок вспомнила. Подняла его с пола, на торчащую из щели карточку посмотрела... Пусть остается: ее отпечатков там нет...

И помчалась домой. Всю почти дорогу неслась бегом, зачем-то оглядываясь. Она старалась, она очень старалась, но так и не поняла, верно ли выполнила это трудное задание.

Уже дома сердце так прихватило, что страшно стало: вдруг сама умру вместо катенинской жены?

УБИЛИ ИЛИ САМА УМЕРЛА?

Катенин не любил возвращаться на дачу последней электричкой: все спят, по скрипящим деревянным половицам нужно ходить осторожно, тихо — с его-то ногами! Не дай бог ключами брякнуть — чуткие собаки сразу залают... Если сейчас поторопиться, то есть встать, самому разыскать официантку, заплатить без сдачи и — бегом, то, конечно, можно еще успеть на предпоследний поезд, но ради чего нарушать заповедь «не суетись!»?

Вот и не буду, придушил он неясную тревогу и заказал еще один чайник зеленого чая с мятой.

Под Машино безразборное щебетанье ему хорошо думалось. И было о чем. Недавно, проходя через гостиную на кухню, он одним глазом зацепил картинку в телевизоре, который смотрели жена с внучкой. Обыкновенный детектив о краже шедеврального полотна из Венской галереи. Ладно сложенная воровка в черном трико, обтягивающем ее точеную фигурку, немислимо выгибалась, чтобы не задеть не видимые простым глазом зеленые нити, которые прошивали вдоль, поперек и наискось музейный зал. Увидел эту паутину и вдруг осознал, что дорога к вершине, любой, вся прошита такими силовыми линиями. Порвешь одну, другую, и схватит тебя жизнь за фалды, за горло... Хорошо, если только остановит или назад отбросит. На его, катенинской дороге, и убить могут.

До сего дня все шло сносно — проворство его ума вместе с незапаренным нюхом могли сравниться и даже дать фору гибкости тела венской воровки. Да и в новые дела он ввязывался не так часто, как другие его коллеги. Внезапная и бурная востребованность политтехнологов заставляла многих из них забывать осторожность. Как мошкара, полетели они на свет телевизионных софитов и, конечно, не могли не сгореть... Трудно было, но он сумел не понестись с толпой туда же, на свет. Знал, помнил: входите узкими воротами. Когда коллеги купались в лучах сиюминутной славы, он даже не вылезал из берлоги: почти целый год провел безвыездно на даче — сперва подмосковной, потом «подбоннской», по приглашению фонда Генриха Белля. Ему достаточно было естественного тепла солнечных лучей и женских тел...

И вот теперь, когда он уже совсем редко выходил на профессиональную охоту, ему вдруг стало казаться, будто он сам — цель. Именно он, стоящий за широким густым кустом колючего боярышника. Как в кино видел мушку ружья, наведенного на него. А разглядеть или вычислить стрелка все было как-то недосуг.

И сейчас как пронзило: это же Потемкин... Больше просто некому. Улик — куча...

Да взять хоть его приставучесть... Липкую, заискивающую. Ничего необычного не было бы в таком поведении, многие так начинают знакомство со знаменито-

стями. И многим знаменитостям это приятно, лестно, некоторым даже необходимо. Но кто поумнее, тот быстро соображал, что Катенину претит безыскусное угодничество, что он никогда не возьмет даже во временные партнеры человека, который стоит перед ним в согбенной позе. А Потемкин отнюдь не дурак, и прямую спину очень барственно умел держать не только с подчиненными, но и с вышестоящими...

Так почему же бывший министр и не отстал, и позу не поменял?

На поверхности Катенин ответа не увидел, пришлось забраться поглубже.

Как они познакомились?

Давно это было, дочь тогда заканчивала школу и захотела стать музыкантшей. Катенин еще только раздумывал, на кого бы выйти по цепочке, чтобы помочь ей, как вдруг позвонил полузнакомый Потемкин. Пригласил пообедать, растрогал заботой о своем убогеньком сыне, а за десертом сказал, что все в порядке, пусть катенинская дочь подает документы в консерваторию. Он гарантирует поступление на оперное отделение.

Откуда про пение узнал?

«А она у вас настоящая красавица!» — сказал Потемкин на прощанье.

Дочь потом учебу бросила, перешла на юридический и теперь очень успешно вместе с третьим мужем занимается не слишком опасным бизнесом, но Кате-

нин в благодарность все равно поддерживал Потемкина везде, где мог. До поры до времени...

Почему же только сейчас потемкинская липкость стала заметна? Оставшись один в пустом вагоне последней электрички — Маша, как всегда, когда он разрешал, доехала с ним до последней станции, с которой можно пересесть на метро, — Катенин понял, что все дело в женщине.

Он не учел Клару. Бывало, буквально каждую неделю она предлагала ему что-то новое — проект, перспективный с точки зрения оплаты, поездку, симпозиум, участие в телепередаче, где главный герой он, Катенин... А, лень даже припоминать все ее затеи, к которым он относился очень неответственно. Частенько соглашался, чтобы не напрягаться, и тут же забывал. И потом, когда она все под него подстроила, отказывался ехать, не утрудив себя сочинением более-менее внятной и извинительной причины. Не хочется, и достаточно. Клара устраивала истерику. Уловив первую визгливую ноту, он отставлял трубку на такое расстояние, чтобы не пропустить успокоенную тишину и снова включиться в разговор, а пока принимался читать что-нибудь из стопки документов, газет, книг, которые всегда лежали возле телефона на его городской квартире. После таких бурь даже жены, бывает, целую неделю разговаривают сквозь губу, отчужденно, а Клара уже на следующий день звонила с новым предложением. И все время подчеркивала,

что инициатор всех благ — именно она. Катенин, конечно, не покупался на эту обычную ложь мелких клерков, но думал — пусть потешится, почувствует себя значительной персоной... Ему-то что.

И вот поскольку сам Потемкин звонил нечасто, то и сумел перехитрить умника, выставив вперед услужливую Клару.

Черт, эти женщины... Многому они его научили.

Чувствуя свою силу, Катенин никогда ни с одной не вступал в поединок. Несколько несложных приемов выработал, чтобы их кулачки и стрелы не попадали в него, и все всегда им прощал, даже низость. Настоящие мужчины женщинам не мстят.

Неужели и тогда не квиваются, когда провидение или конкретный человек используют их как троянского коня, чтобы подобраться поближе к мишени?

И тогда, ответил сам себе Катенин и выбросил Клару из головы как ни за чем не нужную обертку.

С Потемкиным дело сложнее. Этот тоже всего лишь обертка, но он-то прилип к нему так крепко, что без болезненных последствий не оторвешь. Но не намертво же...

И ведь укорить себя не за что.

Катенин все время изучал людей, держа их от себя на таком расстоянии, с которого лучше всего можно разглядеть то индивидуальное, особенное, что есть почти у всякого, кто хоть что-нибудь в жизни сделал. Чем ярче личность, тем ближе он ее к себе под-

пускал. Изучал повадки. Понимал самые разные намерения и поэтому никого не боялся. Лучше рискнуть, ошибиться, чем пропустить незаурядность.

Первый встречный всегда имел в его глазах презумпцию невинности, ведь так нерентабельно тратить время и силы на то, чтобы подозревать каждого. Когда видел, что человек уже сообразил, как его, Катенина, можно использовать в своих целях, то не препятствовал. Пусть ему... Если под настроение. Если не поперек его собственным, катенинским намерениям. В общем, довольно часто поддавался, потом сам увлекался — и помогал. Особенно тогда, когда можно было поддержать свежего человека, разбавить им мафиозно спаянные потоки, отбрасывающие на обочину всех «не своих».

Но в деле, на котором в каждый конкретный период строилась, как на фундаменте, его собственная жизнь, он умел быть жестким. Часто действовал, не считаясь с неудовольствием и сопротивлением не только партнеров, но и заказчиков. Во имя результата бывал очень строптив, не учитывал ни чьи амбиции, свои в первую очередь. Болезненно это было для многих, но ведь если операция прошла успешно, то никому и в голову не придет бранить хирурга за перенесенные страдания.

А в деле Потемкина все-таки были свои нюансы. Впервые Катенин отвлекся на побочное последствие, не имеющее прямого отношения к задаче, поставлен-

ной перед ним очередным контрактом. Но наткнувшись нечаянно на эту, ему одному заметную тропку, он сразу и решительно перегородил ее и вот уже почти год следил, чтобы построенный им редут устоял. Видел, что на этой дороге легкий ветерок может превратиться в ураган. И как он потом начнет шуровать — предсказать нельзя. А именно по этому пути Потемкин хотел добраться либо до министерского кресла, либо до тех денег, которые дают власть. Власть, сопоставимую с госдолжностью.

В какой-то момент Катенину показалось, что Потемкин отказался от своей затеи, но сегодня как раз выяснилось — ничего подобного. Да, с таким упорным, загнанным в угол стариканом надо быть начеку. Потемкин нашел новых заморских партнеров и новую лазейку в законах, чтобы продать им контрольный пакет... Конечно, от одной такой сделки Россия не пропадет, но сколько их, никем не отслеженных, кто знает? И какая нанесет смертельный урон? Может, именно эта...

Катенин веселел всякий раз, когда ему удавалось провести подобную инвентаризацию, до которых он был очень большой неохотник. Неясностей на данный момент не оставалось. В самом лучшем своем настроении он открыл калитку и медленно пошел к дому, наслаждаясь своей бодростью, тишиной и вкусным черемуховым ароматом.

Лампочка над крыльцом не горела, хотя жена всегда оставляла ее включенной, если знала, что он вер-

нется поздно. Забыла? Ничего, за двадцать лет, что они живут здесь, он с завязанными глазами мог обойти все свои владения. Каждую кочку знал, каждое дерево было ему как родное. Когда мачтовую сосну наклонила буря и ее пришлось спиливать по частям — чтобы на крышу не упала, — то он у нее прощения попросил, как у живой.

Вначале, при покупке, их двухэтажный дом казался дворцом по сравнению с обступившими его хибарками деревенских стариков. Теперь же все развалюхи проданы и снесены, а на их месте новые дачники строили уже кто во что горазд. Один катенинский коллега соорудил настоящий парусник с палубой-террасой и высокой мачтой. О каждом своем приезде возвещал битьем в колокол. Другой возвел что-то наподобие швейцарского шале с бассейном, теннисным кортом и тому подобными прибабасами, свидетельствующими о его преуспевании. Пусть их.

Катенинская усадьба, с виду неказистая, внутри, как гоночная машина у ремарковских трех товарищей, имела самую лучшую современную начинку и автономную систему жизнеобеспечения. Во дворе пробурили скважину, чтобы не зависеть от местного водопровода, который брал воду из усыхающей речушки. Купили генератор, чтобы не отключалось электричество, когда в праздники из Москвы приезжают кавалькады навороченных авто с хозяевами и гостями и по ночам пугают окрестных собак замы-

словатыми фейерверками. Договорились с молочницей, которая через день приносила банку парного коровьего молока и раз в десятидневку — полтора-литровую бутылку полезного и вкусного козьего.

В общем, полная независимость от окружающего мира. Свобода... И телефон именно потому только один, мобильный, у жены.

Катенин похлопал себя по карманам, ища связку ключей. Вот она. А где же дачный? Черт, он позавчера еще снял его с кольца и отдал внучке, чтобы она сделала дубликат. Пусть приезжает сюда всегда, когда захочется. Взрослая уже, второй курс юрфака заканчивает...

Нажал на звонок — никакой реакции. Подольше подержал палец на кнопке, прислушиваясь, есть ли звук. Тихо. Толкнул дверь плечом — открыто. Странно... В темных сенях наступил на что-то хрупкое. Хруст... Очень неприятный. Катенин нащупал выключатель, нажал на его коромысло и нагнулся. В руках оказался подавленный, но подающий короткие сигналы мобильник. Ну, жена совсем рассеянной стала. Поговорила с кем-то и забыла кнопку нажать... Бывало такое, и не однажды. А вот то, что выронила и не заметила — это впервые. «Старушка моя», — вслух пожалел ее Катенин и толкнул толстую, с обеих сторон обитую ватой и кожей тяжелую железную дверь. Защита от холода, уличного шума и от воров.

Открыл и чуть не захлопнул снова: его встретил тихий монотонный вой собак. Зина и Джой, такие драчливые, что их старались никогда не держать в одной комнате, теперь стояли у порога, прижавшись друг к другу, и безнадежно осипше скулили.

На кухне никого. Взгляд пробежал по полкам, столам, стенам. Все вроде бы как всегда... Нет, не все... Когда Катенин возвращался поздно, жена доставала молоко из холодильника, чтобы он не застудил горло. Нет молока.

В гостиной тоже пусто, телевизор выключен, торшер не горит... Какая-то зловещая темень. Катенин зажег люстру и, прежде чем пойти наверх, в спальню, поднял опрокинутый стул и поставил его на место. Машинально, еще сопротивляясь дурному предчувствию.

Жена лежала на верхней лестничной площадке. Лицом вниз, как будто только что споткнулась о ковер и вот-вот встанет. Катенин в два прыжка подлетел к ней и осторожно, нежно прикоснулся подушками среднего и указательного пальцев к сонной артерии. Не найдя пульса, он миллиметр за миллиметром прощупал всю шею. Надеялся, что ошибся местом... Хотел ошибиться... Под пальцами было только чуть теплое, но уже холодеющее неподвижное тело. На обоих запястьях тоже никакой жизни. Быстро перевернул жену на спину и рванул ворот желтого кашемирового пуловера.

Она что же, спать еще не готовилась? Когда упала?

Усилием воли приказав себе не думать ни о прошлом, ни о будущем, Катенин надавил на открытую грудину, потом зажал пальцами ноздри жены и, набрав побольше воздуха, припал к ее губам и с силой выдохнул. Один раз, другой, третий... Когда счет дошел до пятнадцати и ничего не изменилось, ни одна жилочка на ее теле не вздрогнула, Катенин заставил себя остановиться. Опоздал. Опять опоздал...

Нет! Нет! Нет! Не может этого быть!

«Скорую помощь» ждать некогда, и он, не замечая, как жена потяжелела, схватил ее на руки и пошел вниз, не пропуская ни одной ступеньки, — осторожно двигался, чтобы не выронить ношу, если вдруг взбрыкнет его раненый позвоночник. Добравшись до дивана, он сдернул плед, закутал в него безвольное тело так, чтобы кокон поддерживал болтающуюся, как у грудничка, голову, осторожно выпутал из седых волос сухой стебелек и, ногой захлопнув дверь, понес в гараж свой тяжелый груз...

Врач, констатировавший остановку сердца, попытался влить в Катенина успокаивающую микстуру, но тот резко отвел протянутую склянку.

Удивляя медперсонал своим хладнокровием, вдовец попросил проводить его к телефону, сделал несколько коротких звонков и как столб застыл возле тела, пока не приехали дети.

Катенин не был спокоен. Он просто сосредоточился, чтобы как можно тщательнее, по свежим следам (и по свежей боли...) проделать в уме необходимую работу: припоминал и сопоставлял детали, восстанавливая последние минуты-секунды перед смертью жены. Совсем не для того, чтобы не терзаться, что приехал слишком поздно. Обвинять себя или наоборот, выгораживать в такой момент — бессмысленно и эгоистично. Пусть у других проносится в голове, что они получают или теряют от чьей-то смерти. Естественно и пожалеть себя, но это — потом, а сейчас он даже сделал усилие, чтобы не думать о том, что жена погрузилась в темноту, что она больше не обрадуется восходу солнца, что девушка из соломки, сидящая у пруда, останется простоволосой, без алой беретки. Не будет красного пятнышка, что как капля крови выступает почти на каждой картине Коро. Высушенные васильки, маки так и будут лежать на комодке, седея от пыли... У Катенина рука не поднимется их выбросить... Счастье, что она успела увидеть календарь со своими лучшими картинами....

Нет, и это — потом. Сейчас надо понять, что же в доме показалось ему подозрительным, неестественным... Почему вдруг остановилось Нинино сердце? Он же научил ее жить с почти неизбежной подселенкой старости — гипертонией...

Одна немецкая знаменитость признала, что русская медицина ничуть не хуже западной. В чем-то да-

же лучше, вот только русские врачи почти всегда завышают лекарственные дозы. Надо будет проверить, не проглотила ли Нина целую таблетку вместо четвертинки, когда почувствовала тяжесть в висках... Давление... Внутреннее, естественное давление или кто-то извне на нее надавил?

Ни на кухне, ни в гостиной не было коробки с лекарствами. Успела убрать на место? А почему телефон валялся в снях? С кем она говорила? Сама звонила или отвечала на чей-то звонок?

В глазах потемнело, Катенин схватился обеими руками за голову, до хруста сжал виски и заставил себя не думать.

Похороны, девятый день... Справки, доверенности, сберкнижки... Ритуальные хлопоты — спасение для близких. Но и неизбежная суета заканчивается.

Джоя забрал к себе сын, а старая Зина на десятый день после смерти хозяйки просто не проснулась. Катенин вырыл глубокую яму возле грушевого дерева с корявыми старческими наростами на ветвях. Выбрал и выбросил червяков, которые выползли на влажные боковые срезы могильной ямы, и закопал верную псину.

И только оставшись совсем один, он вспомнил про мобильник. До этого надобности в нем не было: всегда рядом был кто-нибудь со своим телефоном. Обшарил сени, кухню, гостиную — нигде нет. Может,

невнимательно искал, ведь каждый предмет задевал какой-нибудь нерв, напоминая о живой жене... Вернулся и начал все снова. Опять нигде нет.

Наверно, дочь решила, что сломан, и выбросила. Проще всего поехать и купить новый, но... Нет, дочь бы предупредила... Значит, трубку забрал кто-то посторонний. Кто? Столько людей побывало в доме за это время... Надо узнать, кому жена звонила и кто звонил ей. Придется ехать в город...

До ближайшей электрички было еще сорок минут, Катенин решил выпить чаю и измерить температуру. Так, на всякий случай. Его познабливало.

Тридцать восемь и три было на градуснике через пять минут. Поездка откладывалась...

ТЕПЕРЬ-ТО РЕШЕНО?

Такого не было еще ни разу за три года их знакомства.

Катенин, конечно, уезжал, но тогда Маша знала, где он и когда вернется. Прилетев-приехав, звонил. Не всегда сразу, дня через три-четыре порой... В общем, набегал и целый месяц разлуки.

Черт возьми, как больно сравнивать то, что есть, с тем, что было... Потери, только потери...

Но чтобы три недели от него никаких вестей — это уж слишком! Автоответчик на городской квартире вещал знакомым голосом незнакомого Маше катенинского сына: «Оставьте свою информацию после длинного гудка». Ну что ему скажешь? «Соскучилась, очень хочу увидеться...» — это если и информация, то очень для Катенина не новая. Пару раз произнесла Маша свое фирменное, протяжное «ал-ло», которое он всегда весело передразнивал и на которое отзывался, если был у телефона. Никакой реакции. И эта возможность контакта, пусть хоть и одностороннего, отрезана: глупо же выйдет, если он начнет прослушивать автоответчик, а там с десятков Машиных «алло».

Сперва она не так уж и дергалась: все равно пока нельзя ничего предпринять. Потом спохватилась: вдруг Катенин почувствовал опасность и исчез из ее жизни? Перешел в параллельный, не пересекающийся с ней мир?

Может, так лучше? — подумала она и два дня по-примеривалась к этой мысли. На третий ей стало абсолютно ясно, что так — невозможно. Отдать его Мироновой? Это — смертельно. И не потребуется брать в руки бритву, яд или из окна выбрасываться... Без собственных усилий, как бы случайно под машину попадет, или взорвется дом, мимо которого она опять же случайно пойдет, либо от непереносимого ужаса остановится ее сердце.

Дать ему уйти — это несовместимо с ее, Машиной жизнью. Не удалось завоевать? Надо уничтожить... Жизнь — война. Родилась? Борись и побеждай!

Так где же он? Почему пропал?

Что-то надо делать...

На десятый день неизвестности Маша, как всегда перед выходом из дома, включила радио, чтобы узнать погоду, и вдруг услышала объявление о литературном вечере четы Мироновых, профессора и прозаика. Мистика... Сразу решила: пойду. Может, Катенин там тоже будет. Если его не встречу, то хотя бы выясню, правильно ли поняла финал романа. Вдруг он и правда бросил эту душечку и она стала несчастной мизантропкой... Тогда, может, и наложу мораторий на смертный приговор... Все-таки и прощать надо...

Нелепин заупряился, не пошел с ней. Станный он все-таки человек... Не выносит никакой публичности. Трусит? Нет, не то... Он вроде бы никого и ничего не боится. Прямо как Катенин...

Убудет от него, что ли, если послушает профессора, который его так забавно облажал в либеральном журнале? Глупый вопрос, оборвала себя Маша. У Нелепина инстинкт звериный. После того как вышла его первая книжка, он сразу замер, принял настороженную позу по отношению к медийной тусовке. На расстоянии от нее держится. Иначе бы не скрыть, как он их ненавидит. Стоит подпустить эту свору к себе поближе, как учуют слабость, и может случиться самое страшное — молчать про него станут. Политологу ли не знать эти элементарные законы!

Ладно, пойду одна. Так и свободнее, и больше разужнаю.

Тащиться пришлось в незнакомый институт, который до новых времен, когда все учебные заведения присвоили себе лишнюю звездочку, назывался обыкновенным педучилищем. А еще раньше тут была женская гимназия. Не дом — дворец с колоннами по фасаду, с широкой мраморной лестницей и высоченными потолками. Мелкие, низкие мысли растворяет такое пространство... Спину хочется держать прямо, голову поднимать высоко...

Зал небольшой, мест на сто, был заполнен на две трети. Знакомых журналистов — никого, телевидения тоже нет. Провинциальное, в общем, место. Ничего, для Машиних целей так даже лучше. Под софитами и при большом шуме писульке этой было бы

проще спрятать себя, свои страдания и страхи. А тут она как голенькая будет.

Все Машу раздражало. И то, как ведущий — местный декан — нахваливал эту «талантливую семейную пару», и то, что Миронов, — вежливый, черт! — включив во вступительную речь все полтора десятка своих знакомых — и знаменитых, и никому, кроме него, не известных, — которые не поленились сюда притащиться, по Маше только скользнул взглядом. Отметил, но не узнал. Рассердило, хотя она специально замаскировалась: пошла к дорогому стилисту, который отрезал ей челку и покрасил аккуратное каре в светло-золотистый цвет. В зеркале она сама себе показалась чужой, незнакомой — лет десять спряталось под новой прической.

Но больше всего разозлило то, что при виде Миронова у нее внутри ничто даже не дрогнуло. В памяти еще промелькнули их свидания, отчаяние после защиты диплома вспомнилось, а в душе — полная пустота. Из-за чего тогда так страдала? Обыкновенный подкаблучник. Ну, пусть добровольный. Только по молодости лет могут девушки — неопытные, как она тогдашняя, — обманываться и думать, что такой когда-нибудь оставит семью. Да он даже после сексуальной встречи с тобой побоится на пять минут опоздать домой, чтобы женушку не огорчить...

И Катенин жену не оставит — это ясно.

Ни-ко-гда.

«Я никогда не скрывал, что женат. Некоторые приятели, поменявшие несколько жен, сперва иронизировали, посмеивались надо мной, но теперь, когда жизнь уже прожита, каждый признал — мне на ухо прошептал или даже вслух, при всех громогласно заявил, — что я прав, что никакого смысла не было в этих переменах». Его слова.

...Стоп! Хватит!

На Машу стали оглядываться. Вслух, что ли, случилось? Она покраснела, ладонь к губам прижала и уставилась на Миронова. Впилась взглядом. Осмотрела его с коричневых башмаков из мягкой матовой кожи до коротко стриженных волос, удачно скрывающих обширную лысину. Как невропатолог колет иглой пациента в самые разные места, чтобы обнаружить болевую точку, так и она внимательно прислушивалась к себе, не дрогнет ли в ней хоть что-нибудь от профессорского тенорка, от его так хорошо ей знакомой сутулости, от правильной, легко льющейся речи, не засоренной разными «значит», «так сказать», «ну»...

Нет, ничего... Не задевало даже то, что Миронов, несколько не стесняясь, говорит о жене в третьем лице, как о каком-нибудь признанном классике, да еще нет-нет и скосит на нее голубые глаза, посаженные домиком на его овальном лице. Заботится... Любит...

А вдруг и после Катенина такая же равнодушная пустота придет? — мелькнуло у Маши, и она сразу прогнала крамольную мысль. На себя рассердилась.

Катенин — это совсем другое. И она, Маша, не из тех баб, у которых все в жизни происходит по одной схеме. Нет, у нее с каждым — по-новому. Перестань сравнивать! — приказала она себе и сосредоточилась на писательнице.

«Как вам удалось так сохранить форму?» — читала та очередную записку.

Черт, действительно, выглядит лет на сорок, не больше. Прямо как моя ровесница. Волосы гладко зачесаны... Ну-ка, сзади-то не старорежимная ли хала?.. Нет, нормальный хвост. Аккуратно подстрижен и собран серебряным зажимом. В платье вырядилась... Да, надо и мне не перечеркивать себя пополам юбками-брюками. Именно платья делают нас женственными, плавными. И цвет ее робы не случаен, подбирала в тон кораллам, что на шее висят. Но румянец-то, конечно, нарисован. Или одежда так отсвечивает на щеки? Держится открыто, спокойно отвечает на любой вопрос.

Нет, наврала, сочинила все в своей мерзкой книжонке, никакая она не несчастная. Катенин бы такую не бросил...

Не успокоило Машу это действие. Позавидовала? Конечно. А кто бы отказался от долгих аплодисментов, от цветов-улыбок и от народа, не сбежавшего в конце, а обступившего помост со счастливой четой!

В злом отчаянии Маша выскочила из зала и выбежала на крыльцо. Накрапывало, а она опять без зонтика. Нарочно медленно, пытаюсь утомить недобрую

тревогу, пошла по Садовому к «Маяковской». Непрошенные слезы смывала небесная влага, а злые, мстительные мысли только крепли. Растравляя себя, не спустилась в метро. Прошла вдоль колонн зала Чайковского, мимо Театра Сатиры... Вспомнила, как рассматривала длинный сталинский дом напротив американского посольства, когда впервые шла к Катенину. Эта элегантная монументальность не имеет теперь к ней никакого отношения... Как больно...

Ноги сами повернули во двор катенинского дома... Кухня не светится, высокие комнатные окна тоже темные... Значит, он не в Москве. Значит, не с другой женщиной?

Полегчало. Объявится Катенин, куда не денется. Возникнет хотя бы затем, чтобы получить обещанную ему кассету. Маше допоздна пришлось сидеть перед телевизором, чтобы дожидаться и записать скучнейшее ток-шоу, на котором Потемкин защищал проект совместной с американской кампанией разработки нового нефтяного месторождения. Катенин специально позвонил с дачи, напомнил.

Редко когда о чем просит, гораздо чаще Маша сама предлагает помощь. Можно сказать, навязывает. Сперва так проявлялась любовь ее, заботиться о нем хотелось. А потом поняла: если она не напридумывает деловые поводы, то встреч-разговоров будет еще меньше. Логично — человек он очень востребованный. И совсем не обидело ее, когда Катенин безза-

стенчиво признался, что с легкостью принимает любые услуги и не чувствует себя уж слишком за них обязанным. «Главное, Маша, самому без крайней необходимости ни у кого ничего не просить».

Как же привязать к себе Катенина, если не сработал самый доступный ей способ — сделаться нужной в главном его деле... Почти до добровольного рабства докатилась, а он как был независимым, сам по себе, так и остался... Ни служанка ему не нужна, ни помощница, ни осведомительница, ни наложница... Все перепробовала, один выход остался.

Один, последний.

Но если он сам исчез, то как же?..

Опять мелькнуло воспоминание. Когда же это было? Когда — высчитывать больно, а вот где — ясно. Они по Тверской шли, Маша жалобно тогда попросила задержаться, не сразу от нее нырять в метро. И вот правильно, абсолютно адекватно прочитав ее взгляд, просящий близости, — только взгляд, она и словечком не обмолвилась, — Катенин сказал: «Ты должна знать, что между нами пока осталась только дружба». И ведь понимал суровость приговора.

Разве не храбрец?

Без предупреждения скрываются только трусливые, неумные, неблагородные мужчины. Конечно, при таком побеге риск невелик, особенно если обиженные женщины бессильны отомстить. Но ведь их праведный гнев, их ненависть, которая передается

и без непосредственного контакта, тоже вредит. Обоим незаметно жизнь отравляет — и бросившему, и брошенному.

Катенин сам рассказывал, как бывшие подруги время от времени просят его о чем-нибудь, и он, если может, всегда помогает.

«О чем просят?» — ревниво спросила тогда Маша.

«Ну, по-разному бывает... Например? Одна прямо сказала: “Найди мне мужика. Замуж хочу”. Другая в закрытый клуб попасть захотела. “Ты только проведи, а там уж я сама...” Насчет квартиры хлопотал... Устраивал, чтобы сына в Чечню не послали...»

Чувствовалось, что вспоминал он с трудом. Сделал — забыл, вот как добивался Катенин порядка в своей голове. На передовой всегда было только то конкретное дело, над которым он работал именно сейчас, все остальное — в тылу, на задворках. До возникновения.

Остальное, но не друг же...

К Маше это не относится.

Не должно относиться.

Наверное, что-то у него стряслось. Что-то, с ней никак не связанное. Он объявится...

Надо только получше подготовиться.

МОЖЕТ, ДОСТАТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ ДРУГИЕ ТАБЛЕТКИ?

С этой промежуточной мыслью, первой мыслью, которая не разрывала ее на части, Маша вбежала в квартиру и включила компьютер...

«Ни черта в этом сраном интернете не найдешь!» — выругалась она вслух, когда заняла спина и взгляд соскользнул в правый нижний угол ноутбука.

3:17.

Вот это да! Несчастливые часов не наблюдают... Выходит, уже полночи наставляет она компьютерную ладошку с вытянутым указательным пальцем на стрелку, что перелистывает страницы. Дошла аж до пятисотого номера, а выловила один мусор. Что за дебилы составляют эти программы! На кой черт они перечисляют все местные кабельные телеканалы, по которым показывают фильмы об убийствах? Рязань, Киров, Орск... За Уральский хребет перевалили на третьей сотне... Яндекс проклятый! Может, наживку сменить? А что еще добавить к начальной формуле «яды + отравление»? Нужен яд без цвета и запаха. Чтобы этот чертов гурман не учуял...

Маша отвела взгляд от экрана и уставилась в окно, в ту четвертушку, через которую еще виднелось сереющее беззвездное небо. Дом напротив, заслонивший почти весь белый свет, складывали быстро, как детские кубики. Всякое утро, когда Маша, корпя над очередной статьей, отводила взгляд от экрана и смотрела в окно,

она видела, как ровно в восемь ярко-зеленые комбинезоны и разноцветные каски гуськом выходят из дальних голубых времянок и муравьями расползаются по стройке. Так близко от ее подъезда, что, пока они не добрались этажа до двадцатого, ей видны были их темные, сумрачные лица. Не всякое воскресенье можно было отдохнуть от их мельтешения и шума. До десяти вечера портил жизнь либо гул бетономешалки, либо визг дрели, либо рокот подъемного крана. Либо все вместе.

Окрестные жители с самого начала не безмолвствовали. Протестовали. Энтузиасты и энтузиастки грудью загораживали дорогу экскаватору, который рыл почти платоновский котлован под фундамент этой махины. Милиция вынула одну такую героиню прямо из-под гусениц и запихнула в «скорую помощь». Напрасная жертва. До сих пор инициативная группа ходит по квартирам — составляют реестр трещин, возникших из-за слишком близкой стройки. Пугают, что семнадцатэтажка вот-вот рухнет.

Маша как-то оказалась дома и впустила самозваную комиссию. Вместе с экспертом впервые осмотрела свои потолки и стены. Кто его знает, от чего обои в детской покорежились, почему под потолком у трубы в самом углу большой комнаты откошился кусок цементной плиты. Но вот подтеки на кухне уж точно не из-за стройки. Соседи залили. Подсохло, и Маша забыла про пятна. И цементная плита в ванной сверзилась с потолка задолго до начала этой стройки.

Дочка тогда только что вылезла из-под душа и надевала желтый махровый халатик. Когда завал разобрали, ей пришлось перемываться. И полотенца, покрытые осевшей пылью, долго потом не отстирывались.

Так что пуганые они. Будь что будет. Катенин вон даже не поставил подпись под коллективной петицией, когда похожей стройкой ему закрыли вид на Новый Арбат: впритык к бывшему доходному дому Плевако воткнули кирпично-элитную башню. Мудрец наш усмехнулся только, узнав, что доход от нее пойдет в карман Потемкина. «Наступает, стервец!» — как будто даже восхитился Катенин, а на Машино сочувствие ответил, что все просчитал — бороться бесполезно. Это новорусская система, и она еще совсем не гнилая, она только соки набирает.

Опять прав оказался.

А ей-то что толку от его правоты?

Для него городская двухкомнатная квартира — это лишь офис, перевалочный пункт между загородной усадьбой и внешним миром, куда наравне с Москвой входит и Запад, и Восток. Все континенты ему доступны. Не сравнить с Машей. Квартира на девятом этаже — единственное пространство, которым она владеет. И вот теперь эту трехкомнатную камеру с ее хозяйкой загнали в самое темное, зябкое подполье: вдобавок ко всем неудобствам во время черемуховых холодов, как всегда, отключили отопление и горячую воду.

Надо выбираться из андеграунда.

КАК И ЧЕМ УБИВАТЬ?

Не успокоилась.

Не выпалась.

Не написала статью.

Стоп! Хватит этих «не»! Вон отсюда!

Сперва надо смыть с себя липкий ужас неудач. Если ждать, пока согреется ведро или хотя бы кастрюля воды, то и на летучку опоздаешь. Маша разделась и решительно запрыгнула в пустую холодную ванну. Гибкий шланг позволил сперва полить ледяным дождем ступни, потом выше, еще выше... Когда дошло до плеч, стало уже не страшно. Холод совсем исчез после того, как тело было докрасна растерто махровым полотенцем. И внутри потеплело.

Никакая она не неудачница! Не станет Катенина, так и вообще не о чем горевать. Он, только он заслоняет от нее спокойствие, без которого ей не согреться.

Больше никаких сомнений! С этого момента Маша уже думала о решенном как об обычной работе, которую надо выполнить. Быстро и добросовестно.

В начальственном предбаннике было накурено. Телевизионщики, не обращая ни на кого внимания, равнодушно и деловито устанавливали свет. Незнакомые фоторепортеры в одинаковых полувоенных жилетах, облепленных накладными карманами, сидя на корточ-

ках, рылись в своих тяжелых баулах. Коллеги-журналисты кучками стояли у дверей кабинета главного, но внутрь не заходили.

Пресс-конференция? Бывало, и не раз. Федорка — большой мастер по созданию информационных поводов. В полный политический штиль такую бурю раздует, что все сбегаются поглазеть. Циничные телевизионщики, которых в другую газету можно было затащить только раз в год, не чаще, да и то за деньги, всегда приезжали по первому его зову. Федор Федорович сумел превратить свою редакцию в тайный либеральный алтарь, представ перед которым политиканы отмаливали грех ежедневного приспособленчества.

Занятая собственными мыслями, Маша переходила от одной группы к другой, высматривая, у кого бы проконсультироваться насчет таблеток. Никому она тут не доверяла, хотя практически со всеми старалась быть в поверхностно-приятельских отношениях. Получалось. Напряженка была только с одной мадам. Заместительница Федорки по всему, что касается денег, производственно-технических проблем и распространения, то есть, по-современному, самая властная персона, невзлюбила Машу. Какая-то конституционная ненависть. Пытаться понять, за что — бесполезно. Можно, конечно, подыгрывая себе, перечислить свои преимущества, которым завидуют такие женщины. Но зачем? Вырастишь в душе ответную злобу, и придется вступить в борь-

бу, явно неравную, поскольку замша считалась официальной любовницей Федорки, и он, выкупая у нее право флиртовать с подчиненными, молоденькими и не очень, во всем другом ей подчинялся.

— Ты что-то плохо, очень плохо сегодня выглядишь. — Машино ухо пощекотал ветерок от писклявого шепота той самой мадам, о которой она только что вспомнила. — Признавайся, безобразница, чем ночью занималась?! — Заместительница Федорки приобняла Машу за плечи и как бы дружески погрозила ей пальцем.

Вдумываться, пытаться понять подтекст этого банального прикола... Ну нет уж...

— Что вы, Раиса Алексеевна! Какие безобразия! У меня страшная бессонница. Не подскажите, как забыться хотя бы на несколько часов?

— Бедная деточка... Такая молодая, и уже страдаешь...

— Да мы с вами почти ровесницы, — продолжала подыгрывать Маша.

— Ну, скажешь тоже. — Пенсионерка вмиг поверила неуклюжему комплименту и аж расплылась от удовольствия. Подхватив обеими ладонями свои небольшие груди так, что они почти выскочили из декольтированной не по возрасту кофтенки, она из надменной матроны превратилась в услужливую подружку: — Мне почти всегда азалептин помогал. Его без рецепта дают. Но в последнее время он что-то не действует. Пришлось на родедорм перейти. Только ни в коем случае не

принимай их вместе. Я как-то смешала, так чуть концы не отдала. Потом прочитала в лекарственнике, ну, настоящем, который для врачей выпускают, что азалептин ни в коем случае нельзя соединять с родедермом, реланиумом и феназепамом. Сдохнуть можно, если их вместе проглотить. Запросто. Ты в силах сегодня работать? А то давай я скажу Федору, что отпустила тебя.

— Ой, спасибо, Раиса Алексеевна, я и правда лучше уйду.

— Смотри, с таблетками надо быть осторожной...

Более-менее действенные снотворные продают только по рецепту — это все знают, и Маша прямо из газеты поехала в районную поликлинику. Очередь к окошечку регистратуры простояла напрасно: невропатолог принимает только по предварительной записи, которая начнется в двенадцать, то есть через четверть часа. Маша пошла записываться, куда указали.

Посередине просторного вестибюля на квадратном белом столбе, как ульи, висели фанерные ячейки. Вместилища для папок с фамилиями и специальностями врачей на корешках. Маша взяла одну, другую... Четыре корочки оказались пустыми, а в пятой был исписанный листок с одной-единственной свободной строкой. Прием в двенадцать тридцать. Можно было вставить себя, что она и сделала. Сорок пять минут подождать — это еще куда ни шло. Вписала свое имя, ад-

рес, год рождения и только потом взглянула на число. Господи, да это же через две недели! Немыслимо...

Служительница в белом халате только-только начала лениво вставлять разграфленные листы в пустые папки, как на нее моментально, не давая вернуть их в ячейки, налетели прыткие старики и старушки. Больные... И все именно к невропатологам.

Из вторых-третьих рядов нападающих доносились и нервные вскрики, и эпические, спокойные комментарии:

— Мне к Козельковой!

— Уберите руки!

— А я теперь запишусь к Воропаеву. Козелькова стала халтурить... Да всем им на нас наплевать...

— Вы бы за их зарплату поработали! У меня зять врач, я знаю...

— Зять — врач, а вы тут вместе с нами локтями работаете... Что же он вас по-родственному не пристроил? Все они сквалыги. Мы в свое время даже меньше получали, но...

Старички еще и успевали уязвить друг друга...

Машу затолкали. Пришлось и ей поработать локтями. Вырвавшись из толпы, она отошла к стене. Осмотрелась. Вот и общее расписание. Козелькова принимает с двенадцати, кабинет четыреста восьмой. Азарт появился — никогда не возвращалась она ни с чем, не выполнив задания. Все равно чьего. Пробьюсь, сама себе приказала.

Вбежала на четвертый этаж. В коридоре все стулья и скамейки заняты. Ожидающие приема настороженно наблюдают друг за другом. Стоит только дотронуться до ручки вожделенного всеми кабинета, как народ взорвется. Этот путь заминирован.

Не долго думая, Маша выбрала самого скандального на вид костлявого старичка и заговорила с ним так, как будто это красивый успешный мужчина средних лет. Шепотом, достаточно громким, чтобы не напрягать глохнущую старость, попросила совета. Мол, она потеряла рецепт на снотворное, так как он думает, нельзя ли его возобновить. Наклонилась, чтобы сидящему не понадобились очки, дабы разглядеть ее грудь. Сработало.

— Товарищи, девушке только рецепт нужен, пусть пройдет.

Очередь зароптала, дама средних лет громко заявила, что без записи все равно не примут, но когда Маша входила в кабинет, над которым зажглась зеленая лампочка, никто ее не остановил.

Седая, по-цветаемски подстриженная врачиха, не отрываясь от писанины, сердито спросила:

— Фамилия?

— Милютина, — как можно более мягко и четко, но не слишком робко выговорила Маша.

— Не записаны! Не приму! — выкрикнула владелица кабинета, не заглянув в разграфленный листок, что лежал перед ней. Наизусть выучила все имена?

— Конечно, у вас столько народу, — послушно согласилась Маша, стараясь поймать взгляд докторши. — Но я уже вторую неделю не могу спать...

Никакой реакции. Не то, не то говорю, сообразила Маша. Белые халаты привыкли к чужим страданиям, это для них обыденный фон, не способный привлечь внимание. Надо по-другому.

— Не могли бы вы дать мне платную консультацию, — не жалобно, а твердо проговорила она.

Козелькова подняла голову и спустила на нос модные очки в тонкой золотой оправе. Под ее оценивающим взглядом Маша выпрямила спину, сдернула с головы бордовую бейсболку и стянула с шеи широкий длинный шарф. Мне, мол, скрывать нечего, я не провокатор. Получилось, кажется.

— Выйдите, вас вызовут. — В голосе Козельковой проглянула радость.

Уже минут через десять, не больше, Маша правой рукой взяла с ее стола бумажку с рецептом, а на освободившееся место из левого кулака ловко выронила трубочку из двух сотенных, приготовленную заранее.

— Этого достаточно? — Маша и правда не знала, сколько надо дать за работу, которая входит в служебные обязанности врачихи.

— Уходите, вы и так отняли у меня много времени! — не сдержалась та. Как будто плюнула вослед.

Мало ей оказалось. Врачиха-рвачиха... Да ну ее!

На улице Маша проверила мобильник. Чтобы он не помешал проведению сложной операции, она отключала звук. Один звонок был. Не Катенин, всего лишь коллега-журналиста. Ну, это долгий разговор, в батарейке осталось одно деление, все равно не хватит, и по дороге домой она не спеша зашла в аптеку.

И на автоответчике не было катенинского голоса, только Нелепин со своими эмоциями. Генератор идей хренов, ну скажи хоть что-то новое, придумай, заинтересуй. Нет, все про себя, про свои дела и чувства. «Я хочу тебя, Маша!» Изредка это даже приятно, но не все же время. Хорошо хоть сумела отучить его звонить на мобильник.

Ну а что на работе? Сейчас узнаем...

Не торопясь, Маша вымыла яблоко, отрезала тонкую дольку, сунула ее в рот и принялась открывать молдавское каберне. Методом проб и отравлений установила марку, которая более-менее похожа на столовое французское. Вот только пробки нашенские так крепко сидят, что нужна мужская сила. Ничего, и тут она приновилась.

Откупорила, налила полный бокал, попробовала глоток — неплохо, букет чувствуется, — и пошла с вином в свою комнату.

Попу в кресло, вытянутые ноги на кровать, телевизор без звука... Полный покой... Теперь можно и позвонить.

Анестезия пригодилась, потому что коллега, с которым Маша делила один стол и один компьютер, — молодой театральный обозреватель, не скрывающий своей сугубо мужской ориентации, — вывалил ей кучу новостей. Малоприятных. Опять объявился Потемкин, на пресс-конференции он рядом с Федоркой сидел.

— И вообще, Малюта, я ничего не понял! Может, хоть ты мне объяснишь? Полчаса шеф с Раисой на два голоса убеждали, что газету продавать не собираются, что вражеским слухам не надо верить. Ни одного имени не назвали. Трындели, трындели... Ну, ты знаешь, Федорка и дольше может свою кашу ни о чем по столу размазывать. Но Потемкин-то зачем приехал? Наши ищут новую работу. Говорят, если сказано вслух, что не закрываемся, то читай ровно наоборот. Ты как думаешь?

— Я? Я как все...

Опять прав оказался Катенин. Насчет запасного аэродрома. Не позаботилась о нем Маша. Когда? Все мысли именно Катениным были заняты... Бесполезно и рыпаться: ответственные переговоры требуют полного сосредоточения.

Что делать?

Освободиться...

Рука стала нажимать на кнопки. Два-девять-девять... Пальцы сами помнили номер. Гудок, второй... На седьмом включится автоответчик... Дождусь, решила Маша.

— Алло, — вдруг ответил усталый, тусклый голос. Постаревший, но катенинский.

Как? В Москву приехал и опять ей не позвонил?

На Машу накатила ярость. Но куда деть радость от звука его голоса? Odi et amo, как часто цитировал на лекциях Миронов. Сердце забилося и разнесло дрожь по всему телу.

Только бы не спугнуть его упреками... Что, что сказать?

— Рада вас слышать. У меня новость — Потемкин, кажется, покупает нашу газету...

— Да, я знаю. Я тебе говорил... Федор дождался момента, пока за нее можно еще что-то взять. Будет теперь изображать, что опять пострадал за свою оппозиционность. Но Потемкин только до выборов газету продержит, а потом ликвидирует. — Катенин помолчал, о чем-то раздумывая. — Подожди, я сейчас другую трубку возьму и устраюсь поудобнее... Хорошо, что ты позвонила. Не сможешь мне? Нужно билет в Питер купить...

«Месяц молчал, теперь уезжает. А если бы я сейчас не набрала его номер, то оставил бы меня в неизвестности? Друг... Нужен мне такой друг», — мстительно думала Маша, контролируя дыхание и интонацию. Не выдать бы себя...

— Конечно помогу, только без паспорта теперь не продают.

— Паспорт нужен? Тогда отпадает...

— Давайте прямо сейчас заеду за ним... Ненадолго...

— Ненадолго? Ладно... Я тут болел довольно сильно, и не только... Приедешь, расскажу.

...Вовремя таблетки купила!

Маша расправила на столе новый бумажный платок. Как горох, вылупила на середину белизны по пять таблеток из двух облаток, растолкла их, свернула в комок и сунула в карман черного кожаного пиджака. Так сосредоточилась, что забыла сменить домашние тапки. У лифта опомнилась. Вернулась в квартиру, переобулась и понеслась. Бегом до метро, по прямой до Баррикадной и снова бегом по Новинскому бульвару...

Все что угодно сделаю, только бы избавиться от этой рабской зависимости, от этой дрожи...

— Проходи, я только что чай заварил. Рассказывай, как дела? — Катенин не улыбнулся, не поцеловал Машу даже в щеку, только пиджак почти силком с нее снял, распял на плечиках и повесил в коридоре. Так быстро, что она не успела достать из кармана приготовленный комок.

— А у вас? — вопросом на вопрос ответила Маша. Машинально делая большие, алчные глотки из белой чашки, она судорожно соображала, как быть.

— Я жену похоронил...

Слава богу, что Катенин отвернулся к плите. Когда он посмотрел на Машу, она уже успела побороть мгновенную радость. Но на всякий случай все же опустила голову и лицо руками закрыла.

Нет, конечно, катенинскую жену было жалко. Но... Теперь-то таблетки не понадобятся! Как будто из добровольной тюрьмы на свободу вышла.

— Господи, какое у нее лицо было... — Катенин не обратил внимания на Машино замешательство. — Ее кто-то сильно напугал по телефону. Никак не могу выяснить, кто... Мобильник пропал... Вот приехал, чтобы мне распечатку звонков дали на станции. Ну и раз кашель прошел, то в Питер согласился съездить. Я не звонил, потому что не люблю сочувствий всяких и сам жаловаться не хочу...

— Мои самые-самые... соболезнования. — Маша запнулась, но слово «искренние» все-таки пропустила — побоялась, прозвучит фальшиво.

Как удобно, что для таких случаев есть стандартная вежливая форма, за которой можно спрятать столько самых разных чувств. Простой, казалось бы, способ, но и им владеют немногие.

Когда не стало родителей, Маша очень долго никому не могла об этом сказать. Не потому, что хотела сохранить втайне свое сиротство, а не выговаривалось у нее «умерла мама» — и все... Через полгода после мамочкиной смерти шапочно знакомый тогда Федор Федорович приклеился к Маше в заграничной командировке — давосский форум освещали. За завтраком подсел за ее стол и принялся хвастать своей родительницей. Живучая, мол, мы порода. Не заметил, что Маша напряглась. Но то ли от длинного мо-

нолога устал, то ли испугался, что яичница с беконом остынут, пока он разглагольствует, а все же спросил и про ее родителей. «Они недавно, в один год умерли», — в первый раз сказала Маша постороннему. Ком к горлу подступил, она чуть не расплакалась. Все же сдержалась, а Федорка насупился, прожевал свой резиновый бекон и вместо вежливой формулы, вместо сочувствия брякнул: «А у меня неделю тому назад собака погибла... Под машину попала».

...Пока Маша пила чай, Катенин принес паспорт и как всегда твердо, не извиняясь за то, что выгоняет, сказал:

— Ну, тебе пора. Сейчас дочь должна заехать...

По дороге на Ленинградский вокзал Маша чуть было не выкинула смятый белый комочек, который нащупала в кармане пиджака. Уже вынула его и стала искать урну, но вдруг прежняя дума вернулась: а что если наврал? Если он не дочку свою ждет, а эту проклятую писательницу?

Ну ладно, пока не время даже заикаться про то, что теперь они могут быть вместе или хотя бы чаще встречаться. А если у него таких мыслей нет и никогда не будет?

Еще одна почти реальная надежда не сбудется...

Но почему? Почему! Никаких ведь теперь препятствий нет...

Нет? Откуда мне знать?

Рано, рано еще выбрасывать единственное оружие.

НЕ ВСЕ БАБЫ ДУРЫ?

Теперь ее сразу не вышвырнешь, мелькнуло у Потемкина, когда Клара, на всякий случай дав волю рыданиям, почти непритворным, докладывала ему о своем звонке. И отчиталась-то только на службе. Тотчас, как просил, не известила.

Он утром сам ее вызвал. Знал уже по своим источникам, что катенинская жена скапустилась. Да, расчет был на ее немощь... Но не до такой же степени... Или эта идиотка Клара перестаралась? Ладно, надо минимизировать неудачу.

Неудачу? Потемкин подавил улыбку. Это мы еще увидим.

— Возьмите себя в руки! — прикрикнул он на сидящую перед ним квашню. — Запомните: она умерла из-за остановки сердца. Слишком большую дозу от давления приняла, и слабое сердце не выдержало. Никто не виноват. Послезавтра похороны. Вот вам деньги. Закажите венки от фонда, сегодня же навестите вдовца и постарайтесь найти мобильник, на который вы звонили. Он сломался и наверняка валяется где-то в доме. Родным пока не до него. Оптимально будет, если его хватятся, когда все закончится. Пропажа телефона вызовет подозрение, Катенин начнет разбираться и тогда уж догадается, что ему лучше быть поговорчивей... Вот и ваше задание будет выполнено. Ну, успокоились? За дело!

Клара уже только всхлипывала, но с места не двигалась. Тогда Потемкин встал из-за стола, положил руки ей на плечи и приподнял со стула.

— Ну, ну же, не надо расстраиваться. Когда все кончится, посидите недельку дома, а лучше поезжайте-ка на море, хоть в Турцию. Я распоряжусь, чтобы вам помогли.

Этим же вечером покалеченный мобильник был у Потемкина в руках. Еще раз подтвердилось, что пряник от власть предержащих действует на баб куда эффективнее любого кнута. Но теперь-то уж точно с Кларой покончено. Полгода придется ее еще потерпеть, чтобы не возникала после, а пока надо подыскивать ей замену. Нужен тот, кто близок к Катенину. Соглядатай.

Недели через две, в тот самый день, когда Федорка уверял согнанных им на пресс-конференцию журналистов, что он не продает газету, взгляд Потемкина, хранившего многозначительное начальственное молчание, зацепился за женское лицо. Мелькнуло в дверях и исчезло. Красивое. Ну и что? Не поэтому же задело. Прикрыл глаза, сосредоточился. Не сразу, но все же вспомнилось, как в Барвихе смотрел Катенин на эту мадам, уплетающую пирожные. По-мужски смотрел.

Имя ее Потемкин запомнил, но выяснить — дело незамысловатой техники. Через два коротких разговора он уже знал всю милютинскую подноготную.

И про попытку самоубийства, и про преступное невмешательство при самоубийстве мужа... Причем никаких подозрений своими расспросами он не вызвал ни у главного редактора, ни у его заместительницы, которые вводили его в курс газетного дела.

Конечно, пресса — тоже бизнес, но все-таки совершенно новый для Потемкина. Пришлось осваивать. Ведь он сам придумал и сам вызвался проверить многоходовую комбинацию. Надежный человек ему пообещал — если все получится как надо, — похлопотать насчет очень и очень престижной госслужбы.

В чем суть аферы? Без непопулярных мер страну не удержать — Союз распался, теперь может и Россия... Чтобы удержать, необходима сильная власть. Сразу ее в одних руках не сосредоточить — закричат: «Караул, диктатура!» Ор начнется и естественный, и купленный. Так вот, чтобы у власти от него не лопнули барабанные перепонки, решили попытаться, в частности, сократить число нелояльных средств массовой информации, заложниц собственного имиджа. Федоркину газету выбрали в качестве испытательного полигона. Посмотреть, как пойдет...

Пока все шло по плану. Правда, Федорку занесло, и он на первой же пресс-конференции завел привычную ему мелодию, которая, как удачный шлягер, всегда пользовалась успехом. О преследовании за оппозиционные взгляды стал разглагольствовать. Потем-

кин уже рот раскрыл, чтобы вмешаться, но сообразил: наши люди никогда не верят тому, что вслух говорится. Пусть пташечка поет... Если само не всплывет, то без проблем известим кого надо, за какую сумму главный редактор уступил свое якобы любимое детище. И новый начальник лениво откинул назад голову, зевнув якобы от скуки.

...Первый деловой вопрос: что делать с сотрудниками? Конечно, можно было бы оставить прежний коллектив — вполне способен он продержаться на плаву четыре предвыборных месяца, — но тогда кто-нибудь да догадается, что политическая агитация, ради которой по неофициальной версии сменили собственника, — тоже камуфляж. Прошло время, когда от прессы хоть как-то зависело, кого выберут. Не только производственные технологии не стоят на месте.

В общем, для большего реализма, для придания правдоподобия задуманной комбинации придется пошерстить народ.

Чтобы не посвящать в свои планы нового главного редактора (марионетку на солидненький долларовый оклад подобрали не менее именитую, чем Федорка), Потемкин сам занялся кадровыми перестановками.

Милютину не стал вызывать в клетушку, в которой разместился ради конспирации своей реальной власти. Решил подкараулить ее в естественной обстановке, чтобы во время разговора лучше прощупать,

можно ли через нее хоть как-то контролировать Катенина. Поговорить получилось только на следующей неделе.

Потемкин уже заканчивал обедать и, озираясь по сторонам, наткнулся на счастливую блуждающую улыбку. Милютина сидела за угловым столиком со стаканом желто-красного сока и смотрела в никуда. Он взял свою чашку и подошел к ней:

— Разрешите?

А Маша как раз оторвалась от компьютера, за которым все равно никак не могла сосредоточиться, чтобы закончить утомившую ее статью. Все в мечты свои улетала. Представляла, что как только Нинины сороковины минуют, то есть вот-вот, она будет жить вместе с Катениным.

Он об этом пока не говорит, но ведь и так понятно... И билеты попросил ему купить, и проводить в Питер разрешил, и обрадовался, что она ему носки связала... Захочет — она бросит эту газетку и будет самой лучшей в мире домохозяйкой. У нее получится. И еще она была готова служить ему безымянным партнером-советчиком, и главное: она же понимает, что надо дать ему полную свободу. Безо всяких условий и по собственному ее почину. Пусть у него кто угодно будет, хоть эта писательница, хоть более молодое женское тело, пусть хоть на сколько уезжает, главное — знать, что он вернется, что ты его не потеряешь. Чтобы частица его надежно принадлежала те-

бе. Только часть, а весь он так велик, что полностью никому не может отдаться.

Как и она, Маша...

Таблетки-то она не выбросила...

Вот на этом, не самом лучшем месте Машиных грез и появился Потемкин. Она хмуро кивнула, мол, не могу помешать, садитесь, раз приспичило, залпом допила горьковатый грейпфрутовый сок, промокнула губы и резко встала.

— Оставайтесь, пожалуйста. — Из трех свободных стульев Потемкин выбрал тот, что напротив Машиного.

Он сел, а она продолжала стоять.

— Извините, я забыл представиться, — несуетливо добавил он, назвал свое полное имя и стал наблюдать, не изменится ли ее поведение. Жаль будет, если она — как все — оробеет перед начальником. Или засуетится.

— Мария Милютина, — только и сказала она в ответ. Не напонила, что они встречались. И снова не опустилась на стул.

— У меня к вам предложение, Мария Милютина, — дружелюбно улыбнулся Потемкин. — Деловое. Может, все же присядете? Уважите старика?

Маша окончательно вернулась из грез в реальность и опустилась на стул. Никакие предложения ей сейчас не нужны. Кроме единственного, катенинского. Но кто знает, может, его придется еще подождать,

так что пусть говорит старый обманщик. И еще мелькнуло: только тот, кто сам независим, может дать свободу любимому человеку. И отцу-матери, и сыну-дочери, и мужчине-женщине. Очень кстати может быть сейчас эта передышка.

— Предлагаю вам возглавить отдел «Общество». Зарплата в полтора раза больше, ну и мозги свои сможете наконец применить.

Потемкин говорил медленно, чтобы успеть понаблюдать за Машей. Никакой реакции. Если не холодное, то уж точно не теплое молчание. Умеет держать паузу. Молодец! С такой можно иметь дело. Надо проверить только, стоит ли... Сможет ли она достаточно близко подобраться к Катенину?

— И чтобы вам понятно было направление... — Соблазнитель понизил голос почти до шепота: из инстинктивной осторожности он обычно старался не называть вслух ничьи имена. — Оптимально, чтобы Катенин вел у вас колонку. Вряд ли он согласится, конечно... Тогда хотя бы пусть интервью даст...

Потемкин не упустил, отметил, что зеленоватые глаза Маши блеснули и поголубели. И опять молчит. Значит, там что-то глубокое. С первого раза попал куда надо, похвалил он себя.

— Прежний заводелом сам назвал ваше имя, — еще и слукавил он. Абсолютно безопасная ложь — такие рекомендации никто не проверяет. — Его сманили банкиры. Не на чужое место приглашаю. Так как, согласны?

— Присутствие Катенина на полосе — это ваше условие?

Потемкин услышал в Машинном вопросе знакомые охотничьи нотки. Это был вопрос разведчика, а не торговца. Неопытного. Профессионал бы подождал ответной реплики, но любительница сразу выложила свои карты. И подглядывать не пришлось. Он скосил глаза на ее грудь. Молча, как будто знал, что она и так ему все выложит.

— Во-первых, я за Катенина никогда не возьмусь отвечать, — назидательно, как учительница, объяснила Маша. — А спросить его сейчас не могу — он только через три дня вернется из Питера.

Да потому и нужен соглядатай, что такими, как Катенин, не получается манипулировать. Даже у сверхопытного кукловода случаются проколы. Можно только опередить его и первым нанести смертельный удар, когда они сойдутся один на один.

— Что вы, Мария, какие условия! Катенин — это так, только для ориентира... Ну, вы понимаете. У нас с ним общая стратегия... — Потемкин расслабился и чуть было не начал вещать, то есть вешать на уши готовую лапшу из высокопарных слов, но вовремя остановился. — Так я распоряджусь, а теперь — за работу!

Он дождался, пока встанет Маша, первым протянул ей руку, и когда она в ответ дала свою, не пожал ее, а наклонился и поцеловал гладкую, приятно пахнущую кожу. Как женщине, а не как подчиненной.

НЕТ АЗАРТА

На кладбище он пришел первым. Раньше дочери и сына. Жenu похоронили не так уж далеко от их дачи. Километра три, не больше, если через поле пройти.

Поспешил, чтобы наедине поговорить с Ниной. Услышит ли она? Теперь верил, что да. Стыдно было, что он посмеивался в душе над этими обычаями — девять дней, сорок... Именно за сорок дней до него дошло: он такой же дурак, как большинство мужчин. Не понимал, что любовь и преданность женщины — это не только охотничья цель. Это редкая ценность, которую страшно, больно вот так неожиданно потерять. Господи, гордился, что не стал менять жен как перчатки. Как делали другие. С одной, мол, гораздо удобнее... Да не его, а покойницы заслуга, что он не потратил время и силы на бессмысленную брачную чехарду.

— Прости меня, Нина! Прости! Ни-и-и-на! — почти завыл Катенин, обняв руками высокую железную ограду. Распял себя.

Ничего он выяснить не смог. Расследование ни к чему не привело. Последний звонок жене был из автомата в районе Кузнецкого моста. Поехал туда, нашел будку. Ну и что? Что дальше? Тупик. Наверное, кто-то ей угрожал... Кто? При всей его осторожности, предусмотрительности пару кандидатов на эту киношную роль можно найти, но ведь ничего же не докажешь...

Вендетту устраивать?

У него нет на это азарта.

Вообще в последнее время все стало как-то безразлично... Пару раз утром, когда нюх еще не замылен дневной рутинной, ощущал, что убийство жены — это только сигнал, что над ним самим нависла опасность.

Раньше бы встал в стойку. Не оборонительную — нападающую. Теперь не то...

Апатия сковала все двигательные силы.

Голова, правда, еще работала. Но как-то очень глобально... Вчуже даже сравнил себя с Кировым. Тот тоже, по всем данным, умел добывать из жизни радости. Балерины, пикники, народный любимец...

Сталин Кирова убил в коридорчике...

Дурацкая версия. Просто всякий баловень судьбы, уверенный, что он держит бога за бороду, теряет осторожность и одну за другой рвет невидимые нити, которые привязывают его к грешной земле. В случае с Кировым — это его дружба со Сталиным, которую он напряг своей популярностью до предела. Провидение вложило карающий меч в руки ревнивого мужа одной из его многочисленных любовниц. Секретарши по имени Мильда. Тут, конечно, не только в ревности дело. Николаев, как Раскольников какой-нибудь, был в угол загнан и искал выход. Убийство другого — какая распространная иллюзия решения своих проблем. Заставили его признаться в заговоре, придумали за него и план, и сообщников. А потом расстреляли вместе с им же преданными зинovieвцами.

Сталин, может, и правда боль испытал, как нормальный человек, но мгновенно собрался и использовал инъекцию горя для расправы со своими врагами. Труп Кирова на него хорошо поработал... Мертвый друг помог не меньше, а даже больше, чем живой.

Черт, а ведь он, Катенин, тоже по-своему баловень судьбы... Где-то ходит и его Николаев?

— Дедушка, ты почему нас не дождал? Мама волновалась. — Внучка потерялась щекой о спину Катенина, потом обхватила его за талию и развернула к себе лицом. — Ты что, плакал?

— Да, дорогая. И старые тоже плачут, — признался Катенин и, почти оторвав от себя девочку, быстрым шагом направился к дочкиному «мерседесу».

...После недлинного поминального застолья он вышел в сад. Походил, посмотрел в вечеряющее небо, на котором уже начинал проступать диск полной луны.

Петр, Нина...

Кто следующий?

И, чтобы снова не завывать, всем телом прижался к молодой яблоне. Нина посадила ее прошлой весной. Еще шутила, что теперь просто обязана дожить до тех пор, когда она начнет плодоносить. Будто деток хотела дожидаться.

Не получилось.

И виноват он.

Только он.

ЛИБО — ЛИБО

Маша не стала ни темнить, ни хитрить, чтобы склонить Катенина к сотрудничеству. Поняла сразу: как бы помпезно ни называлась ее новая должность, все равно не с ней будет это взаимодействие. Поэтому честно, слово в слово передала ему потемкинское предложение. Постаралась пересказать как можно более нейтрально, чтобы своим давлением не спровоцировать Катенина ни на отказ, ни на согласие.

Зря напрягалась. Он спокойно выслушал ее и сразу заговорил о другом, не имеющем никакого отношения ни к его, ни к Машинной работе. Как все чаще делал в последнее время. Будто играл в «да и нет не говорите»...

Результатом было то, что за четыре месяца в газете не появилось ни строчки, подписанной его именем. Он даже отказался наговорить по телефону поздравление ко дню рождения Потемкина. Просила его об этом не сама Маша, а ее подчиненная. Объяснил, что именинник достаточно умен. Поймет и не обидится.

А Маша уже начала дорожить своим местом: и писать ей нравилось, и материалы организовывать, и даже вникать в самые разные мелочи, сопутствующие ее званию хоть и небольшого, но руководителя. Из всех сил старалась. И начала бояться его потерять. Прямо нервничала, все время дергалась оттого, что не выполнила главное условие Потемкина. Не сумела привлечь Катенина.

И поэтому когда шеф как бы невзначай присоединялся к какой-нибудь ее трапезе — короткому кофепиту, недлинному обеду, или когда она просто передохнуть в коридор выходила, то есть в неформальной обстановке, она всегда сама упоминала про Катенина. Все, что знала, незаметно для себя и выкладывала.

— Как теперь опасно частника на улице брать, — говорила Маша, довольная, что есть, есть у нее новая информация.

Кофе остывал, но она этого не замечала. Она старалась поймать взгляд Потемкина и прочитать в нем одобрение. При виде начальника губы ее теперь сами расплывались в улыбке. Угодливой, искательной, ей самой неприятной. Презирала себя, а тараторила.

— Катенин к себе на дачу ехал. А он к кому попало не сядет. Так вот вполне приличного вида водитель, в очках, в рубашке глаженной, завез его в лес и там обобрал. Явно для видимости бумажник вытащил: Катенин никогда с собой крупных сумм не носит. Кто-то хотел его припугнуть. Не получилось! — Маша засияла, как будто катенинская смелость была и ее заслугой. — Он сперва собирался продать машину, которую водила его жена, а после этого случая решил сам за руль сесть.

— Вот молодчина! Настоящий русский мужик! А как вы думаете, кто ему черную метку послал? — Потемкин уже с ней не церемонился. Опытный

взгляд кадровика видел, что она попала под гипноз его власти и не очнется, пока он сам не захочет.

— Я не знаю, — растерялась Маша. — У Катенина, как мне показалось, есть подозрения, но он мне никаких имен не назвал. Я у него спрошу.

— Это не обязательно. Главное, что все обошлось. — Потемкин встал, не торопясь задвинул стул под стол, за которым они сидели, потом поймал Машин взгляд и добавил: — Пока обошлось. — Постарался, чтобы в его голосе прозвучала угроза и чтобы подчиненная ее расслышала и протранслировала противнику.

И опять своего добился. Маша, как невольный разносчик инфекции, весь разговор передала Катенину. Из своего кабинета сразу судорожно и позвонила. На автоответчик напоролась. Повесила трубку, в уме текст сочинила, потом записала его, отредактировала, чтобы внятно получилось и не слишком длинно. Чтобы пленки хватило. И только потом, выпив воды, — надо было хоть немного успокоиться, — снова набрала его номер и как можно нейтральнее прочитала заготовку.

Сама бы себе не смогла объяснить, зачем потом в клочки изорвала листок бумаги и еще сожгла его в пепельнице, которую держала для гостей. Как улику уничтожила.

Катенин не отзвонил ни в этот день, ни на следующий... Это было даже оскорбительно. Только от По-

темкина Маша узнала, что он, по-видимому, прочитал ее сообщение и еще пуще попер на рожон. И узнала-то случайно.

Через неделю после думских выборов пришлось идти к начальнику. Коллеги ее делегировали. Из-за слуха, что их газета закрывается. Как и предсказывал Катенин.

Не хотелось идти. И не надо было?

Робко, стесняясь своей неуверенности, Маша остановилась на пороге потемкинского кабинета. Хозяин говорил по телефону и никакого знака ей не сделал. Уйти или остаться? Сесть или стоя подождать? Ясно было, что на вторую попытку ее не хватит. Осталась стоять.

Потемкин тем временем попрощался с собеседником, правой рукой нажал рычаг и стал по памяти набирать другой номер, а левую с трубкой продолжал держать у своего уха.

— Ну, что еще у тебя? — строго, но не раздраженно спросил он, задерживая палец на последней кнопке.

Неожиданное «ты» совсем прибило Машу, и она оцепенела. Губы пересохли, а стоило им сомкнуться, как они прилипали друг к другу. Осипшим голосом, путаясь в падежных согласованиях, она все-таки выдала из себя несколько вопросов. Насчет слухов.

— Газету я закрываю. — Потемкин нажал на рычаг телефона, но трубку не положил. И дальше говорил

в нее как в микрофон. Не глядя на Машу. — Ты, наверное, уже поняла, что журналистика меня не интересует. И у тебя теперь выбор невелик. Либо остановишь Катенина, либо с профессией попрощайся. Я уж позабочусь, чтобы тебя и в самую поганую районную многотиражку не взяли. — Потемкин помолчал, потом как бы вынужденно добавил: — А жаль, ты человек талантливый... — И снова принялся играть на телефонных клавишах.

Не заходя к себе в отдел, Маша выскочила на улицу и там по мобильнику позвонила Катенину. Перетерпела и длинные безответные гудки, и голос сына на автоответчике выслушала до конца, и свое «алло» послала. И была награждена. Он поднял трубку. На свой московский перевалочный пункт опять не позвал, но в кафе поужинать согласился. Часа через три, когда он сделает неотложные звонки.

Маша помчалась домой, чтобы подготовиться. Собираясь на свидание, она подумала-подумала, и решила не брать с собой новогодний подарок. Голубую рубашку и галстук с синими прожилками на сером фоне приготовила заранее. В парижской командировке купила. Под его твидовый пиджак.

Зачем торопить события... А если он захочет вместе с ней новый год встречать? Это бы все изменило...

И про то, что газету закрыли и она теперь без работы, — про это тоже решила ничего Катенину не гово-

рить. Вдруг он все-таки предложит жить вместе... Тогда зачем ей служба? Гораздо больше пользы, если она всегда будет у него под рукой.

Да и надоело бегать. Не девочка уже. Хоть никто не дает ей больше тридцати с маленьким хвостиком, а все равно... Престарелая журналистка — это явная неудачница. Не идет зрелой даме такая легкомысленная профессия...

Платье новое надела, оранжевое, а помаду к нему подобрать никак не получалось. Куда делся золотой тюбик? В комодке порылась, искала на подносе, который стоит в ванной на стиральной машине... Нигде нет. Наконец вытряхнула на кровать содержимое из среднего отделения кожаной сумки, где хранила дорожный запас косметики и других подручных женских средств. Есть!

Вместе с безделушками выпал и скомканный бумажный платок. Понесла его на кухню, выбрасывать, но по дороге автоматически развернула: проверить, не записан ли там нужный телефонный номер. Никак не могла заставить себя всю информацию сразу занести в ежедневник.

Не цифры там были, а таблетки. Вернулась в комнату. Не думая ни о чем конкретном, вернула комочек в сумку, в маленькое отделение, и застегнула за ним молнию.

УБИТЬ?

Никогда раньше Катенин не нарушал свое правило, которое он открыл еще в молодости: не поддавайся на нажим женщины. Никогда. Но сейчас он нажима особого не почувствовал, да и сил сопротивляться не было.

Апатия... Рановато... Обычно что-то такое накатывало иногда в самом конце зимы, и тогда жена отправляла его куда-нибудь на солнце, подзарядиться. Теперь даже подумать об отъезде он не мог. Выбирать, куда ехать, в турагентство тащиться, вещи собирать... Столько хлопот... И с дачи-то в город вытягивали только уж очень срочные, спешные дела, которые никак нельзя дальше откладывать, а уж в «Домодедове» или «Шереметьеве» томиться, дожидаясь посадки... Нет, увольте...

Двадцать первого декабря он рано утром приехал в Москву, не собираясь там ночевать. Сам себя обязал проголосовать на собрании акционеров, чтобы маленький, как будто ничего не решающий пакет акций под шумок рождественских праздников не продали подставной компании, за которой скрывается Потемкин и его шайка. Тогда полный контроль будет в одних, не самых чистых руках. И гибель жены и все его прежнее сопротивление окажется бессмысленным.

Не опоздал, бросил весомый черный шар. Отклонили продажу. Маленькое, а торжество.

Хотя Катенин и не боялся поражений, отлично зная (шахматист все-таки!), что только они и выковыывают настоящих бойцов, но чем старше становился, тем больше кайфовал от реальных, осязаемых побед. Ведь никому не дано знать, когда тебя застигнет последний час... Есть, есть вероятность, что последним будет именно поражение...

Итак, на промежуточном этапе — успех. Ну, тогда можно и в городе задержаться, не сразу в берлогу залегать. Пешком по морозцу Катенин дошел до своего дворика. Медленно брел, разглядывая лица, осанки идущих, спешащих женщин. Всех — и молодых, и старых. Чувствуя мужское внимание, некоторые оглядывались. Их взгляд, улыбка говорили: давай познакомимся... И ему приятно, и им. Открыл почтовый ящик — там явно кто-то покопался. На всякий случай заглянул в урну: однажды нашел там разорванный на кусочки шелковистый желтый конверт со своим именем и смятые газетные вырезки из французской «Ле Монд» с его собственным интервью. Видимо, местные хулиганы рассчитывали деньгами пожить. Бедняги...

На сей раз — пусто...

Дома Катенин не успел еще снять куртку, как зазвонил телефон. Он вошел в комнату, подождал, пока включится автоответчик, и только услышав Машино «алло», взял трубку.

Хочет повидаться. Ладно, почему бы и нет.

Не здесь, конечно. На нейтральной территории. Дома ты уязвим. Дома надо тратить силы на то, чтобы стенку поставить. Женщин иногда заносит. А потом они же чувствуют себя оскорбленными. Катенин, конечно, умел, не унижая, уклоняться от женской настойчивости, но сейчас не время для этой забавной игры.

Может, Маша и выведет его из ступора... Раньше у нее это получалось...

Она пришла с мороза, покрасневшаяся. Красивая... Вес начала набирать... Это было очень хорошо видно, когда она скинула дубленку ему на руки и осталась в ярком облегающем платье.

Катенин про себя весело ухмыльнулся. Может, и зря не назначил встречу дома. Кто его знает, аппетит приходит во время еды... Но и это его совсем не огорчило. Аппетит этот надо еще нагулять.

— Я пока только чаю выпью. — Он не стал дожидаться, пока им подадут меню. — А ты можешь заказать все что хочешь.

— Я как ты, — стандартно ответила Маша.

Если бы не моральная анестезия, которую обеспечивает любой успех, и если бы не усталость, которая накатила на него после гибели жены, насторожился бы непременно: почему это Маша, обычно такая словоохотливая, в молчунью превратилась? Похоже, чем-то или кем-то напугана... Да нет, всего-навсего

обижена на то, что он ей сам не звонит... Конечно, можно бы точно выяснить, но для этого напрягаться опять надо. Нет, не сейчас!

— Давай-ка шампанского закажем. Новый год надо же отметить... — придумал Катенин.

— Сейчас?! — Машины глаза мгновенно наполнились слезами. Как глубокие голубые озера стали.

Катенин чуть не утонул в них.

Он было даже размяк, ведь беззащитность — самое надежное женское оружие, но все же присмотрелся. В этом еще не расплескавшемся водоеме мелькали маленькие зеленые льдинки. Острые, как заточенный клинок. Злые... Нет, эта за себя постоит. С ней можно не церемониться, не подслащать пилюлю. Выдержит.

(Эх! Самонадеянные мужчины...)

Приветливая официантка поставила перед ним тяжелую бутылку крымского брютa. Он постучал пальцами по холодному стеклянному боку и откинулся на стуле, дожидаясь, когда стянутая проволокой в талии пробка чмокнет в ловких и сильных руках профессионалки. Побалагурил с ней, сам разлил шампанское по бокалам и только тогда ответил на Машино удивление-обиду. Правильно понял, что она спрашивает не только о том, встретятся ли они еще раз в этом году, но и насчет будущего волнуется. Незамысловатый подтекст разгадал без усилия и, чокаясь с ней, честно ответил:

— Мы можем быть только друзьями.

Произнося это, Катенин постарался согнать со своих губ равнодушную улыбку. Знал, что Маше больно слышать его приговор, но в душе похвалил себя за отвагу. Мужчины редко вот так говорят. Без обиняков, подающих надежду. Тем более что словцо это, «друг», не исключало для него возврата к интимности. Всякое бывало. Случалось, что через пяток лет совершенно отдельной жизни, без встреч, без разговоров, вдруг опять притягивало его к знакомому женскому телу. Поэтому он никогда не загадывал наперед.

Уверен был только в одном — в том, что сейчас выполняет просьбу жены.

Давно, лет пять тому назад — Нина, как большинство людей, и не задумывалась еще о том, что жизнь конечна, — она вдруг ни с того ни с сего обняла его со спины, вжалась своей уже не упругой грудью, и прошелестела на ухо: «Когда я умру, не женись, пожалуйста». Тогда это было всего лишь очередным признанием в любви — она редко произносила это слово, почти каждый день находя другие способы известить мужа о своем свежем чувстве. Он ей ничего не ответил, промолчал.

Но теперь... Теперь у него остался всего один способ послать ей знак. Он должен, и он хочет выполнить ее просьбу.

Катенин и не заметил, что произнося свое «мы можем быть только друзьями» так, чтобы услышала и же-

на, сделал слишком сильное ударение на «мы». Со стороны (с Машиной стороны) можно было понять, что именно с Машей он не хочет (или не может — никакой разницы для нее тут нет...) быть вместе.

«А она у меня молодец! Какая выдержка», — подумал Катенин, когда Маша залпом выпила свой бокал и после этого не принялась, как все пьяненькие женщины, приставать к нему с объяснениями. Совладала со своими чувствами.

Жизнь покажет, что с нами будет дальше, подумал Катенин и заказал обоим по порции семги с картошкой.

— Гарнир не ешь, подозрительно сладкий, — посоветовал он Маше, на всякий случай поднося к носу вилку с напяленной на нее картофелиной. — Да, гнильцой отдает. Сразу вспоминается поле, на котором я очнулся после аварии...

Они еще целый час возбужденно проговорили о постороннем для Маши. О политической борьбе. Для Катенина это была напряженная партия, в которой королю, то есть президенту, все время фартит. Противники один за другим делают выгодные ему ходы. И террористы, и американский президент, и даже внутренняя оппозиция машут оружием в том месте и в тот момент, когда он начеку и готов не только отбить нападение, но и использовать сражение в своих интересах. Везунчик и мудрец одновременно. Как художник в любом портрете рисует свои черты,

так и Катенин, не замечая того, подставлял себя на место главной фигуры.

— И почему же ты в большую, публичную политику не пошел? Ты бы, может, сейчас был уже президентом... — не сдержавшись, сердито огрызнулась Маша.

— Я увлекаюсь и забываю контролировать тылы. Да и честолюбия не хватает. — Примирительной улыбкой Катенин дал понять, что Машина стрела пролетела мимо. Не участвует он в карьерной гонке, поэтому не может считаться поражением то, что он не взобрался на верхнюю ступень пьедестала политического почета. — Мне вполне достаточно того, что есть. Вот вчера включили в совет директоров Интернаца.

— Да?! — Маша аж сжалась. Шанс появился. Еще один шанс. — А меня туда сватали на место пресс-секретаря, но баба одна, бывшая деканша из МГИМО, рогом уперлась. Так и сказала Нелепину: «Милютину даже не предлагайте». А мы с ней почти незнакомы. Не понимаю, почему... За что меня бабы так ненавидят.

— Не тебя лично они не любят, они просто на дальних подступах отстреливают соперниц.

Катенин говорил как-то абстрактно, оскорбительно безучастно. Как будто не только понимал, но и оправдывал резоны этой деканши. Нисколько не соперживая Маше. Ему вроде бы и в голову не приходило, что он может ей помочь.

Маша-то считала, что обязан помочь. Хотя бы потому, что другом назвал.

— Значит, тебя не берут, — подытожил Катенин. Как будто объявил результат чужой шахматной партии — так равнодушно это сказал. — Ну, нам, пожалуй, пора. Давай-ка шампанское допьем. Ты разливай, а я отлучусь на минуту...

Оставил свою рюмку без присмотра.

Маша проводила вдруг уставшего, хромящего Катенина до Казанского вокзала... Дождалась нужной электрички... Поддерживая под руку, завела в вагон, достала из его пакета специальную шерстяную подстилку — чтобы от холодного сиденья не заныли почки — и крепко прижалась, целуя в губы. Чтобы навсегда запомнить его живое тело, его вкус, его запах...

Вся ее ненависть куда-то исчезла.

Одна любовь осталась.

А Катенину почему-то ужасно хотелось спать, но он все же успел почувствовать, что в нем проснулся мужской аппетит.

Как только поезд тронулся и отъехала Машина ладошка, посылающая воздушные поцелуи, он закрыл глаза. Его будто столкнули в пропасть сна. Но это падение было таким мгновенным, что не успело согнать с его губ счастливую, довольную улыбку.

ЭПИЛОГ

От станции быстрее было бы по короткой дороге, задами чужих дач, но Нелепин пошел другим путем — тропинкой, что огибает единственное в округе пшеничное поле. Пусть дольше, зато красиво. Черт, если и этот участок застроят, придется отсюда сматываться. Зачем ему второе почти что городское жилище... В мегаполисе набегают друг на друга не только люди, машины, но и, как теперь в Подмосковье, — дома. А в тесноте, суете и спешке приходят короткие, ординарные мысли...

Нелепин никогда не назначал два дела на один день, никогда не ел на скорую руку, предпочитая потерпеть, но не утолять чем попало свое холеное чувство голода. И с едой, и со временем у него были скорее эстетические отношения, чем потребительские.

И правда, куда торопиться? Все мы умрем...

Вот-вот, уже всякая банальность лезет в голову... А бедная Машка, ей-то каково... Надо ей менять место проживания! Ему одного раза хватило, чтобы почувствовать нервное напряжение в ее совсем нетесной хате. Еще бы! Впритык поставили небоскреб. Машкина семнадцатипэтажка рядом с ним смотрится как обреченный пенек. Недавно заселенная махина постоянно — и утром, и днем, и ночью — глядит в ее окно. Так и кажется, что выслеживает, когда наконец можно будет потеснить, схрумкать слабого конкурента. Тоже торопится...

Нелепин поднялся на пригорок, с которого можно было взглядом объять все поле, похожее на живое, бесцеремонное море. Особенно сейчас, когда зреющие колосья, как волны, покачивались от легкого восточного бриза.

В глаза било яркое солнце, лениво подбирающееся к зениту, поэтому он был в темных очках. Издалека показалось, что на всю неохватную ширь этого поля-моря накинута покрывало какого-то необычного, неожиданного цвета. Оптический обман?

Сбегая вприпрыжку с холма, он сорвал темную плену с глаз и присмотрелся. Хилые, невысокие пшеничные злаки были забиты сочными, крепкими васьилками. Здрасьте! Откуда повылезали, нувориши?

Дыхание сперло от восторга перед их наглой силой.

Теперешняя жизнь — это не вишневый сад, это васьилковое поле!

У самого горизонта синева цветов сливалась с синевой неба, и казалось, что ты вдруг вырвался в космос, что ты один владеешь этим огромным безлюдным миром.

Именно ради этого захватывающего чувства свободы Нелепин почти год прожил у тибетских монахов, ради него он пробовал травку, ради него садился за компьютер, его он сумел добыть, сливаясь с Машей...

Ни к кому и ни к чему не привязываясь. И к себе не приручая.

Алгоритм сам вычислил: каждое удовольствие должно быть отдельно. Секс — одно, поговорить — другое.

До Маши такую арифметику женщины выдерживали недолго. Два-три свидания, и каждая по-своему начала пытаться умножить одно на другое, добавить к ним назойливую заботу, чтобы потом уже приступить к алгебраическим операциям... Извлекать выгоду из своих трудов... Под прикрытием любви-страсти — якобы первой и единственной, на всю оставшуюся жизнь.

Не пускал Нелепин женщин в свой мир стерильно чистой высшей политической математики. Человечность всякая эту бесконечность только загрязняла. Сочувствие другим людям веригами висит на безбашенной личности, мешает ей подниматься в космос.

Минут десять он еще постоял у кромки василькового поля, прислушиваясь к себе. Не возникнет ли какое новое чувство, ощущение? И вдруг понял, что ему больше не хочется быть одному.

Высокое, почти болконское небо, солнце... Слышно даже, как земля пахнет. То и дело натыкаешься на прогретую струю воздуха, которая словно оптическая линза укрупняет черты и без того великолепной действительности. Ясный день. Самый длинный в году...

Кто не испортит, не отравит терпкий, выдержанный букет так любимого им одиночества?

Как у большинства зрелых и не обязательно неженатых мужчин, у Нелепина был, конечно, в памяти и в записнухе список телефонов, отвечающих женскими голосами, готовыми на все, но сейчас ему подходила только одна дама. Только Маша.

Из заднего кармана джинсов он достал тонкую дощечку — совсем недавно сменил старый «сименс» на последнюю, самую легкую модель. Никому не давал номер мобильного, чтобы ни у кого не быть на привязи. Никогда не носил его включенным, чтобы пореже заряжать батарейку. Вовремя пополнял счет. И все только для того, чтобы никак не ограничивать свои желания — звонить хоть откуда, хоть куда и хоть когда. Чтобы не приручаться и самому не стать прирученным...

Ответа пришлось подождать. Только через тринадцать гудков раздалось Машкино фирменное «алло». Ничего, что чертова дюжина. Он без предрассудков. Могло быть хуже. Терпеть не мог механический голос, безразличный к твоим желаниям: «Абонент временно недоступен...»

— Ты где? — спросил он, не представившись. Из озорства проверял, не назовет ли она с разбегу какое-нибудь постороннее мужское имя.

— Я?.. — (Мгновение, всего одно мгновение понадобилось Машечке, чтобы опознать звонившего. Сообразилка работает!) — Я на кладбище.

— К месту преступления потянуло? — (Интересно, сколько она по мобильнику молчать может? Не баба, кремень.) — Ну не сердись, глупая шутка, — сам же и сдался Нелепин. — А на «после» есть какие-нибудь планы?

— Да вроде бы нет.

— Приедешь?

— Куда?

(Ни разу не заставила себя упрашивать. Ее «да» и «нет» окончательны. До чего же на его покойную мать похожа! Та уж если говорила «голову откручу», то буквально это и делала.)

— Я к даче подхожу.

— Придется меня подождать.

— Подождать-попередвкушать? Сколько угодно. Ничего нет приятнее.

Нелепин вернул в задний карман отключенную дощечку и пошел вперед. Уже не один.

С Машей.

Свободнее ее женщины ему не попадалось. С первого дня, как только познакомились, он чувствовал в ней этот полет. Хотя именно тогда в ней еще была какая-то зависимость. Свекровь, дети... Обычная история.

Пожалуй нет, не только обыденность. Машутка как будто хотела кому-то что-то доказать...

Но и это отлипло от нее.

Правда, не сразу... На полную волю она вырвалась в декабре, когда на новую работу перешла.

Нелепин остановился, снова надел очки и сквозь дрожащие струи горячего воздуха посмотрел солнцу в глаза. Мгновенно разомлел на припеке. Так расслабился, что лень стало передвигать ноги. Присел на корягу, руки за голову закинул, и в голове сразу возникла картинка.

Кладбище, на котором он сейчас Машутку застал. Сам он тогда в Париже был, поэтому все только с ее слов представлял.

Все? Что «все»?

...Не лето, зима. Катенина только что зарыли. На свежий холм, ровно обстуканный лопатами дорогостоящих могильщиков, навалены кучи цветов.

Отчего Катенин свое место другим уступил, про это она никогда не говорила. Может, и не знает? Да все равно. Ну выяснил бы причину его смерти — что толку... Разве можно судьбу изменить? Уж какой умный, смелый человек был... Словечко «боюсь» никогда не произносил, даже как вводное. Ни разу не сказал и не написал «боюсь, что это у меня... (или у вас) не получится». Только твердое «нет» и ответственное «да». Из-за этого и погиб?

Машутка в морг, на официальное прощание не поехала.

Почему? Любопытно...

Сам Нелепин терпеть не мог похоронный официоз. Особенно мерзко, когда пришедшие на панихиду начинают пиарить себя, стараясь попасть под телекамеру. Из-за такой суетливости у него появлялось раздражение, загрязняющее чистое чувство скорби...

Так была у Машани скорбь?

Она сразу на кладбище приехала. Такси отпустила. Одна-одинешенька в стороне стояла, пока родственники заслонялись от горя ритуальными хлопотами.

Одна и домой пошла. Медленно. Где метро? Не то настроение было, чтобы спрашивать.

«Черт! Эта походка ее!» — вслух пробормотал Нелепин и покрепче зажмурился, чтобы видение не исчезло. Как там дальше было?

Потемкин, только что в качестве свадебного, то есть похоронного генерала провозгласивший «скоропостижная смерть вырвала из наших рядов незаурядного...» — тоже обратил внимание на нашу паву. Ехал за ней от кладбищенских ворот метров сто, потом остановился, предложил подвезти. Слово за слово — и она из безработной превратилась в пресс-секретаря крепкого и крупного банка, совладельцем которого с нового года будет Потемкин.

И с детьми она сумела управиться. Ее проблемный сынок вырос наконец, и до него дошло, что быть «при» — жалкая роль. Сам догадался. Машка его не пилила. Теперь он большой компьютерный жук. С сестрой помирился, а когда та забеременела потенциальным племянником, то в день по несколько раз стал о ее здоровье справляться. Заботливый братец...

Опять эта чертова человечность... Ханжество одно. Каждый подножку подставит, каждый отравит, зарежет, в пропасть столкнет, если покажется, что убийством можно спасти свою жизнь. И правильно сделает. Есть только черное и белое, только жизнь и смерть.

ТЬфу ты, опять выпренняя банальность в голову лезет. Лучше так: есть только «стоит» или «не стоит»...

Нелепин вскочил с пня, почувствовав ненужный пока напярэг.

Подбегая к своей крепости, он снова оживил мобильник и позвонил на общий пульт, чтобы отключили сигнализацию.

В доме было прохладно.

Он спустился в погребок, раз, другой прошел вдоль ячеек с бутылками. Что выбрать? «Мутон-каде» Машкиного года рождения, пожалуй, подойдет. Открыл. Шумно втянул воздух вместе с ароматом, застрявшим в пробке. Ноздри вздрогнули. Отлично. Пусть вино постоит, подышит.

А он пока на полную громкость включил Прокофьева, «Ромео и Джульетту». В память о Катенине, любителе подобных мелодий. Музыка заполнила все поры его большого дома, даже в ванной было слышно, как страсти корежат человеческие жизни.

Вот что значит хорошие, да еще и правильно развешенные колонки.

Нелепин постоял под душем, растерся, надел свежие белые трусы, новую васильковую тишотку, с чашок посидел перед компьютером под нервозную тему Меркуцио — и не выдержал, налил себе бокал уже подшамбрированного вина, того самого, в котором так хорошо растворяются любые барбитураты...

владимир новиков

ЛЮБИТЬ!

роман

КАК Я ПИШУ

(несколько слов от автора)

«Что же ты так в девках засиделся?» — спросил знакомый писатель, когда я в 2000 году напечатал свою первую прозу — «Роман с языком».

Поначалу я не понял вопроса. Мне-то казалось, что с литературой у нас давно законный брак, что романом отмечена серебряная свадьба. Двадцать пять лет занимаясь критикой и литературоведением, не был одинок. В соавторстве с О. Новиковой выпустил книгу о В. Каверине, в соавторстве с Кавериним — книгу о Юрии Тынянове. Были еще «Книга о пародии», книга «Писатель Владимир Высоцкий», сборники злободневных статей и эссе «Диалог», «Заскок». Было ощущение диалога, взаимопонимания и с любителями веселого жанра, и с поклонниками великого барда. «Пишем для человека, а не для соседнего ученого», — как-то сказал нам с О. Новиковой девяностолетний Виктор Шкловский, и это совпало с нашей внутренней установкой.

Писать — значит говорить с людьми. Потому я всегда писал разговорно, и критика для меня тоже была сплошным романом с языком. И все же в настоящий брак с литературой вступаешь тогда, когда придумываешь персонажа и сочиняешь ему судьбу. Сразу после «Романа с языком» я написал книгу «Высоцкий» в серии «Жизнь замечательных людей», по-романному влезая во внутренний мир невыдуманного героя, проникаясь его языком и складом чувств. А потом снова потянуло выдумыв-

вать. На смену москвичу-филологу из «Романа с языком» явился петербуржец Петров: я словно увидел его на углу Гороховой и Фонтанки, а потом следовал за ним по пятам, наблюдая его амурные приключения и запоминая приметы его возлюбленных.

Мой тип героя — это человек, призванный прежде всего любить и быть рядом с женщиной, не чувствуя границы между собой и ею. Близнец по натуре. Статистически таких мужчин, наверное, не очень много, не они определяют процессы политики и бизнеса, но им открывается в жизни что-то важное и неведомое другим. Мир женщин. Особый космос. Влюбчивый Петров — не двойник автора. Может быть, чертеж авторской души — в квартете женских образов романа «Любить!» Четыре женщины — четыре стороны света...

«Роман с языком» продолжается теперь в периодике, где я беседую с читателями о русской речи, стараясь делать это легко и весело. Выпустил книжку «Словарь модных слов». Продолжаю писать научные статьи и книги, вместе с О. Новиковой ведем в прессе «Дневник двух писателей». И чувствую, что мой вечно влюбленный герой от меня не отстает, что он еще появится в других временах и пространствах.

СЛУШАЙ...

А может быть, «любовница» — это просто определенная степень родства? Из того же ряда понятие, что мать, сестра, жена, дочь, бабушка, тетушка, невестка, свояченица... Кто там еще?

Вроде бы уже тысячу лет мы с тобой не виделись. Несколько междугородных телефонных разговоров не в счет, на почтовую переписку у обоих нет ни сил, ни времени — такой беспощадной разлуки, такого реального разрыва не выдержат ни страсть, ни дружба, ни деловое сотрудничество. Только родственные узы могут уцелеть. Что-то типа этого нас связывает.

Иногда думаю: как было бы чудесно, если бы мы с тобой на самом деле оказались родственниками, не слишком близкими, но и не слишком далекими. Представляешь, живем в одном городе, встречаемся по семейным датам и новогодним праздникам. Ты, допустим, супруга двоюродного племянника или какая-нибудь сестра жены шурина.

Уже за день до свидания с тобой у меня поднимается настроение. В прихожей с легким трепетом снимаю с тебя длинное зеленое пальто, тянусь, чтобы породственному чмокнуть в щечку, а твои большие теплые губы поворачиваются — как бы случайно — не в ту сторону и встречаются с моими. Я всякий раз норовлю усесться рядом с тобой за столом и в меру скромных своих способностей блещу остроумием,

постепенно переходя к задушевым признаниям и жалобам. Ты сначала щедро хохочешь в ответ на незамысловатые шуточки, а потом твои серые в крапинку глаза наполняются влажным сочувствием, и, положив свою руку на мою, ты отводишь от меня все печали отчетного периода. Муж твой время от времени поглядывает на меня раздраженно, а моя Беатриса, уверен, ничего плохого не думает и даже рада, что нашел я родственную душу.

Так неспешно и ровно развиваются наши отношения. Лет через десять, на даче летом, изображая в темноте медленный танец или просто уединившись на террасе, мы наконец позволяем себе обняться как женщина и мужчина, моя рука гладит прохладную спину под легкой белой кофточкой, а потом осмелевает настолько, что впивается в уже отяжелевшую с годами нежную круглизу. «Юрочка, мы совсем с ума сошли», — негрубо урезонишь ты и меня, и себя. Тут кто-нибудь нарушит наш тет-а-тет, никаких глупостей не приключится, и со следующей встречи все опять начнется с нуля, но разговоры наши станут еще интимнее и доверительнее. Так наша близость ровным слоем размазывалась бы по жизни — твоей и моей, смягчая жесткую обыденность, делая ее добрее и вкуснее.

И не понадобились бы тогда все эти нервы, поезда, гостиницы, прогулки с неминуемыми прощаньями, стоны и слезы, угрызения и сожаления. Не пришлось

бы так мучительно вжиматься друг в друга, не должен был бы я напрягаться всеми глазами, губами и ноздрями, чтобы снять с тебя как можно более точную копию и потом с болью извлекать ее из тайника памяти и грустить, грустить... Вот такой ценой куплена эта моя с тобой непонятная, со всех точек зрения неправильная и ненужная, но такая физически ощутимая связь.

Время от времени дергаю протянутую между нами веревочку, чувствую натяжение на другом ее конце и — начинаю с тобой беседовать. Мысленно, конечно, но иногда вдруг и вслух что-то вырвется, особенно на ходу: «Да, это было потрясающе!» Или: «Ну зачем ты тогда это брякнула!» Или: «Как хорошо, что ты мне это успела сказать!» Сейчас такие разговоры не пугают других прохожих: они думают, что мужик просто надел на ухо динамик с микрофоном и соединил его при помощи проводка с мобильником, лежащим в кармане.

Воображаемые беседы переплелись, перепутались с реальными. Это, конечно, что-то типа сумасшествия. Вот уже больше года я рассказываю тебе обо всем, что со мной происходит, и придумываю твои ответные реплики.

Если мы все-таки еще встретимся... Очень может быть, что ты меня просто не поймешь. Я буду думать, что ты это знаешь, а для тебя окажутся в новинку какие-то истории, факты, подробности... Я стану нервно напоминать: ведь ты же сама мне говорила...

Вот какой сдвиг по фазе. Есть ты и ты. Первая «ты» — женщина очень близкая и обнаженная, целованная на протяжении нескольких сладко-мучительных месяцев прошлого года. Вторая «ты» — это дама далекая, одетая и целуемая мной уже целый год лишь в воображении.

Моя память и душа стремятся теперь соединить две женские фигурки. Хочешь не хочешь, а слушай, моя красавица! Слушай весь мой бред... Ведь и ты можешь в ответ грузить меня своими проблемами. А я всегда готов посочувствовать, да еще и мысленно поцеловать тебя... Не скажу куда.

Вечер. Возвращаюсь домой после напряжных переговоров с очередными партнерами на Выборгской стороне. Пешком. Вот уже и Литейный мост. Холодная Нева молчит, а я излагаю тебе и себе новую версию нашей с тобой первой встречи. Основательно так, со всей предысторией. Куда теперь спешить? Теперь уже медлить пора. Значит, так: июнь был, две тыщи хорошего года...

...Никуда я тогда ехать не собирался. Моя Беатриса сидела-лежала-ходила дома, лекции в университете уже кончились, и вся ее утренняя свежесть доставалась не студентам, а мне. Публичной жизнью она начинала жить часам к шести-семи и обыкновенно возвращалась домой на машине: то ее подвозил какой-нибудь участник философского вечера, то просто

частник. Я подолгу стаивал у окна нашего ампирного дома и высматривал, откуда появится ее экипаж — с Фонтанки или с Гороховой по Семеновскому мосту. Больше же всего мне нравилось, когда Бета опускалась до демократичного метро. Телефонная трель, а за ней еще более звонкий звук:

— Юрай, это я. Буду через двадцать пять минут на «Пушкинской». Не хочешь прогуляться?

Хочу я всегда. Мгновенно пролетаю маленький, «наш», отрезок Гороховой, здороваюсь на ходу с призраком Григория Распутина, обитающим вон в том доме с круглым эркером и купольной шапочкой над ним. Сворачиваю на Загородный. Здесь и просторнее, и светлее. Станция метро — вся обещание, вся ожидание. Раз — и выпустила из себя шустрый отряд городских муравьев. Они разбегаются в разные стороны, все одинаково сосредоточенны и дружно одеты в черно-серое. Никого здесь нет с пустыми руками: каждый тащит свою поклажу. Кто ростом повыше — тот сутулится, чтобы не выделяться из общей массы. Совершенно нелогичным кажется на таком фоне неспешное выплывание из подземного муравейника больших сверкающих глаз и стройного нежного тела, облаченного в длинное авангардное платье из ромбов и полос разных оттенков апельсинного цвета.

Вместе тот же коротенький путь мы проделываем в два раза медленнее. Гришка Распутин уже выключил свет и ушел спать — знает, что тут ему ничего не

обломится. Я спокоен, совершенно спокоен. Птиц мой рядом, никуда не улетел, весело щебечет о своих вечерних впечатлениях и чувствах. Бетина философская система «чистых сущностей» находит все больше сторонников — как в нашей стране, так и за ее пределами. Мир к концу минувшего века устал, поглупел, у большинства людей крыша поехала на фетишизации денег, власти и секса, хотя ни то, ни другое, ни третье сами по себе истинными ценностями не являются. Подумай об этом как-нибудь на досуге и на свежем воздухе. В споре с глобальным примитивным фетишизмом Беатриса с друзьями и выдвинула теорию «чистых сущностей». Назвали они это «духовным эссенциализмом».

Знаю, знаю, что ты не любительница мудреных слов, но это понятие и мы с тобой, в общем, способны уразуметь. Эссенцию знаешь? Уксусную, например? Физически это крепкий раствор летучего вещества. А поскольку всякая духовность и культура — вещи очень нестойкие и летучие, они только в крепких растворах и сохраняются. Некоторые западные «эссенциалисты» даже считают, что Россия при всех ее недугах — самая философская страна. Может быть, именно ей теперь стоит заново переиграть трагический сюжет двадцатого века и, не гонясь за наружно богатой Америкой, стать в будущем тысячелетии экспериментальной лабораторией по духовному освежению человечества...

Я кое-какие книжки тоже читал и знаю, что в нашей стране за такие размашистые идеи по головке никогда не гладили, а вот по шее давали — многим, и не раз. Потому, доставив мое сокровище до дому и закрыв дверь квартиры изнутри, спрашиваю с опаской:

— А не организуют ли вам снова, как тогда, в двадцать втором году, философский пароход и не турнут ли вашу чистую сущность куда подальше, по морям, по волнам?

— Тебя я все равно не брошу, — отвечает. — Устроишься матросом, а по ночам будешь приходить в мою каюту.

Да, разве что в матросы осталось податься. Первую мою профессию — техническую — жизнь, по сути дела, упразднила, вторую — как бы гуманитарную — еще не утвердила и вряд ли уже утвердит.

НАКАНУНЕ

Как раз накануне нашей с тобой первой встречи жизнь об этом мне напомнила. С присущим ей ехидством. Буквально за неделю рухнул мой внутренний рейтинг до нуля, до полного разочарования в себе и в человечестве. Я, кажется, тебе уже рассказывал, как в веселые времена, в конце восьмидесятых, завлекли меня креативные парни в Центр системного трудового стимулирования. Одна из тусовок, расплодившихся вокруг Собчака и его команды. Рассуждали мы тогда вроде бы по уму, толково: как обсчитать экономическую реформу. Денег настоящих в стране не было: рубли в сбербанках все равно пришлось бы аннулировать — будь на месте Ельцина с Гайдаром кто угодно. Хоть бы Брежнев еще десять лет протянул, хоть бы мы кого-нибудь из царственно грассирующих Романовых импортировали и на престол посадили. А что у нас было да и теперь еще — при всем идиотизме — есть? Природные ресурсы — раз, человеческие ресурсы — два. Может быть, даже человеческие на первом месте. Трудоголиков, как и лодырей, всегда меньшинство — точно так же, как чистых алкоголиков и чистых трезвенников. И не только у нас, но и везде, во всем мире. Большинство людей может работать, а может дурака валять — по обстоятельствам. И вся штука — в том, как эти обстоятельства структурировать.

Моделей мы напридумывали множество, используя методы математические, статистические, всякую там соционику, — красиво до ужаса! Только вот практического применения на государственном уровне — никакого. И стали мы для регионов разрабатывать модели динамизации трудовых ресурсов, по заказам продвинутых губернаторов. Может быть, теперь где-нибудь за Уралом или Байкалом что-то куда-то повернулось по нашим предначертаниям — не знаю: ездить туда не довелось, на командировки средств нет, да и зарплата, оставаясь в прежнем объеме, превратилась из нормальной в еле-еле удовлетворительную.

Выезды в Москву, правда, случаются. Для нашего брата ленинградца они всегда по кайфу и дают ощущение уверенности. Возвращаешься в свой «знакомый до слез» на один-два пункта выросшим и посolidневшим. Лично мне Москва больше всего нравится в момент, когда ее покидаю. Полночь близится, я шагаю, как по ковровой дорожке, по платформе Ленинградского вокзала вдоль вытянувшейся в северо-западную сторону «Стрелы» или «Авроры». Если вагон у меня в голове поезда, то по пути почти всегда успеваю заметить у входа в седьмой или шестой какое-нибудь всенародно известное пузо, принадлежащее, к примеру, артисту Винокуру — вечному телевизионному «Вовчику». И у меня в компании бывших одноклассников тоже были свои

Вовчик и Лёвчик, которые вполне могли дурными голосами орать про «соловьиную рощу», правда, после хорошего поддавона. Как они теперь? Давно не виделись...

Вагонное радио вдруг ни с того ни с сего начинает грозить, что «лица в нетрезвом состоянии» будут немедленно ссаживаться с поезда. Ну что за бред, блин! Совершенно же нормально, что многие приходят сюда под газом — после прощальной встречи с родными или после корпоративной вечеринки. Но ведь все пассажиры сразу на боковую: легли пьяными — встанут трезвыми. И за эту вагонную ночь они, между прочим, деньги платят, с каждым годом все большие. Могла бы эта чертова «естественная монополия» за такие бабки и поухаживать за утомленным пассажиром. Озвереешь, наблюдая уродливый синтез дикого капитализма и советской принудительной трезвости!

Только я на верхнюю полку полез, как из динамика тот же голос, но уже с достойной, благородной интонацией повествует о том, что в вагоне-ресторане имеется роскошный выбор блюд, а также напитков — «для тех, у кого есть голова на плечах». И ведь достает меня это приглашение: вот что значит позитивная мотивация в рекламе! Спускаюсь обратно, надеваю пиджак, проверяю наличие бумажника в кармане, головы на плечах — и в путь, через несколько вагонов. Довольно неразумно, конечно:

сто — сто пятьдесят граммов напитка в сочетании с минимальной закуской типа салатика обойдутся минимум в три сотни — на эту сумму можно было заранее две поллитры взять, колбаски, сырку и все купе напоить. Ну да ладно!

Сколько, однако, голов на плечах нашлось в этот поздний час! Совсем свободных столиков нет, пристаиваюсь тет-а-тет к сидящему у окна молодому менеджеру из нефтяной компании. Конечно, менеджеру, а что: разве бывают другие профессии у таких молодых-продвинутых? Правильный овал лица, очки в тонкой золоченой оправе, белая рубашка, диагонально-полосатый галстук (по всему видно, не единственный, выбранный из множества и завязанный сегодня утром), учтиво-приветливая улыбка — менеджер и есть. И где такому служить, кроме нефтяной компании? Что есть в экономике Российской Федерации, кроме торговли нефтью?

А вот в этом пункте я и ошибся как раз. Молодой человек, оказалось, работает в российско-немецком бюро по высоким технологиям, имея дело ровно с теми железками и проводками, которые я десять лет назад бездумно оставил. Я его ни о чем расспросить не успел, а он из меня за полчаса извлек всю информацию, включая телефонный номер, который я, надо сказать, даю теперь редко. Не потому, конечно, что себя уж такой значимой персоной считаю, а как раз наоборот: телефон запишут, а потом отсутствие

звонков каждый день будет намекать на твое не очень уютное место в нижней части социальной лестницы.

Через неделю звонок: «Здравствуйте, это Виталий. Мы с вами в поезде познакомились. Во-первых, я хотел бы вас пригласить на встречу и фуршет в “Прибалтийской”. Надеюсь, вам и вашей супруге, как философу, будет интересно пообщаться...»

Ничего себе! Значит, я тогда со ста пятидесяти граммов и про философа своего розовогрудого успел порассказать...

Ну, «во-первых» тогда оказалось неплохое: и вино было настоящее, и ярко-пестрая публика любопытная. А «во-вторых» — это вполне деловое предложение насчет одной разработки, причем желательно привлечь, говорит, инженеров-электронщиков со старым, советским опытом.

Тут я первым делом высвечиваю на экране памяти Вову Белова и Леву Краснова, верных товарищей моих — по Техноложке, по пьянкам-гулянкам и по романтическим нашим халтурам. Вспомните, ребята, как мы тогда засиживались до полуночи на закрытом объекте — улица Благодатная, неподалеку от «Электросилы». Контора секретная, халтура еще секретнее, вахтер не одну поллитру от нас имел, мы же сами — ни капли. Паяли заказное изделие, как простые радиомонтажники, но гордились тем, что в состоянии заработать по две сотни, превышающие месячный инженерский оклад. Да и не в деньгах одних дело бы-

ло. Вечер, тишина. Погружение, самосозерцание такое глубокое, именно что благодать сходила...

А теперь нам предлагают примерно то же самое, только оплата — в евро. Жаль, что не прежними голубыми немецкими бумажками с изображением распахнутого настешь рояля и пленительным портретом пианистки Клары Шуман. Но это можно пережить. Идѣт? («Идѣт» — было у нас такое компанейское словечко вместо «идет» — передразнивание иностранного акцента с замаскированным намеком на чей-то идиотизм.) Трудно теперь сказать, кто именно оказался неисправимым «идиѣтом», но сотрудничество наше российско-немецкое не состоялось. Из-за конфликта между русскими.

Оказалось, Вова слевой разругались в лоскуты и уже три-четыре года не контактируют. Услышав имя экс-друга, Краснов белеет от злобы, а Белов в аналогичной ситуации краснеет от негодования: «С ним — ни за что!»

А уж какая дружба у них была! Прочная, каменноостровская — дворовая, школьная и далее везде. Я ведь к ним как бы третьим присоединился, причем так и не был удостоен звания настоящего друга. Каюсь: бывало, что предавал я товарищей, сидя в «Норде» за кофе и пирожными с какой-нибудь улыбчивой дурочкой — вместо того чтобы честно расчерчивать преферансную пульку или млеть в банной парилке среди могучих мужских тел. «Проститутка Троцкий» — такое

прозвище было мне за это дано. Потом я женился, *очень* женился — в отличие от Вовы и Левы, которые всегда были женаты умеренно. Не в смысле каких-то там супружеских измен, конечно. Нет, просто для них место любой женщины, в том числе любимой, в том числе жены, — внизу. Понимаешь? А для меня наоборот. Так я постепенно выпадал, вылетал из своего мужского круга и даже распада его не заметил.

И что делать теперь? Виталий вместе с немцами готов был еще потерпеть, подождать новых вариантов, но зачем ему голову морочить? Кого я найду для партнерства? Человек со связями — это не я. И все мои концепции о трудовых стимулах тоже разом потерпели крах. Вот тебе два инженера — «Лёва унд Вова». Были когда-то интеллектуалами и сторонниками экономической свободы, приветствовали крушение «системы». А теперь? Вкус к красивой жизни утратили, опростились, гонор порастеряли и как-то забурели, окуклились в новом, нищем и унижительном положении. Вступать в деловые контакты, идти на компромиссы и уступки — им не то лень, не то запахло. Не хотят люди меняться, и даже говорить с ними «за жизнь» — сложно, невозможно.

— А что, разве ты этого раньше не знал? — Беатриса удивляется. — Сложные люди, в общем, довольно просты, а люди простые — они порою очень, очень сложны.

Вот что такое философия! Довести мысль до предельной обобщенности и тем самым сделать ее абсолютно бесполезной для житейской практики. Но права, права моя благоуханная царица, вышедшая из ванной в одной короне — золотистого цвета полотенце закручено вокруг умной головки.

«Сложники» по сравнению с «простецами» более прагматичны, предсказуемы и даже управляемы. Посмотрим хотя бы на экран телевизора, где в атмосфере всенародного ликования отмечается юбилей какой-нибудь поп-звезды. Выстроились все певцы и певицы, как пионеры на лагерной линейке, и орут хором давно осточертевший им шлягер. Что, они все друзья? Ха! Ха! Ха! Просто у них общий бизнес: я выступаю на твоём чествовании, а ты выступишь когда-нибудь на моем. Я — тебе, ты — мне. Очень просто.

Или возьмем писателей. Вот уж самые сложные люди, причем каждый в душе считает себя пупом вселенной и на другие пупы старается не глядеть. Но и они умеют в нужный момент взяться за руки. У Беатрисы поэт есть знакомый — не классик, не Кушнер, конечно, но все-таки лицо известное на некоторых окраинах земного шара — благодаря его андеграундному стажу (говорят, он в перестройку даже справку себе выправил: «в советское время не печатался», заверил ее у нотариуса, а копии разослал по всем западным университетам). Так вот, его недавно приглашали в Баден-Вюртемберг на междуна-

родную встречу «Пять дней у дуба». Регламент, значит, таков: пять дней томиться в избушке (избушка, конечно, пятизвездная, со всеми удобствами) и воспевать в стихах уникальный немецкий дуб, растущий там с восемнадцатого века. Я не понял, правда, каковы способы контроля: ведь можно, например, заранее заготовить такие дубовые стишки и сделать вид, что муза тебя именно в Бадене посетила, да? Но не в этом дело, а в том, что наш питерский пиит там пять дней провел в непосредственной близости с двумя московскими стихотворцами, которых он на территории РФ на дух не переносит. А у международного дуба они общались самым любезным образом, не стали в немецкую избушку свой русский сор вносить. В итоге, как говорится, победила дружба. Каждый участник получил симпатичный гонорар, и разъехались они восвояси. Теперь встретятся где-нибудь в Японии, чтобы сочинять хокку о цветущей сакуре. А Лева с Вовой так и будут бессмысленно выматывать свои души, презирая друг друга совершенно бескорыстно и бесплатно...

И ТУТ — ПРИГЛАШЕНИЕ

Как раз в момент полной депрессии. Приглашение это я хотел сразу скомкать и выбросить в мусорное ведро. В Пскове проводится региональный северо-западный семинар по вопросам *контактологии*. Твою мать! Какая тут может быть, на хрен, «логия»? Контакты — это сугубая практика, где все держится на цыганской интуиции, природной человеческой энергетике и горьком опыте, который никакими «методами» не заменишь!

Скажите мне, откуда берутся такие новейшие псевдонауки? Это преподаватели общественных дисциплин, дармоеды советских времен все изобретают для себя очередные кормушки. Кто был «история КПСС», стал теперь «политолог». «Научные атеисты» перекрасились в «религиоведов». Преподававшие «диамат» и «истмат» легко поменяли Маркса—Энгельса—Ленина на святую троицу: это уж я на Беточке бедной нагляднейшим образом проследил. Те же самые хмыри, которые ее, еще юную, распинали за «уступки идеализму» (а уступок-то и не было, просто идеализм был, самой чистой воды), — так вот они же теперь ее гнобят за недостаточную православность и за протестантский акцент... Ну а в «контактологи» в наши дни подались не иначе как авторы диссертаций по научному коммунизму!..

Моя «чистая сущность» тем временем приготовила кофе — аромат из кухни сюда пробрался. А вот и она сама, облаченная в небесного цвета джинсы и белую майку. Да... Голубая попа, синие глаза... Полное упоение. Повезло чуваку! Повезло, что Беатриса — моя жена. Ведь в любовницы мне ее, пожалуй, заполучить ни за что не удалось бы... К ней теперешней подкатиться у меня просто не хватило бы смелости.

Чтобы вытащить лентя из постели, затевается невинная игра, где у партнерши две белых фигуры, а у партнера — одна. Но как только розовые кончики встретились, игра немедленно прекращается. Победительница снова надевает майку и гордо удаляется.

Разговор о контактологии продолжается уже за завтраком. На мои гневные речи Беатриса отвечает миротворчески:

— Ну что ты во всем видишь сразу теньевую сторону! Успокойся, не ты же этот семинар придумал, не тебе за него и отвечать. А приглашение это, может быть, сама жизнь тебе посылает. Съездишь, развеешься... Ты в Пскове вообще-то бывал?

Бывал, в школьные годы чудесные, классе в шестом. Но это можно даже не считать. Хотя... Запомнилось кое-что. Когда показывали нам крепостную стену с башнями, экскурсоводша сказала, что эти укрепления назывались «перси города». «Перси» по-древнерусски — «грудь». А мое поколение тогда как раз начинало внимательно всматриваться в названную

часть тела — и у учительниц, и у наиболее развитых одноклассниц. Ниже пояса подростковая фантазия еще не спускалась. Когда экскурсия подошла к крепостным воротам, объяснили нам такую военную хитрость: если неприятели прорывались в эти ворота, за ними закрывалась своего рода огромная задвижка, в результате чего передовой отряд штурмовиков оказывался в длинном каменном мешке, где его немедленно побивали. И ловушка эта называлась «захаб». Вот тогда я и задумался всерьез — не о законах фортификации, а о женской сущности. Ведь что они с нами делают? Приманивают выставленными вперед и как бы недоступными персями, потом совершают маленькую уступку, впускают в узенькие ворота, чтобы в результате захватить нас навсегда...

Нет ли в этом приглашении провокации? Зачем это вдруг зовет меня к себе древний русский город?

Мог бы теперь соврать, что я что-то предчувствовал. Но на самом деле — нет. Ничего я не предчувствовал...

Раннее утро двадцать второго июня. Гостиница «Советская». Во время войны, говорят, здесь было гестапо. Что ж, темно-серая сумрачная архитектура вполне подходящая. Но сегодняшнее солнце, похоже, вступило в победный бой с советско-фашистской серостью. Сотни лучей разом вломились в окна, перевернули все вверх дном в номерах и в душах. Какого черта вы здесь торчите, ребята? Жизнь вас уже ждет,

она давно умылась, причесалась, подкрасила губки, надела вызывающе короткую юбочку и обтягивающую майку с большим вырезом.

Спускаюсь в буфет. Эту сцену прошу дать крупным планом. Вот наша с тобой первая встреча, причем я тебя вижу, а ты меня — нет. Я уютно устроился в углу, собираясь скрасить немудреную трапезу (йогурт плюс яичница) неспешным созерцанием четырех летних женщин за соседним столом.

Из всей четверки именно ты сидишь ко мне спиной, но я и в такой позиции уже кое-что в тебе, о тебе начинаю понимать. Есть в женщине мягкость и легкость, в стул всей своей тяжестью не вращает. Повернулась боком. Ест не жадно — не хищная, значит, не властная. Глаза очень живые. А цвет? Рассмотреть бы поближе... Нежно-розовый бутончик губ, беззащитно приоткрытых. Одета в старинно-белый батист, что, между прочим, довольно эротично: не оголенностью тогда женщина нас достает, а тонкостью преграды между телом и миром. Вот она неспешно поднимается и плавно подходит к стойке за чашкой кофе. А, и юбка тоже белая. Что ж, смело: этот цвет все-таки изрядно полнит, что не очень выгодно для большинства зрелых дам. Но белизна еще означает открытость, готовность к встрече с новизной. Загадываю: пусть эта беляночка окажется участницей северо-западной контактологии! И остальных трех согласен я взять туда за компанию!

А ты о чем тогда думала?

УЖ ТОЧНО НЕ О ТЕБЕ

— Не могла я тебя в этом буфете заметить, потому что нет у меня привычки — глазами шарить в поисках кого-то там... Ну а потом, если честно, все с тобой у меня началось даже как бы с минуса. Приходим с девочками на открытие семинара, и нá тебе: с вопросом «У вас свободно?», не дождавись даже ответа, пристраивается рядом некий субъект, начинающий донжуан с очень скромным стажем.

— Почему ты решила, что со скромным?

— Не было в тебе спокойствия, свойственного настоящим ловеласам. Сразу начал мне на ухо комментировать выступления, нервно так иронизировать. Я уже подумывала, что надо от этого типчика понемногу отделяться. Единственное обстоятельство говорило в твою пользу — это то, что ты чистенький был и что веяло от тебя вкусным и недешевым одеколоном...

— «Кензо». Эту марку Беатриса выбрала как-то раз — и уже навсегда.

— Ну вот опять ты про свою семейную идиллию. Чувство такта у вас, сударь, прямо скажем, нулевое. Настоящая современная женщина сейчас бы вас так послала... Свернула бы, упаковала и отправила по домашнему адресу — супруге под расписку.

— А ты не современная?

— Нет, я просто дура. К сожалению. И тогда как дура последняя решила, что ты несчастенький чело-

вечек, в женской помощи нуждающийся. А ты оказался...

— Кем, кем оказался? Мне самому интересно.

— А меня приласкать уже неинтересно? Ну почему, почему мне так не везет? Ищешь партнера нежного и властного, твердого и молчаливого, а получаешь очередного артиста разговорного жанра, который только языком работать умеет... Можешь закрыть рот на минуту? И глаза тоже. Зачем? Ну хо-о-чется мне, чтобы ты на меня некоторое время не смотрел!..

Четыре дамы... Четверо вас оказалось новгородских, держались вы одной командой, а наша мужская сборная смогла выставить лишь неполный состав: трио против квартета. Все только что перезнакомились. Стержнем компании стал двухметроворостый Женя из города Мга, а за капитана у нас был шустрый такой Толя, как и я, из Питера. В его большом номере мы и гужевались — после непродолжительного сидения в ресторане. Все-таки в России для людей среднего возраста и достатка простая советская гостиница остается главным местом человеческого общения и романтических встреч, местом присматривания друг к другу.

Мне лично всегда нравились сами разговоры с незнакомыми людьми. Встретились в бесконечном мире и беседуем как человек с человеком. А если потянуло друг к другу — так можно адресами-телефонами

обменяться и продолжить. Но это редко случается. И вовсе не обязательно пользоваться нестандартной ситуацией для решения сексуальных проблем. Был такой анекдот, довольно тупой, но ко мне вполне применимый. Рассказывает женщина о кризисе по экзотическим странам: «Приехали в Египет. И нас всех сразу изнасиловали. Кроме товарища Ивановой. Приехали в Эфиопию — нас всех изнасиловали. Кроме товарища Ивановой». И дальше, и дальше. Когда же наконец задается вопрос: «Почему кроме Ивановой-то?» — следует ответ: «А она не хотела»...

...Ну что же ты хохочешь так? Первый раз, что ли, слышишь? Да, культурная женщина, бывший искусствовед, а бурно реагируешь на явную пошлость! Я это рассказал только для аналогии, чтобы пояснить: я — как товарищ Иванова, понимаешь? Не хотел — потому и уходил обычно один в свой номер. Для меня в командировках всегда главный кайф был — выспаться на полную катушку, чтобы потом легко ходить по незнакомому городу и видеть его свежими, не протухшими глазами.

Да... Но тот псковский вечер внес существенные коррективы в мое спокойное, размеренное бытие. Усаживаюсь с тобой рядом и впервые в жизни испытываю желание произвести впечатление. Чем? Как? Продолжать ироническую критику мероприятия, которое мы сегодня отсидели? Да все о нем уже забыли давно... Эффектно закрученных тостов произносить

не умею. Вспоминаю вдруг, что женщинам надо говорить комплименты — и чем они банальнее, тем действеннее. И что-то начинаю плести типа того, что сегодня самый долгий день в году, что начался он у меня с того, что я увидел женщину в белом, потом у меня был такой белый день...

— В общем, ты довольно неуклюже подводил свою речь к намеку на предстоящую белую ночь. И если бы не твоя очевидная застенчивость, я бы тебя, конечно, поставила на место...

— И пресекла бы в корне карьеру начинающего донжуана. Сгорел бы я со стыда и вылетел в трубу. А ты довольно гуманно высказалась: мол, для разминки неплохо, но жду комплиментов более искусных... Так что я в отчаяние не впал, а в комнате гостиничной между тем сгущалась амурная атмосфера. Гигант Женя моментально установил контакт с твоей высококлассной коллегой, и это выглядело абсолютно естественно: ведь нелегко, наверное, такой даме найти соразмерного кавалера...

— Ну, если на то пошло, у Тани муж-армянин — коротышка, ростом даже ниже, чем ты.

Не важно, они так неспешно, так плавно удалились, а через час вернулись, такие все заулыбавшиеся. Великан и великанша разожгли огонь любви и принесли его несмелым карликам. Тут я оживился, заметил, что жидкости на столе кончаются, и отправился в запримеченный еще утром круглосуточный магазин

рядом с гостиницей. Встаю из-за стола со словами: «Я на минуточку», слегка сжимаю твой локоть («жди меня»), а твою спокойную реакцию на этот жест читаю как «конечно, подожду».

Иду, не спешу, предвкушаю. В тесном магазинчике полно молодежи, полуголой по случаю жары. Юноши возраста нашего сына властно обнимают влажные плечи подружек. У себя в Питере я моментально бы почувствовал себя «дяденькой», «дедушкой», но здесь — все другое. И я другой, отделившийся на время от своей основной версии. И меня тоже ждут круглые плечи, пока еще не такие откровенные, но что-то имеющие мне сказать. Пусть не сразу, не сегодня... Главное — поговорить с тобой как следует, безо всяких там уловок...

...Представляю, какая у меня была физиономия, когда я с двумя бутылками в руках вошел в полутемный полулюкс и тебя там не обнаружил. «А она уже отправилась баиньки», — задорно оповещает одна из землячек твоих, явно довольная тем, что ситуация из двусмысленной переросла в однозначную. Женская и мужская команды сравнялись по количественному составу: трое на трое, ну, за вычетом определившейся пары Евгения с Татьяной — двое надвое. И теперь как бы наступает полуфинал, выясняется — ху будет с кем.

Нервы мои, в общем, не против, они мне говорят: давай отдохнем, расправимся, и чего это ты как неродной? Но я-то хочу совсем другого, и это другое

ты унесла с собой, а потом увезешь в Новгород, и никогда я его не увижу.

Уходить сразу — как-то неприлично. Сажусь, продолжаю распитие. Сладенькая музыка вползает в наступившую темноту, я вместе со всеми то быстро дергаюсь, то медленно обнимаюсь. Но вдруг так заныло, заболело внутри, в глубине, что я, успев прошептать Толе: «Старик, я чтой-то не в форме», спускаюсь на свой этаж и, не в силах даже в душ заглянуть, бросаюсь грязный в свежую постель. Хорош: испортил компанию, подвел товарища-питерца — и все из-за какой-то надменной особы с непонятными закидонами...

— Закидонов никаких не было, ушла я по причине, проще которой нет ничего на свете, но которую в первый день знакомства не совсем удобно оглашать. А Толя тогда, между прочим, без тебя прекрасно обошелся...

— Так что же, он, что ли... С обоими, с обеими то есть?

— Я этого НЕ говорила!

— Не говорила, но сказала... Ладно, в чужую личную жизнь больше не вмешиваюсь — своей теперь хватает с избытком.

Следующее утро оказалось уже довольно пасмурным, да и женщина в белом обернулась женщиной

в черном. За завтраком мы не пересеклись, а на семинаре как увидел я тебя в темных одеждах, так и опустилось все. Я это переодевание воспринял как решительное «нет».

— Да, в контактологии ты немного смыслишь. Не могла же я ношеное белое на второй день надеть. Произвела на тебя впечатление — и достаточно. А черный цвет был знаком обреченности. Чувствовала я, что вечером мне никуда от тебя не деться. Личность еще как-то сопротивлялась, спорила, а женщина во мне уже покорилась неизбежности. И стала мысленно искать в тебе хорошее.

— И это, наверное, почувствовал, говоря по-твоему, мужчина во мне. Он понемногу смелел и настраивался все решительнее — в то время как бедная моя душа продолжала нервничать и сомневаться.

Семинар заканчивается скромным празднеством. Мужчина окружает женщину неотступным вниманием, словно опасаясь, что она снова исчезнет, ускользнет. Губы женщины все больше и больше расправляются в улыбке, приобретая форму, готовую для поцелуя. Мужчина уже готов сделать это публично, но женщина тактично удерживает его, совершенно откровенно говоря: «Для поцелуев нам лучше найти другое место».

Господи, как просто все дальше идет с тобой! Приходим в мой номер, который я успел возненавидеть,

а теперь прощаю ему предыдущую, одинокую и мрачную ночь: ведь женщина уже сидит рядом на этой банальной кровати с деревянными спинками. Сидит и не собирается уходить. Закрывает глаза и приоткрывает ротик, который невозможно не прикрыть своими губами. Вкусно! Есть что-то прекрасное в лете...

Тянутся друг к другу тела. С абсолютно одинаковой силой с обеих сторон. И руки мои становятся нашими общими, когда начинают освобождать тебя от одежды. Мы одинаково боимся того, что произойдет. Непонятный, неизвестно откуда исходящий запах — страсти или страха?

«У меня это так редко бывает!» — вырывается из тебя беспомощное, бесконтрольное признание.

«А у меня такого еще и не было никогда», — про себя говорю я.

Из черного лифчика в наступившую ночь выпадают две маленькие луны. Они у тебя мельче, чем можно было предположить по тебе одетой, поскольку ты носишь все свободное, не в обтяжку. Хочется скорее их защитить, закрыть собственным телом от вползающего через открытое окно ночного мрака...

Откровенность... Вот к чему стремится жизнь, возникшая между нами. Откровенность тел — это только первый, маленький, пятиминутный шаг. На тебя он производит большее впечатление, чем на меня.

До меня, как до жирафа, все будет доходить очень постепенно, а ты явно ошалевашь. И знаешь, почему?

Ты приготовилась к встрече с донжуаном, начинающим, неуверенным, но все же с донжуаном, а нарвалась, по сути дела, на сорокапятилетнего девственника. Двадцать лет жизни с единственной любимой женщиной делают мужчину чистым до невинности. А то, что было у меня до Беатрисы, — так это вообще было не со мной. Клетки человеческого организма полностью обновляются за семь лет, а я, стало быть, трижды заново родился рядом с Бетой.

«Откуда ты такой ласковый?» — вопроса твоего я просто не понял. Ничего эксклюзивного с твоим телом я не проделывал, слов каких-то особенных не произносил и вообще был скорее пассивен, чем активен. Ни о чем не думал — вот, наверное, что было не совсем привычным. Ведь если бы я задал себе вопрос: что я делаю? — то, наверное, пришел бы в ужас, и тогда не было бы между нами столь нежной безмятежности.

Ветер подул с северной стороны, в окно входит прохлада, тактично и осторожно разделяет наши тела, так смело прилипавшие друг к другу. Влага, которой мы обменялись, уже подсыхает, легкий холодок заполняет пространство между нами. Робко, как впервые, начинаю я прикасаться к тебе, ты трогаешь меня — чуть-чуть смелее, но тоже деликатно. Нам не хочется фамильярничать, нам хочется церемониться

друг с другом, чтобы вторая встреча, если она назреет, так же ошеломила, как первая.

Ладонь моя пускается в долгий путь от твоего колена вверх. Медленно-медленно: каждый шаг — не более миллиметра. Тебе нравится эта незатейливая игра, мы оба притворяемся, что просто не знаем, к чему приводят подобные шалости. Что дальше-то будет?

А вот что: когда мои трепещущие пальцы поднимаются до определенного уровня, ты внезапно берешь их под арест, сомкнув белые полноватые бедра. «Все! Теперь не отпущу! Ни-ко-гда!» Именно в таком положении тебе становится удобно рассказывать про себя все-все.

ЭТО БЫЛО ТАК КРАСИВО

Очень красиво меня соблазняли. Да! Он был художник и все делал в высшей степени художественно. Я на втором курсе стала писать работу о русском импрессионизме и на зональной выставке с его картинками встретила. Сюжеты простые, наши новгородские: Ярославское дворище, Юрьев монастырь. Все внятно, узнаваемо, но с легким импрессионистическим акцентом. Не в осенне-зимней лиловой гамме, а в летней, розово-оранжевой, чувственной такой. Сейчас это и посмотреть нигде нельзя, все пребывает в частных американских коллекциях.

Свободный был человек — не стеснял себя определенным местом жительства. Жил — везде. Жены венчанные-невенчанные, дети брачные-внебрачные — по всей нашей необъятной стране. Я к нему первая пришла, весной, в Юрьево, где он вместе с веселыми картинками своими обитал в деревянном домике. И за полгода очень многому научилась — во всех смыслах.

Научилась я картины читать, понимать. Находить такой угол зрения, когда все становится вмиг ясным — без всяких там охов и ахов, без искусствоведческих ля-ля. И сама побывала картиной — правда, не до конца.

Юбка его привлекла — цветастая и длинная, до земли. Была некоторое время мода на такие. Он

жадно — творчески жадно — на меня взглянул и говорит: «Буду писать тебя в этой юбке. Вот только верх белый не подходит. Да тут никакой верх не подойдет, кроме естественного. Убери-ка все, что выше пояса».

Вот оно, самое яркое мгновение моей жизни. Когда розовые мои соски почувствовали одновременно прохладный майский воздух и прицельный мужской взгляд, я испытала все, что может испытать женщина от контакта с лицом противоположного пола. А его взгляд долго сохранял свежесть — предельно сосредоточенное внимание и ни малейшего нервного возбуждения. Так что я была готова сколько угодно сидеть-стоять в заданных позах. А потом одевалась и уходила домой. Мне все равно было, с кем он спит или не спит. Ведь у нас с ним было совсем другое, особенное.

Лето наступило — еще жарче, чем нынешнее. Начала я уставать от сидения в кресле, да еще с откинутыми руками — то правой, то левой, то обеими. Запретил мне подмышки брить: «Ты не фотомодель. Мне нужна твоя дикая природа, чтобы ты цвела и пахла на полотне. Мы сейчас эту прозрачную струйку с твоего бока сюда возьмем». А когда сам уставал и садился в кресло отдохнуть, то милостиво разрешал мне присесть к нему на колени. У отца на коленях мне в детстве посидеть как-то не довелось... Новизна... Мужчина немножко целовал мой глупый полураскры-

тый рот, но к груди ни руками, ни губами не прикасался. Гурман! Умел женщину развернуть и в пространстве, и во времени, хладнокровно продегустировать весь спектр ощущений...

И вот — кульминация. С неба поступило какое-то повеление: то ли верховный громовержец хотел наши отношения пресечь, то ли решил довести их до апогея. Потемнело тогда, все окно тучей занавесило — хоть свет включай. А живописец все ко мне придирается: «Свободнее, свободнее! Ну куда твоя раскованность и непосредственность подевались?» Действительно, что меня сковывает? Наконец осенило, и когда художник удалился во двор, быстренько я освободилась от трусиков своих белых и в сумку их сунула. Казалось тогда, что тайком раздеваюсь, а может быть, он мне именно это велел сделать — без слов, без просьбы или приказа.

Возвращается мой мастер. На этот раз натурой доволен: «Вот теперь ты хороша. Солнце вернется — и продолжим». Но солнце возвращаться не спешило, а я с невинным видом устроилась у мужчины на коленях. За окном вертикальный, стеной стоящий ливень, раскаты грома и, наконец, совсем рядом — молния. Вот когда пришло время ему взяться сзади руками за юные перси, приподнять меня и снова опустить... На сколько лет я тогда была моложе, на столько же килограммов легче, чем теперь. Вообще как-то про-

сто и безболезненно проделался этот якобы великий шаг — ахнуть не успела. Села девочкой, встала женщиной. И было мне безумно хорошо.

Потом в августе я сказала родителям, что еду с подругой на юг, а сама — с ним в Абхазию. Утех там было достаточно — для всех частей тела, а вот душевное наше общее богатство стало таять и улетучиваться. И по возвращении мой портрет у него как-то не пошел. «Я цветок писал, а ты теперь уже ягодка, даже фруктик», — оправдывался мастер. А по-моему, он просто со мной как с материалом не справился. Одно дело — в церковных куполах угадать женственные округлости, и совсем другое — из женского тела храм выстроить. Искусство прямого действия, идущее от реальности, доступно немногим, только гениям. А мой автор все-таки не гением оказался. Что несколько не умаляет его неизгладимой роли в одной женской судьбе. От нашего с ним проекта у меня на руках остался лишь карандашный эскиз. Главной красоты — юбки той исторической — там нет, давно она износилась, истлела. Так себе — девушка с грудками. Увидишь, если захочешь еще раз со мной встретиться.

...Ладно, руку твою отпускаю. Только поцелуй меня, а то грустно так сделалось. На третьем курсе художник все чаще стал из нашего города отлучаться, а потом и совсем перебрался в Ленинград. И растворился там.

А в начале пятого курса раздобыл меня мой нынешний супруг. Он заприметил меня еще в веселой мужской компании, где я с художником однажды появилась. Все тогда изощрялись в комплиментах единственной даме, и на мне вроде как знак качества отпечатался с тех пор. Было сделано предложение, свадьба состоялась — к удовольствию моих родителей, все происходило, как говорится, по-людски, только начался у меня, во мне какой-то животный период. В примитивную самку превратилась, и даже рождение дочери меня не возвысило. Муж, как пионер, всегда был готов и вниманием никогда не обделял. Я ему абсолютно верна была, но откуда-то пришло ко мне отвратительно-мохнатое ощущение, что я, в общем, могу всегда и с любимым...

Шли годы...

СТОП!

Тут я прерываю воспоминание о нашей первой встрече, чтобы сделать важное заявление. Исповедь твоя повергла меня в секундный шок: ничего себе, думаю, так это и я, может быть, у нее получаюсь — любой... А потом, уже вернувшись домой и почувствовав, что во мне что-то встряхнулось, сдвинулось, — что-то важное и новое узнал я о себе.

И во мне ведь до сорока с чем-то годков проживал мохнатый похотливый двойник. Как, наверное, в большинстве мужчин. Только существовал неосознанно, безотчетно, безответственно. Будучи чистеньким супругом-однолюбом, я все эти годы многократно грешил в душе, виртуально, так сказать. Все половозрелые женщины, встречавшиеся на моем жизненном пути, четко делились на две категории: «эту я бы трахнул» и «эту — нет». А что такое «бы» в данном случае? Мгновенное мысленное раздевание женщины и обладание ею.

Причем это никак не связано с человеческой симпатией. Наоборот, с теми, кого я бы «не», я часто вел себя вполне по-человечески. Более того, иногда немножко влюблялся именно в таких, начиная, как ты говоришь, «с минуса». А с теми, которых «бы», ужасно примитивно все происходило. Если у «объекта» грудь была красивая, то мысленно стаскивал лифчик и трогал без спросу, даже не интересуясь ответной

реакцией. Если у моей жертвы имелся выдающийся рельефный зад, то, сама понимаешь, в какой позе представляла бедняжка в моей фантазии. Простите меня, русские женщины... Если, конечно, мои сексуальные злоупотребления причинили вам моральный ущерб. Самооговором тоже заниматься не хочу. В Америке ведь за такое признание меня разом бы упекли за решетку и потребовали составить многотысячный список всех моих воображаемых жертв, начиная с пышнотелой учительницы-физички в шестом классе.

И вот, представь себе, теперь для меня это в прошлом. Отныне, глядя на женщину, я просто не могу — даже самому себе, даже абсолютно конфиденциально — сказать, хочу я ее или нет. А если бы в упор спросили, я совершенно искренне ответил бы: «Это зависит от того, как данная женщина относится ко мне, как будут развиваться отношения между ней и мною».

Когда произошла эта перемена? Одно знаю точно: после псковской встречи с тобой. Была ли встреча причиной — доподлинно судить не берусь. Может, возраст, начало старости? Что ж, и такую версию смиренно принимаю.

А теперь включаю память, чтобы опять твою историю повспоминать и пообдумывать. Говори, говори...

ИТАК, ШЛИ ГОДЫ...

На пятом курсе я уже была беременна, животом своим и круглые пятерки зарабатывала, и дипломную защищала. Потом сидела с малышкой. Ни о чем не думая, в летаргическом состоянии. Наливалась соками, совсем коровушкой становилась.

И тут художник еще раз заглянул в мою жизнь. Неожиданно. Приехал из Ленинграда зачем-то — и по праву старого знакомого моего мужа заявился без предупреждения к нам домой. Знал, конечно, что я тут проживаю. Пять часов вечера было, как раз время обычного возвращения мужа. Лето. Окна у нас на запад, и к вечеру печет невыносимо. Я гуляю по дому в одних трусах и, звонок услышав, иду открывать — в полной уверенности, что это супруг. Он обычно своим ключом не пользовался, любил, когда его торжественно встречает женщина, преданная и легко одетая...

Картина. Он за секунду успел на меня дважды посмотреть — с разных точек зрения, из разных миров. Мужской взгляд сладострастно коснулся наполненного молоком вымени — и тут же выключился, уступив место волшебному зрению когда-то творившего меня артиста. Артисту было невыносимо горько: ничего не осталось от соединявшего нас чуда.

Я быстро нырнула в ванную и в халат, усадила гостя на диван, пошла приводить себя в порядок — и тут

муж вернулся. Бутылка не замедлила появиться на столе, потребовав от меня исполнения женских обязанностей по части закуски. Дальше пошел мужской разговор, при котором я добросовестно присутствовала. Для себя я ничего не услышала, но мне достаточно было того взгляда на пороге.

Душа во мне снова проснулась. Внешне ничего не изменилось, никаких деяний я не совершала. Когда дочке исполнилось два года, решила пойти работать, хотя муж на этом не настаивал. И честно призналась себе, что историком-искусствоведом быть не смогу. Дело здесь даже не в том, что за мою вузовскую профессию платят три копейки, да и те нерегулярно. Не состоялось призвание, никто свыше меня не призвал.

Это ведь удача, это счастье своего рода — ходить в рубище местного пошива, в дырявой обуви, с неприбранной, полуседой и поникшей головой, искать на рынке капусту на рубль подешевле. И притом получать высокое и страстное наслаждение, обнаружив на стене монастыря под поздней росписью квадратный сантиметр старой фрески. Нет, мне этого не дано. Я умею смотреть на небо, но сама — женщина земная. И потому нашла себе место в той среде, где ежедневно решают одни и те же арифметические задачи на тему: как лучше довести товар из пункта А в пункт Б, дав минимальные взятки таможенникам, налоговикам и пожарным инспекторам. Где муж-

чины одинаково мордасты, скучны и неговорливы. Крутятся они, как шестеренки в несложном механизме, но для смазки порой необходимо присутствие деловой женственности.

И отнюдь не всегда это связано с сексом. Я ведь почему смеялась над анекдотом о товарище Ивановой? Потому, что сама постоянно нахожусь в такой ситуации, и, правда, никто меня особенно не насилует. Сделать уступку, а не упираться рогом, посмотреть на вопрос с неожиданной стороны, пойти на тактические убытки с перспективой стратегической прибыли — все это более доступно женщинам. Тем самым «теткам», над которыми ты мне в ухо иронизировал на семинаре. Так и хотелось тебя по голове стукнуть! Что ж ты, думаю, сам-то к такой тетке так тянешься и душой и телом? Нет-нет, не нужны мне твои реверансы, прошу считать меня именно теткой. Мне больше нравится быть молодой и живой теткой, чем старой девочкой с утонченными «чуйствами».

Но — предел... Предел, конечно, существует. И полтора года назад я все-таки надломилась. По более чем банальной причине. Муж мой, так гордящийся своими самческими достоинствами, вышел за границу приемлемого. Меня всегда настораживало, что он очень уж часто занимается саморекламой. Если говорит, что у него пока еще работает голова, то непременно добавит: «Как и все остальное». И все чаще публично: «Главное, чтобы женщина была довольна».

Не всегда это приятно слышать. Какая еще женщина? А если он именно меня имеет в виду, то словно голую перед всеми выставляет. И что с того, что «довольна»? Я, честно говоря, как зайчик: пять минут — и все. Но через пять минут уже о другом задумываешься. А если у него еще и какая-то другая женщина имеется, то надо молчать, скрывать деликатно.

А он не сумел. Или не захотел. Или просто случайно все получилось... Тебе это интересно? Даже очень? Так... Хочешь со своим опытом сравнить, со своими похождениями? Ну ладно, слушай и на ус мотай. Или на что-нибудь другое...

Психологически он вел себя правильно. Спокойствие полное. Я потом даже подумала, что в этом какое-то оправдание самого, так сказать, статуса любовницы. Жена нервирует, а любовница успокаивает. Или наоборот. В итоге всем троим хорошо.

Но муж мой в чем переборщил? Вместо того чтобы тактично скрывать ходьбу налево, он стал судорожно доказывать мне свою верность. Доказывать то, чего не существует. Почему от коммунизма, от такой мечты и конфетки пришлось назад к капитализму шагнуть? Потому, что капитализм не врет, он тактично умалчивает то, что люди не равны, что одни могут за миллионы лечиться в западной клинике, чтобы свою старческую жизнь на год продлить, а у других дети больные будут умирать из-за отсутствия нужной суммы долларов на операцию. Так было, есть и всегда

будет. Равенства и справедливости никогда не было, нет и быть не может, как бы ни вращались нам правители и проповедники. Конечно, супружеская верность, в отличие от коммунистического светлого будущего, иногда встречается, но это скорее не правило, а исключение.

И вот муж стал вести себя совершенно по-большевистски. Вместо того чтобы отойти в сторону от меня и самостоятельно переболеть своей влюбленностью, он захотел между мною и новой пассией установить равенство. И заодно доказать свою мужскую силу: мол, его и на двух баб вполне хватает. Как-то вечером приступает он к выполнению своих обязанностей и начинает страстно грудь лобзать. А губы-то его честно признаются, что они сегодня других титок касались и сравнивают сейчас — может быть, даже в мою пользу, но сравнивают. Ну и, конечно, дружок его тут же признался, что сегодня уже погружался в глубину. Как я это уловила? Не могу тебе объяснить, потому что у тебя этого места нет, которое все чувствует. Ты же не гермафродит, надеюсь?

Ну а потом вся моя чувствительность обострилась. Я никогда не опускалась до того, чтобы у мужа что-то рассматривать, где-то рыться, разнюхивать. Но буквально на следующий день его голубая рубашка, положенная в корзину для грязного белья, мне прямо в нос выстрелила чужим ароматом — резким, густым, до желудка достающим. Язвенники, например, таких

запахов не переносят. Очень похож на советскую «Красную Москву», которой наши бабушки душились, но, конечно, духи французские и дорогие. Кажется, это называется пачули. Несколько молекул такого растительного экстракта достаточно, чтобы его уловить и навсегда запомнить.

Так, против своей воли, превратилась я в ищейку. Зашла в самый большой наш парфюмерный магазин и говорю: покажите мне такие духи, от которых за версту шибает. С третьей картонной палочки опознала. По-английски называются «Ароматикс эликсир», продаются здесь уже не меньше года. Еще неделя прошла, и сидящая во мне овчарка залаяла. На конференции по маркетингу снимаю свою шубу, вешаю ее в гардеробе, а мне привет передает уже повисшая здесь бордовая дубленка — запах тот самый. В зале я никого не унюхала, но как только объявили перерыв и сказали, что обед будет в другом месте, я первой пришла в гардероб, и уже через пять минут вычурная дубленка указала мне на соперницу.

Самое парадоксальное, что она не пробудила во мне никакой ненависти. Женственность у нее довольно приглушенная, потому девушка пользуется кричащими духами. Тип Гавроша, мальчиковатая на первый взгляд. Блондинка, коротко стриженная. Голубые глаза небольшие и невыразительные. Но двигается очень спокойно и плавно, и когда ее в движении наблюдаешь, то видишь, что имеются у нее все необхо-

димые округлости. Раздеваясь, ошеломляет, наверное, мужиков. И совсем не кокетливая и не стервозная на вид. В работе мне такие нравятся, с ними приятно иметь дело.

Так объективно, не по-бабьи я на нее посмотрела — и тем самым нанесла себе огромный ущерб. Почему бабы кидаются на «разлучниц», которые чаще всего и разлучать никого ни с кем не хотели? Концентрируя всю ненависть на сопернице, женщина тем самым защищает последние остатки любви к своему неверному-благоверному. А я иду домой и философски рассуждаю про себя. Супружеская верность считается нормой, а на самом деле это идеал, не всегда совпадающий с реальностью. Мы люди грамотные, знаем, что мужчина по природе тяготеет к полигамии, что моногамный брак — продукт цивилизации, итог долгого социального развития. А мужика моего, как многих, забросило в далекое прошлое, когда ваш брат в лесу овладевал каждой встретившейся самкой...

Но как только вечером дома встретила я с муженьком, вся эта история с философией меня моментально покинули. Вмиг возникла в сознании картинка, где он голый с ней голой, — и так ударило в грудь, что я тут же в обморок свалилась. А когда очухалась, не могла с ним говорить — неделю целую, наверное. Потом слушала его извинения, оправдания, обещания — все как об стенку горох. И с тех пор ни разу ему не принадлежала...

— И как долго это длится?

— Года полтора. Да, перед позапрошлым Новым годом это случилось, так что именно полтора года.

— И как же он?..

— Нет, вы послушайте, люди добрые! «Как он?» Все вы, мужики, такие. А как я — ты не подумал?.. Ладно, можешь не оправдываться, а то ляпнешь еще что-нибудь похуже. Как и чем он сексуально питается — мне совершенно все равно. А если я тебя хоть сколько-нибудь интересую, то скажу честно: настоящей радости у меня за все это время не было. Не могу сказать, что я очень уж свободных нравов. Нет, доступ к моему телу достаточно ограничен. Только вот доступа к душе никто давно не ищет. Я уже подумывала, не пора ли совсем в отставку. В конце концов, так ли уж мне это надо? Посмотрела на тебя вчера: ладно, думаю — последняя будет попытка. Тем более, что сегодня утром обнаруживаю: природа уже не против, дает шанс. Так что повезло тебе. Или мне — еще не знаю.

А Я НЕ СМОГ

Не смог тебе такой же откровенностью ответить. Времени, конечно, было недостаточно. Под утро мы все-таки уснули, а я так и не проснулся. Вовремя не проснулся. Открываю глаза: рядом ты, но другая.

Двадцать лет этот мужчинка катался как сыр в масле и тебе такой масляный вдруг достался. Ты подумала, что это масло внутри меня, что там, во мне, месторождение. А оно — между. Между мной и Беатрисой. Устремился я к тебе не из-за дефицита счастья, а от его избытка.

Знаю, такая трактовка тебе очень не понравится. Но факт это, физический. Наше с Беатрисой счастье — не закрытого, а открытого типа. Она сумела его переработать в философию свою, а я — человек обыкновенный, духовных ценностей производить не способен, в результате — как в песне поется: счастье раздаю хорошим людям. Но хорошим ведь!

...Вслух я это говорю или только мысленно? Так или иначе, в твоих глазах вспыхивает секундное возмущение, и ты демонстративно поворачиваешься ко мне спиной. Сколько у тебя здесь природных зон — как на школьной географической карте! Плечи уже светло-шоколадного цвета, ниже идет умеренно-розовая область, потом белая полоска от лифчика: раза два-три ты уже загорала в этом году, но строго в ку-

пальнике... Ну так как же я должен себя вести в этой ситуации? Каковы правила игры, в которой женщина гораздо опытнее меня? Если бы дело происходило на ее территории, то можно было бы такой жест считать обструкцией: уходи, мол. Но она лежит в моей постели — значит, посторонним вход не воспрещен и от нас ожидают решительных действий.

Продолжаю изучать вид сзади. Там, ниже, еще одна зона белая-незагорелая, и никакого протеста на этих открытых страницах не читается. Припадаю к прохладе, одновременно поглаживая рукой твои сложно завитые волосы: много работала девушка над прической. Ты пытаешься повернуть голову и осуждающе на меня взглянуть, но низы вступили в контакт, не спрашивая разрешения у верхов, и неожиданная встреча уже состоялась. Еще ближе мы стали... Свою благодарность я выражаю, касаясь губами солоноватой спины, а ты уже начинаешь бравировать приобретенной властью. Садись, спустив ножки на пол, и с видом оскорбленной добродетели вопрошаешь:

— И это все, что ты смог придумать?

Ну почему «придумать»? Разве нельзя некоторое время вообще не думать ни о чем, а просто и нежно чувствовать друг друга?

...Ты быстро и прозаично, по-бытовому одеваешься, не улыбнешься даже. Почти не ответив на робкий мой поцелуй, уходишь к себе в номер. Я отправляюсь

в неудобный душ, где и никель и эмаль изрядно иску- саны ржавчиной. Начинаю с большой неохотой смы- вать частицы тебя со своего довольно усталого, но не- вероятно осмелевшего, как бы захмелевшего тела. Черт, зачем отпустил? Могли бы вымыться вместе, продлить близость и укрепить ее. А то теперь встре- тимся через час — с виду чистые, а в душах — смяте- ние и раззор.

Везут нас на экскурсию в Печоры. Подземный мо- настырь — это именно то, что нужно теперь нам обо- им. Уйти в глубину, не рассуждать, а погрузиться, по- нять, как все в этой жизни перепутано и переплетено. Всем выдали по свечке, и мы трепетно несем в руках свою новую маленькую тайну. Но слегка портит на- строение не в меру активный монах-экскурсовод. Держится с нами как учитель со школьниками. «А когда это было? Правильно, в восемнадцатом ве- ке». Тут не понимаешь, что с тобой было вчера, сего- дня, а что мы можем знать о столь отдаленных време- нах и людях? Да еще морализирует то и дело, ведет агитацию против курения и питья, против телевиде- ния и Америки... А, вот и до нас добрался...

«Прелюбодеяние — самое страшное зло!» И паль- цем длинным указательным потрясает в нашу с тобой сторону. Следил за нами, что ли? «Оно хуже нарко- мании, оно ведет к СПИДу, к полному вырождению нации».

Минуточку, ваше святейшество! Или как вас там принято называть? Грешны мы, да. Но при чем тут СПИД? Он в нашей стране, согласно объективной статистике, крайне редко передается половым путем. Именно грязные шприцы наркоманов у нас на первом месте. Потом, давайте хладнокровно сравним два зла — по степени вреда для здоровья и личности. Вот мой или ваш сын, допустим. Что для родителей юноши страшнее — наркотическая зависимость или мучительная раздвоенность между двумя одинаково хорошенькими и сексуально смелыми подружками? И насчет вырождения нации я бы поспорил. Низкая рождаемость у нас именно оттого, что мужики постарше пьют в мужской компании, пареньки помоложе ширяются в компании бесполой — в то время как уцелевшие еще старомодные поклонники прекрасного пола как раз работают на демографический прогресс. Примечаю я, что многие богатенькие буратины заводят себе не просто содержанок, а вторую, младшую семью. И рожают там новых российских граждан, приумножают нацию.

Но все это шутка, конечно. Не политикан я, чтобы призывать к введению узаконенного двоеженства. Этими мыслями я себя отвлекаю от неминуемого прощания...

Ты уезжаешь первой. Я иду вслед за тобой в твой номер — якобы помочь донести вещи. Взгляд падает

на кровать, но нет, не хватит времени, чтобы полностью прикоснуться друг к другу. Хотя бы присесть туда, где ты ночь тому назад спала одна, уже немножко помечтывая обо мне.

Ты садишься рядом и целуешь меня — без любовной жадности, грустно-грустно. И из меня телесность куда-то улетучилась. Ни вкуса губ твоих не чувствую, ни запаха тела, ни его формы и массы. Что такое? Так это же душа с душой встретились и теперь должны разъехаться в разные стороны. Вот до чего мы с тобой допрыгались!

Пока я веду тебя к микроавтобусу, твое лицо становится изрядно зареванным, так что репутация среди землячек и земляков неизбежно будет подмочена. Почему бы тогда не поцеловаться еще раз на прощание?

Мутное автобусное окошко, а в нем — лик, из одних глаз состоящий. С ресниц закапал черный трагический дождь, с век поползла синева... Вот где настоящий русский импрессионизм, навсегда лишаящий покоя. А художник тот только и мог от пространства выше пояса перейти вниз. Пошляк!.. Так, уже и бесплодная ревность обуяла. Да нет, какая там ревность! Это опять хочется отвлечься от новой, надолго пришедшей боли... Поезд мой отходит только в два ночи. Куда мне от себя спрятаться на несколько часов?

ЧТО ЭТО?

Что произошло? Потерял я или приобрел? Минус покой, а что в плюсе? Открылась новая ниша, как теперь говорят, новое пространство. Но где открылась? В сердце произведена выемка — и глубина и боль новые появились.

Самое страшное — если не будет продолжения. Не в банальном смысле, конечно. Хочется продолжить разговор, для которого не нужно даже в комнате уединяться. Такой разговор, который можно вести при всех. Почему-то вспомнились тюремные свидания в американских фильмах. Сидят дорогие друг другу люди, между ними беспощадное стекло, а они в телефонные трубки говорят самые нежные и тайные слова, не беспокоясь, что кто-то слышит, и боясь только одного — окрика: «Свидание окончено». А потом их силой начнут растаскивать в разные стороны.

Впрочем, возможность уж такого-то разговора мне стопроцентно гарантирована. Есть у меня и телефон новгородский, и адрес. Могу к тебе заявиться без звонка, как тот художник, застать женщину без мужа и в белых трусах. Эта картинка слегка успокаивает в тот момент, когда поезд пересекает границу Псковской и Ленинградской областей.

А душа тем самым переезжает из боли в боль. Теперь заняла во мне Беатриса. Ну что ты, что ты? Я ведь тебя больше чем люблю. А вчера... Это было...

Это земля, заземление... Иначе мы бы упали с твоего неба и разбились. Но не надо, не знай ничего об этом.

Поднимаюсь на второй этаж нашего обветшалого ампира. Отворяю дверь и оглашаю пространство иностранным кличем: «Сэ му-а-а!» (Бета иногда так отвечает на звонки из Парижа, и я включил это в свой попугайский репертуар.) На пароль нет отзыва: куда-то отлучилась, причем недавно и ненадолго: серенький «Сони» на столе раскрыт и дремлет в спящем режиме. Рядом с ним высокая рюмка зеленого хрусталя с красной каплей на донышке и розовый блокнот в клеточку с синенькими каллиграфическими полуфразами. Дух — не запах, а именно дух Беатрисы разлит повсюду, отпечатан в только ей присутствующем сочетании аккуратности и небрежности.

Вот и шаги ее по лестнице. Так я и думал: ходила вверх по Гороховой в новое кафе, где водятся эклеры-наполеоны-безе-буше всех видов и притом не слишком дорогие. Но лакомиться вместе со мной не собирается. Заходит к себе, возвращается с каким-то листком и занимает позицию посередине кухни. Понятно. Предстоит чтение. Может быть, ты еще на табуреточку встанешь?

— Юрский, представляешь, я, кажется, Витгенштейна разгромила!

Зачем, любимая? Это же вроде наш, русский фельдмаршал. Не он ли французов в 1812 году к Петербур-

гу не подпустил?.. А, кажется, у него какой-то потомок не то однофамилец имеется, генерал-от-философии... И сейчас ему будет дан последний бой.

— Ты послушай, это только полстранички главных тезисов. Я два года над ними думала. Витгенштейна я всегда религиозно презирала, но, честно говоря, временами ему завидовала. Он такую удачную уступку пошлякам сделал, разложил мир по полочкам, и места для тайны там просто не нашлось. Значит, и нет ее. Пронумеровал мироздание, а для любителей сокращенной философии ничего приятнее нет, они и не ищут противоречий между его номерами. А я вот нашла...

Как идет ей эта победоносная поза! Красиво вытянулось тело, готовое к полету... Одета лаконично, ничего нет стесняющего движения, отвлекающего от внутренней жизни. Синяя кофточка-маечка системы «Бенеттон», с закрытым воротом и с открытыми круглыми плечами («американской проймой» почему-то это называется). Черные бархатные джинсы, купленные по случаю где-то в окрестностях Бордо всего за пять евро. А вот туфельки-полуботиночки имени Мефистофеля («Мефисто» — так ведь?) из кожи двух цветов, темно-коричневого и светло-шоколадного, — те приобретены на рю Риволи безо всякой финансовой оглядки — где-то под двести евро этих самых.

Сверкая синими детскими глазами и бело-девичьими, не нуждающимися в дезодорантах подмышками,

Беатриса звонко-звонко и высоко заводит песнь мудрости, доступную мне примерно наполовину. Ничего, остальное пронзительным образом дойдет до меня, когда мы в обнимку с моим философом отлетим в нежно-волшебные края...

— Ну и какие перси ты себе в Пскове нашел? Никто тебя там не захапал? А то ты так боялся...

— Нет, я первый на них напал и сам захапал всех подряд. В общем, победа осталась за нами.

— Эт-то хорошо...

Неужели действительно хорошо?

ДОМ ПЕТРОВЫХ

Да, «дом Петровых» — такое название исторически сохранилось за старинным нашим жилищем. Представляешь, сколько раз я слышал в последние десять лет: «А ты не пытался вернуть фамильную собственность?» Кто шутя спрашивает, а кто и всерьез. Петров-то я Петров, но родился в Новосибирске, в день, когда наша страна запустила первый искусственный спутник Земли. С родителями в Ленинград переехал, перейдя во второй класс. Остатки детства провел на Петроградской стороне, в доме совсем другого ампира, сталинского. Там меня, между прочим, и переименовали в Петю. Так со многими делали: Васильев становился Васей, Петров соответственно — Петей. Может быть, потому еще, что имелись другие Юры и во дворе, и в школе, а натурального Пети в те времена не припомню ни одного. Разве что в детских радиопередачах слышалось фальшиво-назидательное: «Мы песенку про Петю решили вам пропеть, чтоб не было на свете ему подобных Петь». Дразнили меня часто девчонки этой фигней. Побывал я Петей в разных компаниях, пока они все не развалились. Теперь сам к себе на «Петю» обращаюсь в минуты кризисов и раздвоения личности.

А квартира на углу Гороховой и Фонтанки с конца прошлого, то есть теперь уже позапрошлого столетия принадлежала предкам Беатрисы, которые отнюдь

не Петровыми были. У прадеда, профессора гинекологической хирургии, после октябрьской перестройки ампутировали пять комнат, но три уцелели плюс большая кухня, успешно справляющаяся с обязанностями столовой. В этом доме Бета родилась, росла, играла, читала, мечтала. Во дворе-колодце чудак архитектор воздвиг круглый корпус — трехэтажный цилиндр, покрашенный, как и основное здание, в желтый цвет. Малютке Беатрисе, копавшейся рядом в песочнице, эта кругляшка казалась высокой башней, откуда однажды выйдет принц и позовет ее к себе на самый верх.

Но принца в коммуналках не обнаружилось. А к уже повзрослевшей Бете как-то нагрязнула шумная компашка, и один молодой, с виду застенчивый, а по сути бесцеремонный студент из Техноложки, в отличие от остальных, воспитанных гостей, не удался в положенное время, а задержался аж на двадцать с лишним лет. Сначала мы жили с Бетиными родителями, потом ее брат, наследник гинекологической династии, купил им дачу на Финском заливе, где они ныне и обитают.

Единственный наш птенец вот уже год как вылетел из родового гнезда и живет у своей энергичной подружки на Бухарестской улице. Мы его не стесняем, есть только одно — не требование даже, а деликатное пожелание, чтобы он все-таки кончил университет. Он, конечно, не такой балбес, чтобы оказаться пер-

вым в истории двух семей безобразованцем, но, знаешь, сейчас все свихнулись на идее зарубежного обучения. Богатых родителей у Сашки нет, а склонность к авантюризму имеется. Если выпрут его за академическую неуспеваемость, может обидеться и заявить: здесь меня не оценили, так подамся я в Иерусалим — или же доберусь до Калифорнии, чтобы фасовать овощи в супермаркете и зарабатывать на университет в Стэнфорде или Ю-Си-Эл-Эй. Вот твоя подрастет, тоже столкнешься с этими проблемами...

В вопросах образования мы с Бетой, пожалуй что, консерваторы и патриоты. Совершенствоваться можно сколько угодно и где угодно, но базовое обучение стоит проходить в той стране, где ты собираешься жить и работать. А поскольку ребенок у нас всего один, то его превращения в иностранца я не желал бы. Пускай мы ниже, чем Запад, но произрастать стоит снизу, от почвы, от родного бэкграунда, и после — дорастай хоть до Луны. А нахватавшимся заграничных ультрасовременных вершков потом на родине бывает нелегко заново укорениться...

Да, конечно, у нас с Беатрисой вполне роскошная жилплощадь. У каждого по комнате да еще одна — для раутов и ассамблей. Только раутов мы уже давно не собираем. Почему? Для того, чтобы соответствовать требованиям высшего света, необходимо сделать... Нет, это страшное слово я вымолвить не могу.

И она тоже не может. Мы готовы к любым испытаниям и жертвам, к суме и тюрьме, но пойти на *это*, которое называется «евроремонт»... А без него приличных людей сюда пригласить нельзя. «Что, у вас нет стеклопакетов? Сантехника не итальянская? А паркет с девятьсот пятого года так и не перестилали?» Если вдобавок к этому признаться, что мы ни разу не ездили летом в Испанию или хотя бы в Турцию, то с нами просто перестанут здороваться на улице.

Если кто нам и прощает отсутствие «евроремонта», то это евролюди, то есть иностранцы, с которыми Беатриса дружит по профессии или просто по жизни. Обитатели двухэтажных особняков с садами и с «мерседесами» во дворе совершенно не считают, что все должны жить так же, как они. Некоторые из них, приезжая в «град Петров», останавливаются у нас в бывшей Сашкиной комнате, с кайфом ночуют на тахте, которую, даже по нашим с Бетой понятиям, следовало бы давно выбросить на свалку и сменить на что-нибудь попрстойнее. Но ни одна из наших четырех рук все не доходит. Бета занята исключительно «устройством души», а я... Я душой ее люблю. Вот этим, собственно, и живем.

...Вижу, как кривятся твои губы. Ну стукни меня по голове, если тебе так хочется. Но врать не буду. Если ты меня за бедняка приняла и пожалела, то ошиблась. Я в помощи не нуждаюсь — ни в моральной, ни в материальной, ни в сексуальной. Я себя

чувствую богатым и готов еще богаче стать. И с другими поделиться своими излишками. Это уже особый кураж. Как у миллионера, который заводится, когда чувствует, что может в миллиардеры выйти... Пони-маешь?

Вот так я тебя мысленно дразню. Хотя... Давай лучше о другом.

О чем мы с тобой никогда не говорили — так это о литературе. Ты что-нибудь читаешь художественное? У меня раньше был уровень начитанности выше среднего, я имею в виду для технаря. А теперь поотстал от культуры, в основном детективами балуюсь, причем импортными. Русский детектив для меня все равно что русский автомобиль. Англо-американские производители — они умеют интригу вокруг единого стержня навертеть, и в конце ты видишь, к чему все шло с самого начала. А наши — нет. У наших соединение частей сюжета какое-то агрегатное. Убийство совершено в огороде под бузиной, а убийца — дядька из Киева.

Если же говорить о литературе серьезной, то я на Довлатове остановился. А что теперь молодежь читает? Были у Сашки когда, я подхватил какую-то книжечку с вызывающей картинкой на обложке: два мужика дерутся, причем у одного вместо головы женская грудь с соском, а у другого вместо лица — розоватая задница. Ладно, думаю, такой сюр, значит, те-

перь господствует в оформлении. Два автора у книги, со странными именами: Е. Бунина и Х. Достоевский. Почему такая мода на псевдонимы пошла? Понятно, когда известный человек под маской прячется. Но зачем маску натягивать, когда твоего настоящего лица никто не видывал и паспортного имени никто слыхом не слыхивал?

Открываю на первом попавшемся месте: «...черная выгребная яма вагины». Бр-р-р! Еще на одну страничку заглядываю: «А теперь мы будем ...баться», — сказал Тяпа».

Страшно оригинально. Нет, извините, меня это не заводит, не возбуждает. Это я и так из каждой подворотни слышу. Мне бы что-нибудь тонкое, нежное — как наши с тобой псковские июньские речи...

ТЫ — ТАКАЯ ВЗРОСЛАЯ

Хотя и гораздо моложе меня. У тебя все серьезно, осмысленно. Ты уже тогда, утром, на второй день нашего знакомства, знала, что вечером мне отдашься. Так ведь? Да ты сама и призналась: для тебя весь вопрос заключался только в некоторых календарных обстоятельствах. Я же ни на что не рассчитывал, да и до сих пор не уверен, что это было, что это когда-то свершилось. А с каким достоинством ты потом держалась! В глазах целая бездна открылась, драматизм непритворный. Губы чувственные к моим вроде бы тянутся, а черные зрачки прямо в душу мне уставились и сверлят: «Ты хоть понимаешь, что произошло?» Ох, если бы я хоть что-нибудь понимал в этой новой для меня ситуации!

Да что глаза! Даже попа твоя, бело-скульптурная, и то была исполнена высокомерия. Нет, не дразню я тебя, а честно считаю все твои части красивыми, в том числе и эту. Не то чтобы мне всегда большие нравились, но конкретно твоя — покорила. Такое странное, смешное даже чувство возникло. Все-таки не легкомысленная девочка передо мной, не искательница приключений, для которой с мужиком переспать — что в туалет сходить по-маленькому, а настоящая взрослая тетенька, со сложным характером, с непростой, как говорится, женской судьбой, и я к этому миру допущен. А когда ты начала одеваться, твой мир демонстративно стал закрываться, задергиваться занаве-

сом. Вот, дескать, смотри: все это только что было в твоём распоряжении, но собственностью твоей отнюдь не стало. Здесь все весомое, настоящее, и ответственность на том, кто мое тело трогает, серьезная лежит. Выдержишь ли ты это испытание?

Пожалуй, я не выдержал, но что-то во мне сдвинулось бесповоротно...

С Беатрисой у нас все совершенно по-другому. Мы, кажется, никогда друг друга не стеснялись. Когда я в первый раз к ней прикасался, она как бы говорила мне: «Смотри, пожалуйста, я — это ты, твое продолжение, и нет ничего стыдного, что ты, как растущий месяц, увеличиваешься до полного объема. И я тебя уже включила в себя. Когда? Не знаю, наверное, сразу же, как увидела. Я в тебя не влюблялась ни разу, я сразу же начала к тебе относиться как к части себя. А сама я себе иногда нравлюсь, иногда — нет».

Сегодня — редкий случай — просыпаюсь рядом с пустым местом. Слышу, как Бета чем-то сосредоточенно шуршит. Потом появляется, голая и немножко озабоченная.

— Юрятин, у меня к тебе совершенно бестактная просьба.

Понятно, сейчас речь пойдет о незначимом пустяке...

— Ты понимаешь, я назначила встречу в Публичке с одним старичком-бердяевцем на сегодняшнее утро и забыла, что должна в поликлинику анализ отнести.

Теперь не успеваю. Помоги, а? Что тебе больше подходит: Бердяев или поликлиника?

— Пожалуй, поликлиника.

— Я так и думала. Спасибо тебе огромное. Анализ надо отдать до одиннадцати часов, а потом, если не трудно, возьми у нашей терапевтики мою справку для бассейна, ладно?

Каждому свое. Бета улетает в философские небеса, а я, положив в карман тщательно завернутую плоскую фляжку из-под французского коньяка, бреду в поликлинику. В лаборатории выставляю фляжку на столик, то же одновременно со мной проделывает полноватая блондинка в желтой дырявой майке и лиловых штанишках, очень смахивающих на нижнее белье. Сразу заметно, что, выходя из дома со столь низменной целью, она уж заодно и мыться не стала, и причесываться. Да, неловко как-то этот процесс у нас организован: все наружу. В платных медицинских центрах, наверное, делается культурнее, в индивидуальном порядке и с деликатной секретностью.

Теперь надо подняться на следующий этаж. Народу уйма. Слава богу, к участковой нашей никого — предстоит только немножко подождать, пока зашедший к ней старичок выговорится до конца. Остальная публика — человек двадцать — сидит-стоит, составляя очередь в процедурный кабинет. Каждый приходит со своей ампулой и торчит здесь не меньше полу-

часа для того, чтобы медсестра ампулу надломил, высосала из нее шприцем содержимое и перелила два миллилитра ему в мышцу пониже спины.

Избаловало все-таки людей бесплатное здравоохранение! Если бы за уколы брали деньги, не стали бы пациенты так напрягать медперсонал и занялись бы естественным самообслуживанием. Лично меня нехитрую технику внутримышечной инъекции заставила освоить Бетатриса, ненавидящая очереди. Сказала: будешь мне медсестрой — и я подчинился, научился. Главное — не забыть выпустить из иглы воздух, выбрызнув наружу несколько капель жидкости. В первый раз, конечно, я трепетал от страха, впиваясь железным жалом в маленькую белую попу, которая для меня гораздо дороже моей собственной, а потом уже стал проделывать пронзительную процедуру спокойно, с легким приятным волнением.

Ну, пенсионеры — понятное дело, у них тут своего рода клуб, они приходят лишнее время потратить, покритиковать нынешнюю власть, вспомнить, как хорошо все раньше было... Но деловой молодняк с мобильниками на поясах зачем здесь время теряет? С иглой обращаться не умеют? Не верится. Вот стоит гулливерка с детским личиком и голым животом под сверхкороткой полосатой маечкой. Что ж, нет у тебя мамы-бабушки-сестры, бойфренда, наконец, чтобы за тобой поухаживать? Давай купи в киоске на первом этаже шприц за три рубля, и я на общественных началах тебя уколую прямо здесь, в коридоре. Кстати, и джинсы

спускать не надо, они у тебя гораздо ниже талии начнутся, так что верхний правый квадрант ягодицы уже и так обнажен в достаточной степени...

Вот и наш неунывающий профессионал-маразматики выходит от терапевтики, изложив ей для раздела «Жалобы больного» получасовую эпопею. Ладно, Петя, заходи, хватай справку — и домой!

Кто и что ждет меня дома? Смотрю на наши окна с женскими скульптурными масками над ними. Когда мне доводилось вдруг увидеть лицо Беты в оконном квадрате, а она так же случайно замечала меня, то непременно корчила мрачную рожицу, подражая маске, но, конечно, непохоже: слишком лицо у нее живое... Сейчас за стеклами высматривать некого, а в просторной квартире ждет меня только настольная игра «Сони», постепенно засасывающая в свой плоский серенький корпус весь мир среднего человечка. Как быстро все-таки чудо становится скукой! Когда я учился в первом классе, то один мой приятель был у нас знаменитостью, потому что имел дома магнитофон «Днепр», а другой в отсутствие родителей давал нам потюкать по клавишам портативной пишущей машинки «Эрика» — это тоже была экзотика! Мог ли я вообразить, что меньше чем через сорок лет буду писать на такой волшебной машинке, которая все мои таблицы изображает на экране, а сама тем временем битловскими голосами поет: «All you need is love»?

Лениво поднимаю крышку ноутбука, для начала собираюсь проверить содержимое так называемого «почтового ящика» и думая, насколько приятнее было бы, открывая настоящий, железный почтовый ящик, найти в нем настоящее бумажное письмо в красивом конверте с нестандартной маркой... Но сейчас живых писем никто никому почти не пишет — ящик наш бывает только засорен надоедливymi рекламными листками, которые мы выбрасываем не глядя.

Войдя в Интернет и не успев еще «кликнуть» почту, вдруг читаю на портале среди свежих новостей: *«Сложнейшая операция по разделению 29-летних иранских сестер-близнецов Ладан и Лалех Бижани, несмотря на все усилия врачей, завершилась смертью обеих...»*

Вот ужас! А я-то верил в современную медицину и очень надеялся на благополучный исход, когда впервые этих умненьких близняшек по телику увидел... *«Подробнее...»*? Да что толку теперь от этих подробностей! *«Лалех и Ладан Бижани жили, сросшись головами, имели два мозга в одной черепной коробке, но одну общую артерию, питающую их. Сингапурские нейрохирурги не смогли осуществить мечту Лалех и Ладан, которые с нетерпением ждали независимости друг от друга. Первой скончалась Ладан от большой потери крови, через три часа умерла Лалех.»*

Почему далекая от меня азиатская трагедия так больно кольнула в загурадинную область? Даже не знаю...

СТЕНА...

Помнишь ее в Пскове — древняя, кирпичная, вдоль всей улицы Свердлова? В первый день кто-то из псковичей нам поведал, что до революции улица называлась Стенная. Теперь энтузиасты-краеведы хотят вернуть старое имя, а коммуняки в городской администрации сопротивляются. Логики никакой: все они вроде бы даже антисемиты, а еврей и палач Свердлов меж тем оказался для них роднее, чем русская старина. Я тогда шагал с тобой рядом и довольно банально сострил: «Стенная улица, то есть получается Уолл-стрит?» И ты вдруг звонко засмеялась, из чего я заключил, что ты ко мне, кажется, уже расположена и что, пожалуй, стоит продолжить ухаживания. А потом, перед самым отъездом, мы вдоль той же стены гуляли вдвоем. И, как мне кажется, оба почувствовали: стена-то, к сожалению, кончается. Вот сейчас, в эту звенящую минуту, она защищает от мира наши хрупкие, только что начавшиеся отношения, а что дальше?

Ясно одно: если что-то еще будет, то уже не в Пскове. Другой нужен древний город. Подумал — и испугался. Ведь кто-то мысли мои сейчас прочитал-подслушал — и меры принял.

И точно. Прихожу в свое бюро, а там извещают:

— Тут у нас две заявки на сотрудничество: Нижний Новгород — раз, Великий Новгород — два

и Новгород-Волынский — три. Ну, Волынский, наверное, отпадет, потому что это Украина. А из тех двух надо выбирать. Что скажете?

— Мне больше импонирует Новгород нормальный, как он там — ну, не нижний, а верхний Новгород.

— Мотивы? В Нижнем ведь такая база экономическая.

— А в том, в другом, — больше динамики, и по данным самого последнего времени...

— Хорошо бы эти данные быстренько собрать. Вы не могли бы подъехать туда на следующей неделе? Посмотреть спокойно, не фуфло ли все это. Они себя подают эффектно, но кое-что все-таки вызывает сомнения...

Да, с сомнениями пора покончить. Вечером набираю новгородский код и коротенький пятизначный номер: «Петербург беспокоит...» Честно говоря, я забыл, какими словами ты мне ответила. Но — до слов... Перехват дыхания на полсекунды был настоящий. Нет, это не фуфло.

Хочется еще раз услышать в телефонной мембране эту гулкую женскую глубину. Узнав на Обводном расписание автобусов, звоню снова. Ты сразу же, по деловому, спрашиваешь:

— Это который в одиннадцать прибывает?

— Неужели ты меня встречать собираешься? Спасибо, но стоит ли?

— Конечно, не стоит. Просто я утром от нашей фирмы буду тусоваться с московскими VIPами в гостинице «Русь». А у тебя какая? «Садко»? Да, это не шик. Значит, так, возьмешь такси или частника за полсотни, минут за пять-десять доедешь. И будешь сидеть в этом «Садко», пока я не приду и тебя не выпущу.

...И ВОТ СИЖУ

Сижу как дурак уже полчаса, подчиняясь твоему приказу. У себя дома, между прочим, за двадцать с лишним лет я ни одного такого распоряжения не слышал. Только просьбы, причем с неизменным «пожалуйста». Обязательных и срочных поручений у меня нет никогда. Ты не купил хлеба? Ничего страшного: раз нет хлеба, будем есть пирожные. Если я забыл пропылесосить ковры или, собравшись это сделать, вдруг заговорился по телефону, то через минуту Бета уже сама негромко гудит, безо всякой демонстративности. Потому что у нас совершенно все равно, кто что сделал или не сделал. И вообще все можно отложить на завтра и на послезавтра.

А по своей доброй воле я готов делать что угодно. Готов высматривать в магазинах краску для волос «Лореаль экселанс» номер четыре пятьдесят четыре, а потом, уединившись с обнаженной женщиной в ванной, выдавливать эту чудовищную зловонную эмульсию из пластмассовой бутылочки на раздвинутые маленькими ручками тропинки между прядями рыжеватых волос. Готов при случае прихватить в супермаркете экономичную упаковку «Олдэйз нормал»: предметы женской гигиены у меня брезгливости не вызывают. Как там в детстве мы декламировали: «Да здравствует мыло душистое, и полотенце пушистое, и зубной порошок, и густой

гребешок!» Разве «прокладки на каждый день» не из того же ряда?

Но — повторяю — на родине моей я все делаю только по своему желанию и усмотрению. А в Новгороде этом меня сразу связали по рукам и ногам. И что характерно, в хомут сам впрягаюсь, сам на себя пристроил дамское седло и жду, когда пришпорят. Вспомнилось вдруг: мы на четвертом курсе проходили практику в закрытом «ящике», и завлаб Василий Осипович (элегантный такой мужичок, под синим халатом белая рубашка и галстук, усы что твой Мопассан) за бутылкой объяснял нам смысл жизни: «Счастлив тот, кто с женой живет как с любовницей, но плохо тому, с кем любовница обращается как жена». Первую часть этой мудрости моя жизнь подтвердила на все сто. Неужели теперь мне предстоит прелести второго пункта?

Нет, ну это надо! «Сиди в этом “Садко”!» Действительно, распоряжается мной, как супруга, от которой впору сбежать на сторону. Идиотская народная песенка в голове закрутилась: «В каюте класса первого Садко, почетный гость, галоши рвет об голову, на всех срывая злость». Правда, про «галоши» мы пели в третьем классе, а становясь старше, заменяли это слово на «гондоны»...

Мне уже есть, между прочим, хочется. Из дому вышел чуть свет, Бету не будил, завтракать не стал —

глотком воды ограничился. Спуститься в ресторан? Боязно... Вдруг ты придешь? Чего доброго, не захочешь меня разыскивать и светиться перед общественностью. Ладно, поголодаю... Но вот уже и шаги по коридору...

Растерянные губы, тревожные глаза. А руки властные, сразу в кольцо заключают.

— Ну прости, мне так стыдно... Я готова на все, только чтобы ты не сердился...

Что вкуснее всего натошак? Кефир? Апельсиновый сок? Чашка крепкого кофе? Нет, пожалуй, все-таки утренняя женщина, еще сохраняющая ночной покой и свежесть пробуждения, но уже успевшая разогреться, пережить парочку эмоций и от них завестись...

В прошлый раз ты была молчалива. А сейчас — «Ах, как это здорово!» Странное словечко — может, это та самая самка в тебе говорит и относиться это может к любому партнеру? И все равно меня тянет к тебе, в тебя...

— Как тебе мой турецкий загар?

— Никак. Он только грязнит женщину, как жадные взгляды восточных мужиков. Надеюсь, он скоро с тебя слезет, смоется. Хорошо, что главные части тела уцелели. Только их буду целовать.

— Он еще и позволяет себе критику. Как же я ошиблась, храня чистоту! Знала бы — отдалась

красивому турку. Один был такой прелестный, все время нам с Наташкой бесплатные сласти к кофе подкладывал. Водил в дом показывать коллекцию оружия на стенах и, на широкий диван показывая, говорил, что это очень, очень удобное место. А я вот пришла тесниться на односпальной кровати...

Ты смотришь на часы:

— У нас еще сорок минут. Быстренько попитайся, и пойдем. Хочу показать тебе самое мое место.

Она появляется незаметно, такая простая, невысокая, но ошеломляюще пропорциональная, ладненькая. Просто идешь, идешь — и встречаешь ее на улице, ее так и называли здесь — «уличанская».

Белый куполок с черной шапочкой, а изнутри в нем — лик, Феофаном Греком изображенный. Смотрительницы у тебя знакомые, и они разрешают подняться по аварийно опасным лестницам к самому верху. Лицом к лицу с Пантократором. Ни в одном из посещенных храмов я не испытывал такое простое ощущение величия и значительности жизни. Ты рядом, но я о тебе забываю. И о себе, и о том, что между нами происходит.

— В двух шагах отсюда я родилась. И, сколько себя помню, видела ее каждый день.

Совсем рядом с этой церковью Спаса Преображения местный олигарх соорудил особнячок, что вызывает у некоторых идейно-классовую ненависть.

Но и раньше же здесь купцы дома строили. Спасителя опошлить невозможно, а олигархову семью эта пространственная близость, глядишь, и преобразит, изменит к лучшему.

Ну а теперь что? Побежали каждый своим бизнесом заниматься? Ведь какая у нас теперь цель жизни? Укреплять благополучие хозяина своего. С тем, чтобы он в конце концов продал успешное дельце и уехал доживать свое долголетие на виллу в каком-нибудь Биаррице. А новый владелец возьмет на наши места новых людей — отличная перспектива! Но мы же еще молоды, черт возьми! Можем все начать сначала — как начали всего полтора месяца назад целоваться, а теперь уже продвинулись до открытости и раскованности, возможной только между очень близкими людьми. «А что это у тебя здесь?» — «А что ты сейчас чувствуешь?» — «Нет, я хочу не так, а совсем по-другому». Такие простые, всем знакомые слова — как ноты, из которых выпевается несложная, только нам двоим известная, тайная мелодия.

Но не получается у нас целой оперы, то есть полной ночи, с засыпаниями и пробуждениями, с актами и антрактами, с дуэтами, сольными фиоритурами и уходами за кулисы...

— Ты из-за мужа остаться не можешь?

— Нет, из-за Наташки. У нас с ней договор: я всегда ночую дома, и она тоже.

— Постой, сколько ей лет?

— Четырнадцать. Нет-нет, у нее не мужчина, у нее община, где многие остаются на ночь, а некоторые просто живут.

— Твоя дочь в секту угодила?

— Ну почему секта? Христиане-евангелисты. Ничему плохому ее не учат. Хорошее знание Евангелия еще никому не повредило. А то, что ей там какие-то принципы диктуют, что-то навязывают, свободу ее ограничивают, так воспитание всегда таким бывает. Уж не хуже комсомола нашего бывшего, а какую-то школу единства, единения каждый человек в молодости проходит. Самые распрекрасные родители не заменят этого.

Вспоминаю, что Сашка наш тоже в этом возрасте иногда не ночевал дома. А у него это единство-единение пострашней было. Байкеры! До сих пор нас с Бетой от этого слова в дрожь бросает. Как и от бьющего по нервам шлагера: «Ма-та-цикал, мой ма-та-цикал!» А уж смотреть на двух юнцов, слившихся в безумном объятье и несущихся на своей дребезжалке прямо в ад... У этой езды нет разумно-утилитарного оправдания, это сложная форма самоубийства. Когда лучший Сашкин дружок пополнил список жертв жуткого увлечения, мы пережили это со всей серьезностью, хотя и эгоистически крестились, что нашего миновала чаша сия. А он, слава богу, тут же от гибельной страсти излечился...

Да, ночи новгородской не получилось, зато хоть удалось с тобой на парходике прокатиться по Ильмену. Ветер холодный подул, мы стали обниматься, но этого мало было, чтобы согреться. И вдруг выясняется, что капитан судна по совместительству еще и буфетчик, готовый налить нам по сто граммов местной красной водки «Юбилейная», притом за смешную стоимость.

Хватило, чтобы начать целоваться, не стыдясь ни окружающих, ни возраста своего. Когда проплываем мимо пляжа, произношу вслух:

— А в купальнике я тебя никогда не видел.

— Увидишь еще. Если мы будем вместе...

Вот и приплыли...

На набережной Волхова разговор поворачивается так в эту неминуемую сторону.

— Юрочка, неужели ты не понял еще, что мы с тобой созданы друг для друга? Мне это уже в первую нашу ночь ясно стало, просто я тогда повыпендривалась немного для приличия. Стоило нам друг к другу прикоснуться — и мы в одно целое слились. Такая безбарьерность, что ли... Прямо не знаю, как назвать, потому что слов для этого редкого случая люди не придумали...

Вечер на город спускается, и солнце словно все в тебя переместилось: глаза сверкают, щеки пунцовеют, не женщина — огненный шар со мной рядом шагает.

— Ты пока помолчи, дай мне выплеснуться до конца. Да я просто поверить не могу, что в твоей жизни уже встречалась такая фантастическая гармония. Я тут за два дня до твоего появления ехала в автобусе. Жара, тесно. Стою, и вдруг лицом к лицу со мной паренек обнаруживается. Возраста, наверное, твоего сына. А одет — точно так, как ты тогда в Пскове: светлые брюки и синяя рубашка с крокодильчиком. И достал меня этот крокодильчик: я сразу настолько тебя всего вспомнила и почувствовала, что глаза закрыла, руки на груди сложила и вот-вот рухну на пол. Молодой человек за меня испугался, спрашивает: «Женщина, что с вами?» А женщина просто кончила, посреди бела дня, в общественном транспорте...

Но как я — это не важно. Для меня самые радостные мгновенья — это когда ты кончаешь. Ты ведь весь во мне растворяешься и всю меня заполняешь — от пяток до макушки, я даже в кончиках своих пальцев твое присутствие чувствую. Ни в какой «Камасутре» не описано ничего подобного.

Может быть, твоя жена и ангел во плоти, но ты-то, я вижу, на ангела совсем не похож. Конечно, это красиво: интеллигентные, деликатные отношения. Только секс у вас, по-моему, какой-то подростковый...

— Да что ты знаешь про наш секс?

— Все! Я все про тебя знаю. И понимаю тебя в сто раз лучше, чем ты сам. Разве такой участи ты достоин! У жены-философа работаешь помощником по хо-

зайственной части... Из уважения к культуре собственную жизнь пропустил. А со мной ты полностью раскрепостишься, всех крутых круче будешь. Мы же с тобой оба такие быстрые, контактные, изобретательные. Да мы, если соединимся, лет через пять-шесть можем стать как Лужков и его жена... Ну что ты смеешься, дурачок? Ведь такая редкая возможность открывается перед тобой. И передо мной. Господи, если бы я к своему мужу испытывала хотя бы сотую долю такой любви...

Отмолчался я. Отнюдь не в знак согласия. Но и сопротивления не оказал. Как можно противиться такому светлому и дурманящему напору! И потом — перевернулись тогда все мои представления о любви, обо всем на свете. Мир передо мной кувырок совершил и встал на голову.

Я человек простой: честно верил в народную мифологию, согласно которой свою единственную «половинку» можно встретить максимум один раз в жизни. Большинству людей настоящая любовь вообще неизвестна: женятся они по необходимости сексуальной, с целью деторождения и совместного ведения хозяйства. А уж у кого приключился брак, зарегистрированный на небесах, тот должен успокоиться и беречь свой счастливый билетик от посторонних посягательств. Оказалось же, что небеса очень просторны, что даже для вполне обыкновенного мужчины там

может найтись не одна такая идеальная половинка. Может быть, и две — не предел возможностей...

Один мой приятель, оказавшийся в сходном положении... Тьфу, каким пошлым языком я заговорил! Никогда не сравнивал свою личную жизнь с чьей-нибудь. С Беатрисой у нас все так не похоже на других было. И то, что с тобой, тоже не называется чужими, готовыми словами. А приятеля вспомнил, потому что он *это* тумблером называл. Возвращаюсь домой, говорю, уединяюсь на минуту в своем кабинете, переключаю там тумблер и выхожу к жене совсем другим человеком.

Нет, дома у меня нету такого места, где я мог бы отделиться от Беты. Уже и Гороховая вся, особенно в вечернем варианте, ею пропитана. Переключение следует произвести на коротком отрезке от Витебского вокзала до угла. Ну и где у меня этот тумблер? Нажмешь еще не на то — и взорвешься, к чертовой матери!

ЖИЗНЬ...

Жизнь-женщина раньше смотрела на меня десятками глаз, от которых было и тепло, и светло, и уютно. А теперь у меня только две жизни. От остальных бегу как черт от ладана.

Проблемная группа наша по тому самому стимулированию все-таки собирается раз в месяц на Васильевском острове, и там у меня, помимо прочих интересов, есть маленький флирт. Катя, с глазищами-океанами. Сначала, сразу после школы, она за секретаря была, а теперь уже диссертацию пишет экономическую и извлекает какую-то чисто научную пользу из наших, теперь уже неформальных, встреч.

Помню, как-то она мне рассказала дамскую шуточку: «Не люби холостого: он ни на ком не женился и на тебе не женится. Не люби разведенного: он одну жену бросил и тебя бросит. А люби женатого: он свою жену любит и тебя будет любить». И смотрит на меня красноречиво. Лестно это мужику, не скрою. Но мне приятнее было о Кате думать в будущем неопределенном времени. Грубых фантазий никогда не строил. Я тебе говорил, да? Что если к женщине-девушке-девочке человеческую симпатию чувствую, то мне стыдно ее мысленно раздевать. Ну а всякие лапанья-хапанья — это совсем не по моей части. Мне приятно было иметь в перспективе встречу с девушкой, тем более что с ней и поговорить о многом можно.

Все семейные тайны она мне за это время доложила.

— Когда мои родители приблизились к сорока пяти годам, начались неминуемые сложности. Папа — человек публичный, влиятельный, с большой харизмой. Хорошо задружился с одной молодой депутаткой законодательного собрания. Думаю, по деловой необходимости. А мама — она ведь красивая, даже роскошная женщина, отлично сохранившаяся, ну, в общем, я в нее пошла — так вот она на этом пустыке поскользнулась и дала слабину. Идет как-то разговор на повышенных тонах, так что даже через наши надежные каменные стены я в своей комнате слышу: «Изменял ты мне? Скажи: изменял?» Думаю: мамочка бедная, зачем ты такое глупое, бессмысленное слово повторяешь? Кто, кого, кому, с кем и что может изменить в этой жизни? Ну а если такой вопрос может быть в принципе задан, то ответ однозначен...

...А я сама была безумно влюблена в зятя, в мужа старшей сестры. Это был первый мужчина, который на меня как на женщину посмотрел. И, пожалуй, с ним и состоялся первый поцелуй — под видом родственных отношений. Он то и дело шутил, что ошибся слегка, перепутал сестер — тем самым сеял во мне большие и глупые иллюзии. И вот как-то вечером мама голосом диктора, читающего некролог, извещает: «Катюша, Таня с Сережей разводятся. И Сережа выступил с более чем странным предложением...» Мне как раз тогда восемнадцать исполнилось, и на долю

секунды я успела ощутить себя невестой. Но, увы, странное предложение касалось квартиры, которую зять возмечтал себе взять и жить там с новой бабой, а от Тани хотел откупиться деньгами на покупку другой жилплощади. Я пошла к себе в комнату, легла и зарыдала. Через час пришла сестра и, тронутая моей реакцией, начала успокаивать: мол, у нее давно есть другой мужчина... У меня самой потом, конечно, были мужчины разные, я себе все позволяла. Но так глубоко, как Сережа, в меня никто не входил...

Честно говоря, насчет «вхождения» я не очень понял, что именно имеется в виду. Ладно, думаю, это еще прояснится по ходу новых признаний. И вот, представь себе, последняя встреча с Катей на Васильевском вместо привычного взбадривания принесла мне только энергетический убыток и чувство какого-то глобального сожаления. Вдруг заметил я, что у нее, кроме глаз, имеется еще и тело женское, которое пахнет не только свежестью и молодостью, но и ответственностью. Это пашня, требующая плуга, работы, а не прогулок по ней. А какой сейчас из меня пахарь! И она это в момент почувствовала. Мы на отвлеченные темы говорили, а у нее к концу глаза повлажнели, и ушла она неожиданно, когда меня кто-то отвлек. Обычно ведь ждала, чтобы прогуляться вместе.

Да о чем я говорю... Катя Катей, у нее своя юная жизнь. А в наш дом проникла новая грусть. Сначала-

то мои путешествия, как мне показалось, на пользу пошли, веселее у нас сделалось. Бета говорит: «Ну вот видишь: надо выбираться куда-то. Не обязательно в Париж или Рим, ближайшие областные центры тоже годятся для того, чтобы внутренне обновиться. На тебя теперь даже посмотреть приятно, на настоящего мужчину стал похож».

А потом вдруг — обвал энергетический, причем у нас обоих одновременно.

В чем я абсолютно уверен: Бета мне прямого вопроса никогда не задаст. И себе не задаст, не станет строить догадок. Но женщина ведь столько всего переживает на подсознательном уровне...

Вчера снится мне, что Беатриса домой вечером не вернулась и я отправился ее искать. Всю Фонтанку прошел, на Невский свернул. Прохожие на меня смотрят сочувственно, а один говорит: «На Дворцовой надо искать, на Дворцовой». Прихожу на площадь, там уйма народу, но, конечно, нет ее в толпе...

...Открываю глаза, а ее нет рядом. Холодею, вскакиваю с постели, иду в кабинет, где сидит она за столом над бумагами своими, сделав из ладошек подставку и подбородочек в нее уперев.

— Ну что ты, Беточка? — Обнимаю ее, сердце заходится.

А она как бы оправдываясь:

— Ничего, ничего. Заблудилась я в небе — что делать?

Господи, да она же профессиональная мученица! Страдание избрала в качестве основной работы. Ведь что такое философией заниматься? Для большинства это значит повторять идеи других, авторитетных философов, составлять букеты из Канта, Спинозы и Фуко какого-нибудь. А Беатриса сама своими ножками в небо ходит, высматривает, как мир устроен, и объясняет по-своему. И лишь несколько человек в этом до сих пор необъясненном мире могут воспринять ее идеи. Как же там холодно, в ее космосе! Когда вместо скафандра на нежном тельце только ночная рубашка с кружевом на груди...

А я что делаю? Смертельно опасно последнее тепло из дома нашего выпускать, выносить! Ну и, конечно, не в том проблема — удастся или не удастся что-то там утаить... Меня вот какие страшные догадки посещают: неужели за мои нечаянные радости, за те свежие ощущения, что я недавно испытал, расплачиваюсь теперь муками Беты? Да нет же, когда я из Пскова вернулся, она так радостно меня встретила, и потом полная гармония царила в доме нашем. Может быть, все-таки причина в непомерном для женщины умственном напряжении да еще в непонимании завистливых коллег?

На этот вопрос мне никто никогда не ответит. Мужчина может рассуждать по принципу раздельности: на службе у меня сейчас не ладится, зато какую бабу я недавно... А женщина живет всем сразу: рабо-

та, семья, материнство, дружбы и флирты — у нее все связано, сплетено в тугую косичку, и напряжение чувств проходит не по отдельным нитям, а по всему жгуту. Когда женщина счастлива, мужчина от нее заражается, заряжается всем этим цельным, толстеньким и разноцветным сплетением. Но в тяжелые минуты судьба вас, бедняжек, бьет куда попало тем же самым тугим жгутом. Как защитить вас, как заслонить от этой стервы?

...Я тогда попробовал тобой успокоиться, воспоминаниями. Нет, совсем не эротическими — это было бы кощунственно. Я вспомнил утро, кремль ваш новгородский. Встречаемся мы с тобой у памятника тысячелетию России, чтобы пойти к пристани и прокатиться на парходике. И ты мне показываешь пальчик забинтованный. После чего следует долгий, с массой подробностей рассказ о твоём песике, той-терьере по национальности.

— Вчера играю с ним, как обычно, и палец ему в пасть кладу. А он его потихоньку посасывает и вдруг — раз! — прокалывает зубами. Я даже вскрикнула, а он так хитренько на меня взглянул, отчетливо мне глазками-бусинками говоря: «Это тебе, сучка, за твои блядки». Очевидно, тонкое собачье обоняние уловило присутствие на мне частиц постороннего мужчины. Ну что с ним сделаешь? Бульдога или боксера полагалось бы за это поводком отстегать.

А такого малютку даже не пошлепаешь. Обиделась я на него — смертельно. Буду игнорировать мерзавца до тех пор, пока он слезами не умоется...

Припомнил этот монолог, улыбнулся — и проспал довольно невозмутимо до половины девятого. Спокойствие мое и Беатрисе передается, она за завтраком ненатурально дурачится, улыбается не только губами, но и глазами. Знаешь, что такое настоящая женщина? Это такое существо, в котором грусть и радость ритмически чередуются где-то в глубине, без связи с внешней жизнью. То есть радуется она не потому, что хорошо покушала, или хорошо с мужчиной расслабилась, или купила удачно шмотку-бирюльку. Нет, это внутри у нее свет рождается, и она его начинает излучать. И так же природно, естественно грусть на нее находит — как закат вечерний. Большая удача — хотя бы одну такую женщину-природу встретить, а уж целых две на одного мужика — явный перебор.

Едва Бета за порог, как наша тихая квартира оглашается настойчивым непрерывным звонком. Только из Новгорода может идти такой пронзительный, требовательный звук. Иду-иду. Усаживаюсь уютно у телефона, собираюсь осведомиться насчет твоих сложных отношений с ревнивым песиком, а ты — прямым текстом, без предисловий:

— Не могу без тебя. Мне руки твои нужны, твои губы. Я совершенно сумасшедшая: то плачу, то смеюсь, про все забываю. Мой школьный друг, психи-

атр, посмотрел на меня и говорит: «Твоя болезнь лечится немедленным посещением места, где собака зарыта». Ну, я ему сказала где. Он говорит: давай на машине свезу тебя туда, заодно навещу своих. В общем, завтра где-то между десятью и одиннадцатью буду у своей подруги. Запиши номер...

До сих пор мне не приходилось врать Беатрисе. А тут... Суббота ведь завтра...

Накануне вечером Бета начинает со мной советоваться по поводу семинара в Выборге, который именно в субботу имеет быть: да, сама жизнь подыгрывает не морали и нравственности, а...

— Мне невыносимо больно находиться в этой среде. — Бета сетует. — Но не приходить туда — значит сдаться, признать свое поражение.

— Если они добиваются, чтобы ты ушла с философского небосвода, не стоит им облегчать задачу.

— Как ты все понимаешь! Жаль, что не могу взять тебя с собой. Я уверена, ты со мной готов хоть в пекло, но принуждать тебя слушать их доклады... Нет, я не садистка все-таки. Поприсутствую завтра до вечера, а на второй день оставаться не стану. В общем, еду.

Первый раз я дал Беатрисе совет, исходя не только из ее интересов.

ДЕНЬ И НОЧЬ

— Юрок, давай лучше вечером. Если я грустная вернусь, ты меня утетишь. А если развеселюсь, то и тебе от моего куража перепадет. Ладно?

Касаюсь губами двух любимых симметрично расположенных точек и отпускаю Бету — мыться, собираться. С ней малейшая неискренность не проходит: тщетной оказывается моя попытка успокоить в себе самца на день вперед, а потом поиграть с новгородской гостьей в нравственные устои.

Через пару часов, посадив Беатрису в поезд, звоню с Финляндского вокзала твоей подруге. Она почему-то тебя к телефону не зовет, а почти официально приглашает: «Мы ждем вас к двенадцати». Почему «мы»? Да не надо мне объяснять, как добраться до Съезжинской. Сказали бы лучше, что за встреча планируется с участием третьих лиц. Ладно, придется пешком двигаться, чтобы время до двенадцати как-то занять.

Места все более чем знакомые. Кого только я не навещал в Военно-медицинской академии! В советское время очень модно там было оперироваться. Вот гостиница «Ленинград», которую все еще трудно назвать «Санкт-Петербургом». Когда, в каком году охватил ее огонь всепожирающий? Марина Влади из окошка умело прыгнула на пожарную лестницу. А Высоцкого при ней тогда не было, он уже в раю проживал. Самостоятельная женщина.

Что только в голову не лезет! С корабликом на том берегу готов разговаривать: что тебе снится, крейсер «Аврора»?

Миную улицы своего детства. На Кронверкском, погрузившись в раздумья, чуть не попадаю под трамвай: да, Петя, допрыгался!

Но места эти мне нравятся. И подруга твоя ничего. Любезная без приторности, участливая без любопытства. Проводит на чистенькую кухню, предлагает чаю-кофию и докладывает:

— Ей по дороге совсем плохо стало. Я ее уложила, сейчас посмотрю: может, проснулась уже... Да, заходите, она вас ждет.

Ты лежишь в постели, как настоящая больная. И сорочка на тебе какая-то больничная: неужели с собой привезла? Или эту одежду подруга выдала? Но что в тебе самое трогательное? Не пойму сразу. А, вот в чем дело: лицо совершенно не нарисованное, без малейшего макияжа. И еще замечаю, что в парикмахерскую ты перед отъездом не заглядывала: волосы у корней не покрашены, из чего я могу заключить, что ты у меня темно-русая по происхождению. В твоём возрасте да в таком натурально-беззащитном виде предстать перед мужчиной — это нечто! Может быть, ты действительно серьезно заболела? Придется входить в роль лекаря.

— Ну, давайте посмотрим, где у вас болит. Рубашечку приподнимите, пожалуйста. Здесь?..

...Только вот кровать у подружки действительно рассчитана на немощных пациентов. Качается, как корабль на волнах. И уровень скрипа превышает все нормативы.

Одеяло убежало, улетела простыня... А монашеская сорочка давно на полу лежит. Давай хоть поправим немножко и поговорим спокойно.

— Нет, спокойно не будем. Мне этого мало. Я хочу с тобой хотя бы одну ночь прожить. Можешь дома наврать что-нибудь?

— Чтобы врать, я никогда еще не врал. Я умею только тактично умалчивать. Бета мне будет звонить по мобильному домой, и тогда дальнейшее прояснится.

— А ты почему без мобильного ходишь?

— Он у нас один на двоих, мы же почти всегда вместе.

— А зубная щетка у вас тоже одна на двоих? Ну и парочка! Прямо сиамские близнецы. В цирке вас надо показывать. Или в зоопарке.

Совсем обнаглела девушка... Свирепо молчу и думаю: вот за это — ответишь. Но ты уже ничего не ображаешь:

— Ой, прости, прости! Хочешь, на колени встану? Пожалей идиотку: меня же сюда психиатр привез, следующая дорога — только в дурдом.

Продолжаю с тобой обращаться как с больной. Вывожу погулять вокруг дома, доставляю обратно.

А сам останавливаю частника — и на Фонтанку. Сажусь и начинаю ждать звонка. Последнего звонка в этой психодраме. Встречу Беатрису, а завтра выберусь из дома ненадолго, чтобы поговорить с тобой и, не раздеваясь, в Новгород проводить. Надо наконец стать мужчиной и взять ситуацию в свои руки.

На автоответчике пусто. Это хорошо: мне сейчас нужна натуральная Беатриса, а не ее фонограмма. Долго ждать не приходится: спокойный, уравновешенный звонок входит в родное пространство минут через десять.

— Юровский мой любимый! Тут неожиданно оказались люди. Мне просто неприлично одного человека доклад не послушать, более того: это может быть интересно. Ты уж поскучай до завтрашнего вечера...

Легко сказать: поскучай... Звоню другой женщине, предельно спокойным голосом извещаю, что ночь впереди. В ответ — радостный вопль. Что-то ты быстро, голубушка, поправилась. Не соврала про психиатра? Где справка из диспансера? Ты уже готова сама передвигаться и встретиться со мной у какого-нибудь метро. Ладно, давай у «Сенной».

Стемнело. Веду тебя в сторону канала Грибоедова, потом по совсем неинтересному и мрачному переулку Гривцова. Ты раньше меня осознаешь, что я тащу тебя в сторону, противоположную моему домашнему пространству. Ну, не обижайся. Давай не

будем смешивать два мира. Пусть твоей будет — ну, хоть открывшаяся нам Исаакиевская площадь. Вот «Англетер», недавно восстановленный...

— Это где Есенин повесился? Спасибо, трогательное место.

— Сегодня, чтобы там повеситься, знаешь сколько за номер надо заплатить? Выгоднее в живых остаться. Давай лучше поэта помянем в ресторанчике, вот и меню в витрине вывешено. Цифры вполне приемлемые.

Ты, однако, обращаешь мое внимание на то, что цены указаны, по-видимому, в долларах. А, ну тогда конечно... Опять-таки — не похожа ты, девочка, на сумасшедшую: считать умеешь очень даже неплохо.

Выходим на Невский, и все мне никуда тебя затащить не удастся. Привыкла ты к своим деревенским ценам, а тут все-таки столица. Отдаю должное твоей деликатности, но не такой я нищий, чтобы с девушкой в «Лайму» идти. Подожди, давай обсудим. На памятник Пушкину, на Русский музей ты должна, как культурная дама, взглянуть? Тогда нам прямо и направо.

Идем — и там я уже категорически решаю:

— Вот «Бродячая собака» историческая. Сам я ни разу в ней не был, ждал, когда ты у меня появишься.

Раздеваемся в гардеробе — здесь уютно, солидно. Я, честно говоря, терпеть не могу нового обычая, когда в кафе и ресторанах раздевалок нет, когда верх-

нюю одежду все валят куда попало. Говоришь, за границей так почти везде? Ну, у них все-таки преобладают тоненькие курточки да плащики, а не дубленки и каракулевые шубейки. А главное — сам ритуал пропадает, торжественность. Когда я с дамы снимаю пальто-манто, чтобы гардеробщику передать, уже между нами начинается нечто. Она, поворачиваясь спиной, мне как бы доверяется, степень близости взглядом не контролирует — и в то же время атакует меня своим ароматом, провоцирует новым туалетом, который скрывался под пальто. Вот и ты, моя дорогая, несмотря на все отчаяние, надушиться не забыла, да и эффектную кофточку с блестками предусмотрительно везла в психиатрической машине. В зеркало так долго смотришься, что я тебя к нему начинаю ревновать.

Цифры цен крупнее, чем в «Англетере» с «Астори-ей». Но — в рублях. Заказываем что-то историческое, якобы то же самое подавалось в 1912 году. Но все здесь, конечно, новодел, имитация. Рассказываю тебе про бывшего друга Леву — большого знатока литературных мест. Коронный маршрут у него был — обойти с бутылкой по очереди дома Раскольников, старухи-процентщицы и Сони Мармеладовой, выпивая на каждом из объектов. Потом народ опошлил все эти пункты массовыми посещениями, и там стало неинтересно. Пустились мы вслед за Блоком бродить по значным местам. А в последний раз, пом-

ню, Лева привел нас во двор вот этого самого дома, здесь начался уже ремонт, двери были настезь, но друг наш точно указал местонахождение подлинной «Собаки», и где-то на разбитых временем, забрызганных известью ступенях приобшились мы к истории отечественной богемы...

Ударяем мы с тобой по «Русскому стандарту» — и тут же занявшие свои места музыканты начинают на чудной манер исполнять придурковатыми голосами «Не жалею, не зову, не плачу...». Смотри-ка, Есенин передумал вешаться и за нами сюда последовал. Нам хорошо. Здесь и сейчас. Но ты первой вспоминаешь, что неминуемо настанет «там и потом». Достанешь из сумки мятую пачку с двумя расплюснутыми сигаретами, подзываешь официанта, чтобы он тебе чиркнул зажигалкой. Куришь ты не просто некрасиво — безобразно. Не затягиваешься по-настоящему, а весь дым направляешь в морду собеседнику. Я сразу понимаю демонстративный характер этой дымовой атаки. Тогда, в Новгороде, помнится, прозвучало: «Будешь со мной — я и курить брошу, и вообще... Ты даже представить не можешь, сколько я всего для тебя сделать способна».

— Нет, все-таки я тебя не понимаю, — опять загораешься ты. — Ты ведь в маргинала превращаешься на глазах. Контора твоя в любой момент может медным тазом накрыться, и тебе опять придется начинать с нуля. Что в твоём возрасте не так просто.

Это для меня ты вечно молодой и самый желанный, а для большинства работодателей... И как ты собираешься на старости лет жить? Вы с супругой своей сладенькой об этом говорите когда-нибудь по-честному? Ты вот считаешь, она умнее тебя. Не сомневаюсь! У нее-то все очень разумно. При ее профессии даже в бочке можно жить, как Диоген или кто там. Особенно когда под боком имеется неженский мужичок: так вылизет всю, что и мыться не надо...

— Девочка моя, я в таком тоне не могу...

— Да при чем здесь тон! Я тебя вытащить хочу из бочки. Это жenuшке твоей туда могут лавры принести, если у нее терпения хватит. А тебе-то ничего не достанется даже в случае ее успеха. Старик у разбитого корыта окажется, а не старуха. А у нас с тобой такой шанс возникает... Эту квартиру на Съезжинской я у Веры могу перекупить по божеской цене — она сама к родителям перебирается. Так что новую жизнь ты и в Питере можешь начать, кровать только там сменить придется. А в Новгороде у меня мама одна в большой квартире. Я ей уже про тебя рассказала, она меня очень понимает. Вот прямо посадила бы тебя в машину и к маме отвезла, а там разберемся со всеми как-нибудь...

Тебя опять понесло, поэтому включиться в твой монолог у меня нет возможности. Столь зажигательная речь не может не вызвать ответного пережива-

ния: какие-то доли секунды я мысленно пожил уже и у Веры, и у мамы твоей побывал — хорошая мама, тактичная и заботливая. Но и со Съезжинской, и из Новгорода — бегом, пешком, ползком снова устремился на свою Фонтанку.

Словно угадав ход моей мысли, да не мысли — чувства, ты выкладываешь последний, отчаянный козырь:

— Знаешь, я даже согласна, чтобы ты с ней встречался — столько, сколько тебе нужно. Пусть будет твоей постоянной любовницей, эта роль ей больше подойдет, чем роль жены. А я уж потерплю.

После ужасной, поразительной по бесстыдству реплики мне хочется поглядеть тебе в глаза, но не удается: ты уже обеими ладонями закрыла лицо, а плечи подрагивают. Декаданс какой-то. Может быть, подобные безумные речи и звучали под этими сводами в девятьсот тринадцатом году... Ты прямо трагическая артистка по жизни, крыть мне нечем. Сказать, что люблю *другую*? Ну какая же она «другая»? Смешно даже. Снова завести старую уже волынку, что очень хочу с тобой дружить, встречаться, разговаривать, советоваться и исповедоваться? Причем при моем понимании дружбы все это особенно приятно делать, положив нежному другу руку на голую грудь или между бедер... Понимаю, такая дружба — роскошь. Недопустимая и невозможная...

Дальнейшее — молчанье. Оно длится и в такси, которое везет нас на Съезжинскую, и на кухне, где мы

пьем чай с твоей подругой, и на скрипучей кровати — до того момента, когда мы засыпаем.

Казалось бы, сбылась большая мечта маленького ослика — провести с тобой полную ночь. А в итоге просмотрел целый сериал кошмарных сновидений, нервно просыпался двадцать раз, и твое присутствие казалось призрачным, нереальным.

Пробудившись утром, испытываю эгоистическую радость оттого, что ты все еще рядом со мной. Хищно тебя трогаю, целую, овладеваю с какой-то разбойничьей агрессивностью и поспешностью. Глаза твои закрыты, губы грустновато улыбаются, а тело словно плачет. И содрогается потом как будто в рыдании.

Обоим все понятно. Осталось еще немного понежиться, пока не встали и не оделись. Потому что новое раздевание нам не предстоит. Минута, другая, третья... Ты закладываешь руки за голову и начинаешь разговор первой:

— Нет, с этим раздвоением придется покончить.

Это не ультиматум. Это печальная констатация. Ты меня отпускаешь. Но мне от этого только больнее. Проще ведь, когда женщина вцепляется и держится так, что не оторвать. А ты уже сама отрываешься. На протяжении всего прощального разговора я продолжаю касаться тебя губами, но ты уже не отзываешься ни лицом, ни телом. Вот он, отрыв, разрыв. Близость осталась только между душами.

Страшное это, оказывается, чувство — когда только души соединены. Это оголенные провода, не покрытые телесной изоляцией. Как вышло, что мы душами сроднились за такое короткое время? Ведь можно буквально сосчитать часы, проведенные вместе.

Родные люди любят друг друга на расстоянии, могут не видеться годами и десятилетиями и, уж конечно, не обнажают друг перед другом тела. Вот и ты, породнившись со мной, отбываешь, отплываешь. Мне странно видеть маленькую точку на правой груди и большое родимое пятно под мышкой слева. Можно все-таки помочь тебе одеться, задернуть занавес нашей драмы?

Подруга, подав нам кофе, тактично удаляется. Хотя какие теперь у нас секреты... Общего будущего нет. Ты начинаешь вслух проектировать свое, отдельное:

— Приеду, влюблюсь в кого-нибудь, отдамся ему. Тому же психиатру: он давно вокруг меня ходит с поднятым флагом. Хотя... Нет, такого нежного, тонкого, заботливого мужчину мне уже никогда не встретить...

О ком это? А... Да это уже похоже на некролог...

Мы гуляем по Петроградской стороне. Показываю тебе свой бывший дом, свою школу. Бармалееву улицу, где, как верили здешние детишки, жил знаменитый разбойник. Мы уже друзья, делимся друг с другом воспоминаниями. В моей памяти всплывают такие древние подростковые увлечения, которые, казалось

бы, напрочь забыты. Да, говорю, мы все в эти годы любили, но мало любили нас... Ты в ответ вскидываешь брови, обнажив страдание в очах. Не до юмора.

Потом подъезжает пресловутый психиатр, шустрый лысенький мужичок с похотливым блеском в глазах. Надеюсь, насчет него ты все-таки пошутила. Вызывающе целуемся у него на виду.

...Почему-то я думал, что ты сядешь на заднее сиденье, оглянешься на секунду, и потом, когда машина отправится, я на прощанье еще увижу твои рыжеватые космы. Но ты садишься рядом с нахальным водителем, «тойота» мягко и решительно трогается...

ВЕЧЕР

— Юркун! Юркни ко мне поскорее и согрей. Не представляешь, что было прошлой ночью. Где-то до часу мы в баре сидели, я, правда, почти ничего не пила, но настроение и так было ровное, веселое. Потом прихожу в свой номер, залезаю в постель — и вдруг меня колотить начинает. Я нашла второе одеяло, свитер напялила и все равно до утра зубами стучала. Нормальная при этом температура была — и в помещении, и во мне. Что за аномалия такая?

— Ты же мастерица космический холод на себя вызывать.

— Точно. Без тебя замерзла бы я в этой жизни. Знаешь, как только с тобой разлучаюсь, столько хороших мыслей и слов о тебе у меня рождается! А когда ты под боком, повторить их не могу. Иногда даже опасаясь: вот найдется какая-нибудь, объяснит тебе, какой ты хороший, — и ты ей весь отдашься.

— Нет, весь я никому отдаться уже не смогу.

— Правда? Учти, я тебе очень верю. Даже если ты меня обманешь, все равно верить не перестану.

Почему она так говорит? Да потому, что она все время новая. Когда уезжала, была одна. Другая в Выборге ночью мерзла, чувствуя, что со мной в это время происходит нечто, не вмещающееся в сознание. Третья сейчас рядом со мной лежит, и глаза у нее блещут по-новому, и тело пахнет не так, как прежде.

С виду покорная, а мне ее заново предстоит покорять. И так каждый день. А ты говоришь: сиамские близнецы. Нет, никогда женщина не поймет другую женщину.

Но стоит одному остаться (уже завтра, когда мы с Бетой отправимся на свои работы), я так затоскую по женщине, навсегда от меня уехавшей в свой город. Такой неограниченно моей. Как ты умеешь принадлежать! Пожалуй, ты во мне пробудила дремлющего азиата. Не только по сибирскому рождению, но и по материнской половине крови. Земля обетованная ведь географически в Азии находится? Ну вот. Давненько я уже в Библию не заглядывал, но, насколько помню, все эти Авраамы-Иаковы-Соломоны были отъявленными многоженцами.

Да, тобой я обладал. Вот точное слово. И, может быть, даже подсел на тебя. Как наркоман, который нуждается не в новизне, а в повторении. А повторения не будет. Жуть!

ПОПОЛАМ...

Может быть, у тебя на этот счет другое мнение, а мне кажется, что боль от нашего разрыва мы разделили ровно пополам. Я очень понимаю, очень чувствую, что ты испытала, расставаясь со мной. Но поверь: и я испытал ровно то же самое. Не потому ли мы не стали чужими после всего, что было?

Проводил своего философа в немецкие края. Из аэропорта зачем-то домой приехал. И тут же междугородная, новгородская трель. Что звонишь именно ты, у меня не было ни малейшего сомнения. Сама-то помнишь, какая ты была тогда? Голос, полный отчаянья:

— Можешь говорить?

— Да, я один, совсем один.

Но дальше пришлось не говорить, а только слушать.

— Олег в больнице, с инфарктом. Началось с того, что Наташка забаррикадировалась в общине. Три дня домой ночевать не приходила, мы оба психовали. Позавчера все-таки пробилась к ней. Перед ее наставницей, сестрой Кларой, чуть не на коленях ползали, и она ей приказала с нами поговорить. Что тут понеслось! «Вы в грехе живете. Ты вот в Петербург ездила — понятно зачем. Я к вам никогда не вернусь». И заметь, мне мою поездку припомнила, а у отца ведь, наверное, побольше было, причем почти у нее на глазах. Так что там ее в основном против матери настроили...

Но ладно, кто считает... Домой вернулись, Олег черный весь. И что-то мне подсказало, что надо с ним в одной комнате спать лечь. Часа через два его затошнило, и я мгновенно «скорую» вызвала. Ни секунды мы не потеряли. Вчера с Наташей встретились в больнице у него, а потом она домой пришла. Вот, дорогой мой, какие дела.

— Я тебе чем-то помочь могу?

— Уже помогаешь — тем, что слушаешь меня. Кому я это еще расскажу? Если можешь, помолись за нас.

«Помолись» — легко сказать. Вроде и есть где: Никольский собор неподалеку, и до костела Екатерины пешком дойти можно. До синагоги, правда, на транспорте пилить надо. Но какой из храмов примет меня, некрещеного-необрезанного? А, осуществим-ка светский эквивалент молитвы.

Достаю из холодильника девственную бутылку новгородской «Юбилейной». Берег для важного случая, и этот случай наступил. Пью — за тебя, за Наташку, за Олега. Чтобы вы все были живы и здоровы, а я обещаю высшим силам в вашу жизнь не вмешиваться.

Сижу в прострации. Чего жду? Конечно, звонка Беатрисы с подтверждением прибытия. Вот и он, родной: «Долетела нормально. Я тебя люблю, а ты пока постарайся понять, чего по-настоящему хочешь в этой жизни».

ЧЕГО Я ХОЧУ?

Для начала — куда-нибудь пойти. Вываливаюсь из дома и бреду по нашей стороне Фонтанки в сторону Невского. Крепкий напиток омыл сознание и вывел его за пределы текущего дня: воспоминания лезут из всех щелей. На том берегу начинается людское движение в сторону Большого драматического театра. Старинное чувство переносит туда мои мысли, как будто и я в возбужденно-приподнятом настроении переступаю порог между обыденностью и волшебством. Здесь я в юности испытал такие пронзительные уколы, каких потом уже не было и быть не могло.

Спектакль «Мещане». Агрессивно-женственная Макарова хватает флегматичного Рецептера за руку и, уводя его, кричит Лебедеву что-то вроде: «Я его у вас забираю!» Пьеса — Горького, имен персонажей я, конечно, не помню, извини, что так по-плебейски их называю фамилиями актеров. Но меня вдруг осенило тогда, что женщина может вести мужчину по жизни, и это не всегда плохо...

Укол второй — товстоноговский «Ревизор». Баси-лашвили, совсем не хлестаковской комплекции, высокий, солидный и уверенный, уезжая, с пронзительной сердечностью говорит: «Мне нигде не было такого хорошего приема»... И слезы наворачиваются, и начинаешь жалеть, что все обернулось обманом. Ведь все же кругом такие хорошие люди...

Ну и третий. Это «Холстомер». Не видела? Хотя бы по телику? Когда Лебедев начинал вокруг Ковель кругами ходить — это такая, тебе доложу, эротика, почище любого стриптиза. Я впервые позволил себе подумать, что желание в чистом виде не зазорная вещь. Все мы немножко лошади, жеребцы и кобылы, и если это в себе только сдерживать... Ладно, за других не отвечаю, а про себя скажу: продержал бы себя и дальше в узде — никому от этого лучше не стало бы.

Но в прошлом все это. Не шагнуть мне уже на Лештуков мост, не перепрыгнуть Фонтанку — душа больше не тянется в темный зал. Театр ли стал в наше время менее впечатляющим — или же у каждого человека есть недолгий зрительский возраст, который в определенный момент заканчивается? Стройниенькое зеленое здание троекратно смотрит на меня с укором: сначала тремя дверями со стеклянными полукружьями над ними, потом тремя большими полуциркульными окнами второго этажа, и наконец, тремя глазками-окошечками такой же формы сверху... Да отстань же от меня, юность моя!..

Ну вот, уже и до Белосельских-Белозерских дошагал. У Клодтовых коней забуксовал — словно не их, а меня здесь обуздали. Ни прямо, ни налево не идет. А, свернем на этот раз направо, где бурно развивается капитализм. Роскошные отели с властно выступающими на тротуар навесами и с букетами зарубеж-

ных флагов на фасадах. Иностранные магазины-бутики. Новые, незнакомые мне кафе и рестораны.

Доза «Юбилейной» из меня на девяносто процентов выветрилась, но полного отрезвления, чувствую, допускать нельзя: тоска тогда уже не отвяжется. Еще сто граммов утешения просто необходимы.

Скромное с виду заведение подмигивает желтыми буквами «BAR». Вот где забудусь и, может быть, кого-нибудь из знакомых встречу в этот вечерний час. Предчувствие такое имеется. Спускаюсь в гостеприимный подвальчик, а он даже не баром — полноценным рестораном оказывается, знатного испанского происхождения. «Бэса мэ, бэса мэ, мучо» — негромко и ненавязчиво ласкают слух три симпатичных гитариста. Один примерно моего возраста и, как я, усатый. Другой, седой бородач, постарше будет, может быть, даже в отцы мне годится. А третий — типа Сашки нашего: лицо еще не обросло горьким опытом, весь лучится безмятежной самоуверенностью.

На столах красные скатерти, на них красные свечи. На черных платьях официанток — красные жилетки. Обстановка устраивает. Остается выбрать самую удобную позицию. Ё! Наша Катя сидит прямо по курсу. Вот подходящий случай сломать ледок, что вдруг намерз между нами.

Подаяюсь туда, но на меня глядят глаза-океаны уже не тихие, а довольно-таки ледовитые:

— Я не одна, и мы сейчас уходим.

Действительно, из узкого коридорчика движется сюда только что вымывший руки джентльмен. Пожалуй, нам лучше не знакомиться. Резко подаюсь налево, где все столы густо оккупированы. Просторно только в стоящем у дальней стены здоровенном аквариуме, по которому царственно разгуливают крупные золотые рыбешки. К ним, что ли, нырнуть? Тут вижу, что рядом со мной, напротив барной стойки, за столиком на двоих дымит сигаретой одинокая особа крупных форм. Судя по густым и сердитым черным бровям, хохлушка. А волосы у нее самого что ни на есть пламенно-красного цвета. Это в честь чего они так теперь красятся? К ресторанному интерьеру приспособляются или к седьмому ноября готовятся?

— У вас свободно? — спрашиваю без особой надежды.

— Да, сва-абодно! — как-то зло отвечает.

Нет, не хохлушка, а, конечно же, ма-асквичка.

Плюхаюсь на темно-красный деревянный стул с привязанной к сиденью мягкой подушкой, стараюсь не глядеть в сторону уходящей из моей жизни Кати. Ладно, теперь как-нибудь выплывем.

— Что, ба-артанула девушка?

А, так ты, голубушка, примерно в таком же состоянии. Язычок-то слегка заплетается.

— Да нет, просто созвездья были против. А что мы с вами будем пить?

— Текилу серебряную.

Никогда такой жидкости не пробовал. Но за компанию — готов.

— Девушка, нам текилы две дозы. Серебряной. А еще лучше — золотой.

Принимаем, потом повторяем. Суровая моя собеседница, кажется, здесь завсегдатайка. Сквозь два гула — в зале и в моей голове — слышу, как к ней адресуются с вопросом: «Вит, ты чё не звонишь?»

— А ты, значит, Вита?

— Да, Виктория. А ты Юрий Долгорукий?

— Точно.

Шпионка, не иначе. А может быть, просто услышала, как Катя ко мне обращается.

— Ну что, Дольче Вита, продолжим по текиле?

— Нет-нет, тащить тебя на себе у меня нет ни малейшего желания. Куда поедем — к тебе или ко мне?

Ко мне никто не повезет — близко слишком. А в машину плюхнуться — это в самый раз. Вот мы уже в каких-то «Жигулях», и на вопрос «Куда?» эта самая новая Вита сочным московским контральто командует:

— Туда! В Рио-де-Купчино!

...Открываю глаза: ужас! Как же это я позволил себе отключиться? Да еще, чего доброго, захрапел... Вот она и убежала! Фильм итальянский вспомнился, где Мастроянни (или Альберто Сорди?), играю-

щий как бы самого себя, кинозвезду, попав в затяжную автомобильную пробку, приходит ночевать в дом к простым людям. Муж уступает знаменитости свое место на супружеском ложе, а утомленный гость неожиданно погружается в сон. «Ты заснул вместо того, чтобы засунуть», — иронически комментирует наутро хозяйка дома. Когда мы это смотрели, Беатриса хохотала, а я почему-то сгорал от стыда за бедного Мastroяни. Или Сорди. И вот — фильм оказался пророческим. Лежу один на чужой двуспальной кровати...

Вдруг включается маленький ночник, и передо мной — что-то большое, чистое и настоящее. Всего несколько минут я проспал.

— Ничего, что я немножко мокрая?

Еще как ничего! А главное — что такая вкусная! Где твои губы? Над верхней вижу маленькие черные точки: девушке приходится бороться с щедрой растительностью. Но это же избыток природы, естественности. Путешествую по ней губами, добираюсь до живота: волнообразные знаки рассказывают мне, что она уже рожала. В ответ — трепет. Ниже — черные волосы почти устранены, оставлена только узенькая стрелка, словно зовущая мои губы еще дальше...

Только так, оказывается, можно поймать эту судорогу и почти понять, как это бывает у женщины.

— А ты умеешь угадывать желания. За это теперь я тебя буду целовать.

И вот пробуждение абсолютно спокойное, рассветное. Новая жизнь, в белых джинсах и черной майке, присаживается рядом со мной. Мой несложный вопрос прочитывает мгновенно и отвечает:

— А мне уже нельзя.

Сильная и нежная рука дружески гладит мою голову. Что ж, значит, сейчас будем дружить с этими глазами золотисто-карими.

Странная, однако, обстановка в этой спальне, напоминающей гостиничный номер. Никаких признаков домашнего уюта. Шмотки мои в кресло брошены. Меблировка слишком лаконична: кровать и две прикроватные тумбочки. Взгляд падает на ту, что с моей стороны, и на полсекунды меня пронзает прозаическая догадка: так, может быть, сюда полагается положить...

— Нет-нет, ты неправильно понял.

Все-то мысли она читает! Если это можно назвать мыслями...

— А вот предложить могу только чаю. Кофе не пью из-за давления. И в холодильнике пусто. И уж если совсем откровенно: через полчаса я должна здесь быть одна.

Надо так понимать, что меня выставляют. Нервно одеваюсь, стараясь не обнаружить своего замешательства, да и — что уж там скрывать! — легкой обиды. А она смотрит на меня пристально, будто что-то припоминая, и вдруг весело объявляет:

— А ты немножко на Брюса Уиллиса похож. В профиль. — Обнимает на прощание так спокойно и уверенно, словно мы сто лет знакомы и уже завтра снова увидимся. — Звони. Буду ждать.

Выходит со мной в холл и, стоя у двери, провожает взглядом до тех пор, пока захлопнувшийся лифт не разлучает меня с ней. По пути вниз обдумываю услышанное. Сравнение с Брюсом Уиллисом — знак безусловной симпатии. Не знаю уж, как она ухитрилась меж нами сходство углядеть, а об актере этом я мнения самого высокого — особенно в «Криминальном чтиве» он хорош. Перевоплощается в персонажа на все сто. Видел я по телику и беседу с ним. Что примечательно — это полное отсутствие позы. Человека знает весь мир, за каждую роль он получает двадцать миллионов баксов, а держится абсолютно просто и естественно. Наши актеры, куда менее известные и богатые, очень скоро делаются совершенно засмотренными, прямо-таки лоснятся от самодовольства: Машков, Меньшиков... И в Америке, впрочем, есть такие нарциссы: Ричарда Гира я, например, переношу с трудом. Он никого не играет, а красуется в кадре, слащаво улыбаясь — даже не партнерам, не зрителям, а себе любимому...

Что за улица? Дойдя до угла, читаю на грязном трафарете: «Белградская». Ну да, это не Рио-де-Жанейро, это Рио-де-Купчино. Денег на машину после

вчерашнего кутежа — йок. До метро отсюда далеко-вато. И вообще местность вызывает трусоватую тревогу. Тут неподалеку, на Бухарестской, обитают Сашка с Настей. Нелегко будет объяснить, зачем я здесь в такую рань. Ноги сами несут в сторону проспекта Славы. Лучше уж выбираться на север по этой Белградской, по Собачьему проспекту, как местные кличут. Огородами, огородами...

Куда я так мчусь, никто же не ждет и не торопит? По левую сторону, за железной дорогой, Благодатная улица. По правую руку — Волковское кладбище. Вот и бредем мы между смертью и благодатью... Сделать свою жизнь лучше — невозможно. Можно только заострить драму, повысить ставки, а уж куда бросит — налево, направо, — того никогда не знаешь. «Ты ведь тоже философ», — говорит мне иногда Беатриса. Но не пишу я свою философию, а проживаю ее, с опасными изгибами и заскоками.

Силы иссякают на подходе к Воздухоплавательному парку. Забираюсь в электричку, впереди старый вокзал, соединяющий все линии моей жизни — Вытебский!.. Ничего, что я тебе все это рассказываю? Понимаешь, только так я мог в себя вернуться. Не блажь это была, а необходимость. В ноющем желудке — пустота, но на губах — вкус жизни.

ПРИЛЕТАЕТ БЕАТРИСА

Вижу цель — и сам лечу ей навстречу, чтобы перехватить непосильную для хрупкой женщины ручную кладь: в гамбургском целлофановом пакете литровые пузаны «Мартель» и «Отар» плюс две пластмассовые фляжки «Камю», все они куплены в аэропорту перед вылетом. Итого три литра. Будем надеяться, что до следующего симпозиума хватит. А в другом пакете — два хорошеньких красненьких «Сан-Эмийона», года так девяносто шестого: Бетины идейные единомышленники подарили на прощание. В чемодан не положишь, приходится все это упоение тащить в маленьких ручках.

Отдельный сюжет, как Бета у меня пить начала. Да не делай ты большие глаза: пить культурно, по-европейски. Что, впрочем, тоже сопряжено с определенными проблемами.

Лет до тридцати она вообще в рот не брала, без каких-либо принципов, просто свободно без этого обходилась. И меня ограничивала — без нажима, но весьма действенным способом. Давала понять, что мне, будучи под газом, лучше ее не беспокоить. Не нравилось, когда я опьянен не ею. «Нет, если ты настаиваешь, то пожалуйста. Но это будет без взаимности». А без взаимности и мне неинтересно. Когда же наш «минеральный секретарь» Горбачев пришел к власти и за каждую бутылку приходилось бороться,

мы оба оказались совершенными конформистами: жили в полной трезвости. Водочные талоны конца восьмидесятых остались неотоваренными, затерялись — недавно я нашел их в секретере: теперь, пожалуй, они представляют некоторую ценность для нумизматов.

Но вот выехала Бета впервые за рубеж — причем не в «братскую» страну, не в водочную Польшу, не в пивную Чехию, не в Болгарию, щедро поившую нас кислой «Гамзой», а непосредственно в Бордо — винную столицу мира. Там бедняжку и лишили невинности, подведя к старинному бочонку с деревянным краном и научив подставлять под этот кран бокал. С тех пор ей такой бокал нужен — не то чтобы необходим, но желателен — ежедневно.

Вкусы у Беатрисы сравнительно просты. Нет у нее таких требований к напитку, как, скажем, у известного телеведущего, похвалившегося перед всей страной персональным погребом с коллекцией элитных вин (вот ведь мудила грешный — он же тем самым потерял весь моральный кредит у своих поклонников, чьей зарплаты или пенсии не хватит даже на одну такую бутылку: не придут они теперь протестовать к зданию в Останкине, даже если их бывшего кумира никогда не допустят к экрану и придется ему в полном забвении доживать свой век на заморской миллионной вилле). Нет, Бета, конечно, теоретически предпочитает сорта с правого берега Жиронды,

но практически ее устраивает любое хорошее вино. Хорошее — это приятное для вкусовых рецепторов языка и не вызывающее головной боли на следующий день. К примеру, божоле такого качества в ноябре может стоить в странах ЕС три евро за бутылку (в немецких магазинах системы «Альди» — даже два).

Но, как говорится, за морем телушка — полушка... В Петербурге хорошие вина доступны только на тусовках-фуршетах высшего уровня, в консульствах, зарубежных фирмах. Вот Виталий, о котором я тебе рассказывал, пригласил нас именно на такое мероприятие. Тут Беатриса может отвести душу, но есть и риск злоупотребить: все-таки больше трех-четырех бокалов хрупкой женщине вливать в себя не стоит — даже если это нектар и амброзия с датой до нашей эры на наклейке. А когда я оказываюсь рядом, мое положение делается двойственным. Не хочется, чтобы у нее завтра болела головка, которая должна решать основные вопросы мироустройства. Вместе с тем, если Бету не сдерживать, она потом будет такой раскованной и шаловливой... Когда я пьяный, а она трезвая — ей не нравится, а если наоборот — она не против. Своего рода женский империализм: мне можно все, а тебе — ничего...

Не увлекся ли я? Но ведь после нашего расставания ты уже перестала ревновать к моей «идиллии»? Можно считать, что у нас с тобой дружба?

Если да, то продолжу неисчерпаемую тему. Как жить в Петербурге по-французски? Конечно, сейчас, прямо как в девятьсот тринадцатом году, на Невском можно купить любую супербутылку. Но — тут два «но». Первое — цены. За «перевоз» в России берут непомерно много: проехав от Бордо до Петербурга, бутылка-путешественница чуть ли не удесятерит свою стоимость. А качество? Боюсь, по дороге ее не раз бросит из жары в холод, потом на складе подержат ее около батареи, в магазине она постоит под прямыми солнечными лучами — в общем, есть все шансы прокиснуть. Как-то мы с Беточкой устраивали показательную дегустацию, поставив рядом две бутылки одного сорта, причем одна была приобретена на Елисейских Полях, другая — в Елисеевском гастрономе на Невском. Нашенская по всем статьям проиграла. Наконец еще одно немаловажное соображение. Чем дороже бутылка, тем больше соблазн ее подделать, фальсифицировать, залить бурду и присобачить наклейку от бордо.

В общем, покупка настоящих вин по более или менее разумной цене — это целая наука, которой я немного овладел и в которой продолжаю совершенствоваться. Тут, как в любви, нет единого критерия. Я сначала брал бутылку и первым делом проводил рукой по доньшку: если есть углубление — значит, винишко высокого пошиба. А однажды рискнул взять простого чилийского «Черного кота» — и вдруг Бета дает

ему высокую оценку, несмотря на отсутствие у него этой впадинки. Так что не надо пренебрегать плоскопопами — у них могут оказаться иные, не сразу заметные достоинства. Нам с нашими скромными возможностями то и дело приходится решать: кому отдать предпочтение — самой дешевой из аристократок или самой утонченной из простолюдинок.

И еще. Когда покупаешь продовольственный товар, будь то вино, кофе, чай, да что угодно, хорошей рекомендацией является отсутствие русского текста на этикетках и упаковках (русский перевод в таких случаях доклеивают на невзрачной белой бумажке). Собственно, этому жизнь учила еще при социализме, когда мы отдавали предпочтение всему импортному, а в крайнем случае — экспортному варианту советского. Когда о «мерседесах» и не мечтали, какой «ВАЗ» норовили купить? Чтобы на нем не русское слово «Жигули» значилось, а латинскими буквами — «Lada». Все-таки не сразу руль отвалится.

Ведь как только товар обрусее, он неминуемо начинает терять качество. Объяснить очень даже просто. Лежит где-нибудь на французском складе кофе «Карт нуар», и попалась там сотня мешков некондиционного, пережаренного или прокисшего. Выбрасывать? Зачем? Всегда найдется делец, который предложит: надо эту дрянь рассовать в те пачки, где русские букочки имеются, и везти их в Россию по маршруту Наполеона в двенадцатом году. Причем

все можно решить мирным путем — малюсенькую взяточку в долларах сунуть надо, да теперь русские и в евро берут. А нормальный кофе они поместят в упаковки без русских буковок и будут продавать у себя. Потому что француз, если ему порченное продадут, такой базар поднимет! Русский же ничего им сделать не может...

Вот по этой причине настороженно отношусь к тем бутылкам, у которых на спине имеется этикетка с изначально наклеенным русским текстом. Тот же «Черный кот» недавно приобрел местную прописку — надо будет тщательно проверить и допросить: какие связи у него в России? Не скурвился ли он теперь?

Ладно, отдохни немного — у нас впереди разговор о коньяке.

...Помнишь, как в школе нас всех мордовали поэмой «Кому на Руси жить хорошо»? Ее, по-моему, никто толком и не читает, сдувают сочинения со шпаргалок — про крепостное право, про народ и какого-то там Гришу хренова. А ведь это, можно сказать, первые в истории «Москва — Петушки» — тема выпивки проходит просто красной нитью. Именно там я заметил, что наш народ в давние времена «вином» называл исключительно водку. А еще такой пустячок запомнился. Мужики эти, которые у всех про счастье допытываются, спрашивают у самой что ни на есть положительной героини: «С нами выпьешь, старая?»

А она отвечает риторическим вопросом: «Старухе — да не пить?»

Это я к тому, что есть такая закономерность: живешь себе трезвенником или почти трезвенником, а с годами небольшая выпивка становится объективной необходимостью. У Беты стало повышаться давление, и, чтобы расширить сосуды, присоветовали ей выпивать рюмку коньяку. И тут ее низкопоклонство перед Западом проявилось в полной красе. Не подошли ни армянский «старший лейтенант», ни грузины с красивыми древними именами «Греми» и «Энисели», ни молдавский «Белый аист», которым лично товарищ Ельцин запивал грусть от развала Союза, — все это она последовательно отвергла. «Коньяком, моншер, называется крепкий напиток, создаваемый перегонкой белых виноградных вин и выдержанный в дубовых бочках в городе Коньяк, департамент Шаранта. Э рьен дэ плю» (то есть: и ничего более). Вот так! Ну, хорошо, что хоть сама умеет этим лекарством запасаться в зарубежных аэропортах. А то бы разорились мы давно, и квартиру нашу за долги описали...

А в завершение добавлю: сам я ничего из этих изысканных жидкостей, как правило, не пью. Еще со времен бананового дефицита привык, что фрукты покупаю только для детей и женщин. Это перенеслось потом на виноград в его винной и коньячной ипостасях. К тому же мою русскую хандру может развеять толь-

ко родная русская, простая и понятная. А поскольку натура у меня не слишком мрачная, то явной опасности спиться пока не было.

Доставляю свою «безродную космополитку» с ее питейным багажом в родные пенаты. Выслушиваю по дороге рассказ о гремевших на берегах речки Везер философских баталиях. Поединок «тертуллианцев» с «оригенистами», как я понял, завершился победой последних, причем Беатриса внесла в нее весомый вклад. А о чем, собственно, был базар? В меру своего разумения я грубо округлил бы так: Тертуллиан — он был скорее мрачный товарищ и в Бога верил от отчаяния, а Ориген — тот ясно видел впереди светлое будущее, где все души сольются в единое целое. Ну, и я, конечно, одобряю, что мой синеглазый философ придерживается более оптимистической теории. Мы здесь, в России, недостаточно хорошо живем, чтобы позволить себе быть пессимистами. Так ведь?

Вот мы и на кухне своей. Бета сервирует торжественный ужин, поручает мне откупорить привезенный «Сан-Эмийон». Ищу в выдвижном ящике буфета штопор, и вдруг слышу:

— А как насчет того, чтобы прямо сегодня минет попробовать?

Вздвогнув, резко поворачиваюсь и вижу в ручках у провокаторши небольшой пластмассовый стакан с козьим сыром, где, как положено, изображена белая

козочка, и крупными красными буквами начертано: «Minette».

Сейчас она у меня получит — нежный шлепок...

— Хорошо ли это — дразнить простого человека, который языком не владеет?

— А ты овладей!

Не спорю, молчу. Мне вообще трепаться надо поменьше, чтобы не занесло на встречную полосу. Пусть Бета выговорится, а я буду изо всех сил слушать.

— ...Он до трех ночи у меня в номере просидел, и свою биографию изложил, и всю семейную хронику, включая деда, который воевал на русском фронте, переспал однажды на Украине с местной женщиной — по взаимному согласию, а потом она погибла. С тех пор он не видел смысла в жизни, хотя имел успешный бизнес и дважды был женат на своих соотечественницах. Болезненно помешался на России и 22 июня 1991 года покончил самоубийством — такую выбрал себе вторую дату для могильной надписи... Но не это самое интересное... А ты мне, между прочим, нравишься такой. Не суетишься, не нервничаешь. Я даже, пожалуй, могу в тебя влюбиться снова. Или впервые...

Так что у меня все хорошо, даже прекрасно. А как дела на новгородском фронте? Как там муж твой? Хоть бы позвонила...

И ТЫ ЗВОНИШЬ...

У нас же с тобой прямо-таки телепатический контакт. Вчера я о тебе подумал, дернулся, а сегодня ты откликаешься.

— Ну как?

— Очень плохо.

— Что, у него? Опять?

— Ты о муже, что ли? Он уже работает вовсю. А по ночам со мной спит, и я его добросовестно ублажаю — для нормализации кровообращения. Плохо мне, потому что меня бросил любимый человек.

Что? Уже успела завести нового любовника и оказаться брошенной? А, понял: это обо мне, и опять в третьем лице и в прошедшем времени...

— Но мы же вместе пришли к этому решению...

— Ты, может быть, и пришел, а меня жизнь подняла до небес, напоила счастьем — и бросила вниз. Я вся разбитая, сломанная... Зачем ты таким добрым притворился? Я поверила. Соединилась с тобой, ни о чем не думая...

Всхлип один, другой. Рыдания, а потом — обрыв связи. Не технический обрыв. И номер твой в ответ не наберешь...

Все, что было в душе собрано, накоплено, — все вмиг обнулилось. Это я уже с самим собой толкую — тем более что тебе не до меня, есть поважнее пробле-

мы, чем нянчиться с избалованным мужчинкой, который когда-то тебя соблазнил, а потом, по сути, обманул и бросил. Забудь меня, пожалуйста. Не стою я внимания.

Вспомнилось: гуляем как-то с Бетой вниз по Фонтанке. Далеко ушли, потом на Измайловский свернули. И там, между базаром и собором, видим мальчика двух-трех лет, отбившегося от своего сопровождения. Без присмотра он залез в грязную лужу и полностью изгваздал свой голубой и весьма недешевый комбинезончик. Растопырил испачканные ладошки и, глядя в пространство, громогласно вопрошает: «Зачем я это сделал?»

Мы оба и рассмеялись, и умилились. Прежде всего потому, что в подсознании нашем живет мечта о таком вот внучонке. А потом, когда примчалась красивая юная мамаша и увела мальчика домой отмывать, Бета прокомментировала: вот он, русский человек, в чистом виде, хотя и конкретно в грязном. Переступает заветную границу, зная, что нельзя, что хуже будет, а лезет все равно. После чего с той же искренностью и непосредственностью кается и понять не может, как и почему в лужу залез.

И вот теперь этот мальчик — я. Ну зачем тогда в Псков поехал? В Новгороде в безумие впадал... А зачем в Купчино потащился? Что я, донжуан, что ли? Да ни фигя! Гордости ни малейшей не испытываю. Сексуальным маньяком, коллекционером новых

ощущений тоже не являюсь. Пробовал себя потешить, вспоминая с физической точностью свои подвиги последнего полугодия, — так пришлось выключить память, потому что душа заныла-заболела со страшной силой. Тела могут с одним кайфом соединяться, но души — всегда еще и с болью.

Песня идиотская вдруг в голове заиграла: «Но вы вдвоем, вы не со мною». Правильно я раньше жил — вдвоем и больше ни с кем. Редкая была удача. А теперь я не вдвоем, теперь я — один...

Что же до Беты, то у нее и я есть, и целый мир, с которым она может открыто и честно беседовать. И удивлять меня каждый день. Как она осталась такой девочкой непосредственной? Когда вижу ее обнаженной, не верится, что этого тела касался хотя бы один мужчина. В том числе и я: в такие мгновения сомневаюсь в том, что существую...

И в то же время мысли у нее такие взрослые и смелые, какие в мою голову даже по ошибке не заходят. Вот говорим мы на темы морали и нравственности, сравнивая нынешнюю молодежь с нашим поколением. Юные теперь очень рано начинают сексом заниматься: взять хоть Сашку нашего, который уже столько герл-френдов успел сменить. Но мы оба думаем, что молодая поросль, по хорошей буржуазной традиции, перебесится и в итоге придет к любви, к семейному идеалу. А наши ровесники были в свое время искусственно связаны, стеснены — и жилищ-

ными условиями, и советской моралью. Теперь дорвались до сладкой жизни и добирают недополученное.

— А вообще, — Беатриса резюмирует, — в этих вопросах нет и не может быть равенства. Все очень индивидуально. Один пять любовниц заведет и чистым душой останется, а другой только посмотрит с вождением на чужую женщину — и тут же опустится до скотского состояния.

К какой же разновидности она меня относит? Не стал уточнять...

СЕРЕДИНА ДЕКАБРЯ...

Время покупать новогодние подарки. Только подумал об этом — вырастает передо мной парфюмерный бутичок. Ты заметила, что раньше мы везде магазины искали, а теперь они сами за нами прямо-таки бегают, услужливо возникая перед глазами в нужный момент? Тогда большой длинный спрос рос отовсюду, а нынче сплошное предложение открывает нежные объятия.

Бета говорила мне, что забыла, возвращаясь из загранички, купить в «дьюти-фри шопе» тушь для ресниц (слишком коньяками увлеклась девочка!). Ничего, зато у меня теперь есть возможность отличиться. Рассматриваю разноцветные и разнофирменные трубочки. Есть круглые, есть граненые... Приближается ко мне длинноногая в форменном бордовом костюмчике и с бэджиком «Оксана» над левой грудью. Есть с кем поговорить на актуальную тему.

— Оксана, скажите, пожалуйста, какая из них самая лучшая? Такая, чтобы в принципе любой женщине подходила?

— Ну, это кому что нравится.

— А ваши изумительные ресницы во что одеты?

— «Ив Сен-Лоран», — кокетливо плечиками поводит.

Так, значит, берем одну для Беты, еще одну — для Сашкиной подружки Насти (надеюсь, заглянут они к нам на праздники). Значит, всего...

— Мне тогда четыре «Ив Сен-Лорана», пожалуйста.

— Какой покупатель интересный!

А чего, собственно, удивительного? Жизнь у меня такая — большая жизнь. Выхожу с гордым видом и с красивым пакетом, в который мне Оксана, помимо приобретенных «Сен-Лоранов», еще и бесплатных пробных флакончиков с духами накидала.

Сегодня, между прочим, встречаюсь с одним пареньком из Новгорода. Я же тогда наладил связи, в том числе и деловые. Паренек тебя знает, работает по соседству с твоим офисом. Захожу в переговорный пункт у арки Главного штаба.

— Можно вам через новгородского товарища передать малюсенький, совсем символический новогодний подарок?

— А разве бывшим любовницам дарят подарки?

— Ты никакая не бывшая. Настоящая любовница не бывает бывшей, как не называют бывшим ни одного президента США. Он пожизненно именуется президентом Соединенных Штатов Америки, а один, Джонсон кажется, уйдя в отставку, этот титул даже на воротах своей загородной виллы начертал.

— Сравнение лестное. Только уж, извини, я на двери своей квартиры не напишу «любовница некоего Петрова»... Погоди-ка... Ведь реальное место американского президента занимает следующий. Значит, и у тебя следующая появилась?

— Это не совсем телефонный разговор. Можно потом расскажу?

— Не можно, а обязательно. Я из тебя все выну. Врать будешь жене, а мне доложишь всю правду. Можешь в письменном виде.

Господи, опять слышу твой смех. Что, ты успокоилась? Что, я действительно могу тебе и про Виту рассказать? Наверное, у тебя есть кто-то. Или мужа снова полюбила. Ладно, я ведь сам хочу, чтобы тебе было хорошо.

Теперь позвоним купчинской купчихе (так я Виту про себя называю за кустодиевские формы ее тела). Но тут происходит нечто. Только произношу свое скромное имя, как на меня обрушивается трехэтажный каскад из выражений, которые даже не каждому мужику впору выговорить. А потом короткие гудки. Не туда попал? Нет, голос был тот самый, и говор «ма-асковский». Но какие основания, черт возьми, были у нее так далеко меня посылать?

В смятении отправляюсь в свой офис, но по дороге решаюсь еще раз набрать злополучный номер и в ответ на ее уже спокойное «алло» осторожно начинаю:

— Извините, я тут звонил и спрашивал Виту...

— Ой, это ты? Ты, который тогда в испанском ресторане?

— Да, в испанском, но, может быть, не один я...

— Да нет, теперь уж я твой голос точно узнала. А потом, после — ты такой нежный был и трепетный, я запомнила. Как здорово, что ты перезвонил! А я тебя спутала с другим Юрой, это такой гад... Положила трубку — и вдруг сообразила, что это мог быть ты. Сижу и ругаю себя последними словами...

— Ну, последние слова ты на меня вылила. Неужели бывают еще круче?

— Ой, да ты еще и остроумный! Я должна срочно возместить тебе моральный ущерб. Давай назначим время и место.

Нет, совсем она не купчиха. Дарит себя щедро и безоглядно. А как моему подарку скромному обрадовалась! Девушка, я сказал бы, очень реактивная. В том смысле, что реагировать умеет классно. Лишних вопросов не задает, но уж если спрашивает, то ответ выслушивает с полной эмоциональной отдачей, прямо впитывает каждое слово.

О себе рассказывает откровенно, не создавая поводов для недоумения, но и не грузит собеседника чрезмерным объемом информации. Степ бай степ: надо что-нибудь и на следующие разы оставить.

С мужем давно в разводе. Воспитывает одна десятилетнюю дочь: «Она у меня серьезная и как бы мужское начало в нашей семье представляет. Мальчишками во дворе командует. Вот уж от нее муж не уйдет, как от мамы ушел, как от меня». Сейчас Вита остави-

ла дочь на попечение матери и приехала в Питер по приглашению некоего «покровителя».

— Он примерно твоего возраста. Женатый, но намеревается развестись. Сначала поселил меня в «Прибалтийской»...

— Зачем в таком дорогом месте?

— А для выгибона. Чтобы другим говорить: у меня тут в «Прибалтийской»...

— Я там был только однажды на фуршете...

— Жаль, что мы не встретились. Я тоже на фуршете одном там отличилась, когда еще только приехала, в самом начале. Напилась, забралась на стол в дешевых туфлях и обматерила всю эту публику.

— Не сомневаюсь в твоих способностях, но как публика-то отреагировала?

— Да разве этих скотов проймешь чем-нибудь?.. А потом он мне эту халупу в Купчине снял. Даже не понимаю, почему не в центре. Ему-то все равно, куда на «мерседесе» подъезжать.

О ее профессии я тогда, кажется, спросить не успел. Позже всплыло в разговорах, что она в Москве врачом работала, в простой народной больнице.

— Знаешь, сколько врачи там получают?

— Знаю, но хотел бы полюбоваться тобой в белом халате.

— Ха-ха! Давай я для тебя простыней обмотаюсь и изображу доктора.

— Да нет, безо всего — еще лучше.

А тогда мы поздравили друг друга с наступающим, и дежурные пожелания вдруг прозвучали живо и осмысленно.

— Для меня новое счастье — это ты.

— А для меня — ты.

Где чья реплика — не важно. Хорошо, когда приключается такая симметрия.

Итак, встретимся в новом году.

ОДНАКО...

На Новый год Вита уехала в Москву. И собиралась там пробыть все дочкины школьные каникулы. А я в это время о ней мечтал. Нет, совсем не в плотском смысле. Мечтал о ней отдельно от себя.

Начало января выдалось холодное. Для меня, сибиряка, морозец — всегда воспоминание о детстве. Как выйду из подъезда — сразу уношусь на сорок лет назад и на четыре тысячи километров в восточном направлении. Гуляю в валенках по хрустящему снежку, потом лечу с горки, гордо удерживаясь на ногах и только на финише валясь в общую кучу малу. Исследую содержимое бумажного пакета с нарисованным на нем Дедом Морозом. Мандаринки, грецкие орехи, какое-то печенье неинтересное, а вот и шоколадные конфеты в бумажках — столько разных названий: «Ласточка», «Буревестник», «Южная ночь». Начинаю с примитивных «Школьных» или с цилиндрических соевых батончиков. Самые элитные поедаются в последнюю очередь: «Красная Шапочка», «А ну-ка, отними!», «Мишка косолапый», «Мишка на Севере».

Вот куда занесло меня воображение. А из сибирской в питерскую реальность оно возвращается через Москву. Там теперь минус тринадцать — пятнадцать. Вита собирается везти дочку на елку в Кремль. Ходит по дому серьезная, сосредоточенная, без малейшей игривости на лице. Натягивает на свои длинные ноги

теплые колготки и Дашку одевает в шерстяные рейтузы, та капризничает. Конечно, бабушка ее избаловала, и теперь приходится девочку ставить на место, чтобы совсем на голову не села. Мать Вита преданная и даже самоотверженная, но в бытовом отношении отнюдь не царевна-лягушка. Готовить, например, не любит и не умеет, в чем уже успела мне признаться. Но ребенка-то надо в эти дни покормить, чтобы совсем не потерять материнские права.

Вечер. Дашка еще колдует в своей комнате над новой компьютерной игрой: каникулы — пусть отведет душу. А мамочка ее уже выключила свет и вытянулась во весь рост на двуспальной кровати. На ней только шерстяные носки (замерзшие за день ступни так и не отогрелись) — и больше ничего. Женщина расслабилась, закрыла глаза, положила длинные ладони на тяжелые груди. В темноте не видна улыбка, слегка коснувшаяся ее губ. Может быть, засыпая, Вита на минутку вспомнила обо мне.

Такие были у меня спокойные и чистые мечты. Появился в моей жизни большой, красивый и приятный на вкус человек — разве это преступление?

Я даже не торопился звонить: наверное, она останется дома и на старый Новый год: охочие до застолий москвичи его всегда отмечают. Но пятнадцатого января праздничная полоса закончилась — пора напомнить о себе.

Два дня длинных гудков вызвали некоторое беспокойство. Задержалась дома? Ну почему я московский номер у нее не спросил? А ей, может быть, не до меня: мало ли что случается порой!

Дальше — то же самое... Чудовищное ощущение — набирать и набирать номер, зная заранее, что никто не ответит. Уже и ездил я на Белградскую улицу, чуть свет туда заявился. Понажимал на кодовые кнопки — без толку. Пожилая обитательница этого подъезда выводила на прогулку рыжую собачонку, и я, фальшиво-бодрым голосом прокричав: «Доброе утро!» — прошмыгнул в еще не захлопнувшуюся железную дверь. Сам, между прочим, терпеть не могу, когда в мой подъезд проникают таким воровским манером. А, думаю, ладно, пусть на меня милицию натравят: может, менты помогут разузнать, где же гуляют эти длинные ноги с отчаянной головой.

Поднялся на восьмой этаж. Давлю на кнопку, слышу, как звонок там, внутри, соловьем разливается: что за мещанство — имитация птичьего пения! В ответ — тишина, и интуиция подсказывает, что уже давно квартира необитаема. Нет, это мазохизм какой-то! Теперь-то я задним числом понимаю: Витой я ставил заплатку на то место, что стало болеть, когда я тебя от себя оторвал. А теперь и новая ткань закровоточила. Мне уже ничего не надо: только бы убедиться, что куртизанка цела, жива... Юридически она в нашем городе нигде не зарегист-

рирована. Исчезла — и поминай, как звали... Как звали ее Виточкой и целовали в исступлении...

Конечно, наведалься не раз в тот ресторанчик «Лас Торрес» на Невском. Никакой Виты там не нашел, зато встретил Виталия — шапочного знакомого моего по вагону-ресторану и несостоявшейся деловой затее. С ним паренек еще помоложе. То-се, говорят, у нас сегодня банная ассамблея, приглашаем! Хорошая, мол, компания, девушки очень достойные. А, думаю, в конце концов, я не министр, не генеральный прокурор, если и снимут мою голую задницу скрытой камерой, то по центральному телевидению не покажут, да и по городской программе тоже. К тому же шальная мысль посещает: а что, если Вита там окажется? Могу я ее представить голую в обществе голых мужиков? Могу. С печально-высокомерным таким выражением восседает на банной скамье между двумя пузато-волосатыми господами. Большая грудь на всеобщее обозрение, а большая грусть — глубоко внутри.

За углом, на Марата, у Виталия припаркована скромная бежевая «школа». Садимся — и так хорошо катится усталая душа моя по вечерним проспектам. Загородный, Московский, Ленинский... Забрались аж куда-то на улицу Доблести. Никогда там раньше не бывал. На Стойкости бывал, а на Доблести не бывал. Потом еще дальше в проулки заехали. Темнеет. Что-то типа спортивной базы. А там — гибрид сауны

с русской баней, и Виталиев приятель — умывальников начальник и мочалок командир.

Переодетый в набедренное полотенце, вхожу в своего рода гостиную. Пьянства особенного нет, только большие пузыри с пивом на столе да сухарики из пакетиков. Не пить собираются, не жрать, а вести беседы. И довольно занятные, надо сказать. С нашим приездом составилась необходимый кворум, и слово берет председатель банного сообщества — многогранная личность лет шестидесяти с хвостиком. Политик, ученый, представитель среднего бизнеса, театрал, меломан, бард, жизнелюб — и все в одном лице. Замечаю, что девушки и молодые люди называют его не по имени, а Алексеем Сергеевичем. Наверное, и фамилия у него небезызвестная.

Произносит он довольно остроумный спич во славу присутствующих девушек, украшая его надлежащей цитатой: «Быть женщиной — великий шаг, сводить с ума — геройство». Догадываюсь, что это Пастернак, и тут же вспоминаю, как ты, рассказывая мне свою историю с художником, иронически про «великий шаг» вставила. Тогда я, честно говоря, не понял юмора. Писатель Гера так заводится, что начинает декламировать целое стихотворение «Август» — хорошее, хотя и не совсем по сезону, после чего неожиданно отключается. Но, к счастью, вырубается не по тексту стихотворения (где все-таки о смерти речь), а просто засыпает на скамье.

Нравится мне здесь. Будто пришел в Эрмитаж да и шагнул внутрь большой картины Рубенса или Пуссена с обилием обнаженных женских и мужских тел. Излучение со всех сторон. И не сексуальное вовсе. Просто все, кроме меня, раскрепощены, и каждый говорит что хочет. Кто декламирует стихи, кто сплетничает про отсутствующих членов команды, кто блещет умеренно похабным анекдотом. Группового секса явно не предвидится. Не похоже и на то, что девушек потом развезут по разным хазам, чтобы утром премировать их купюрой, оставленной на прикроватной тумбочке. Вот одна шустренькая, парикмахерша по профессии, рассказывает, как в своем авто на кого-то наехала, и Алексей Сергеевич обещает употребить свои высокие гаишные связи и все уладить. Приятельские тут отношения, товарищеские. А почему, собственно, товарищество должно быть только мужским? Снова вспоминаю однополые банные компании своей молодости: вот скука-то была! А здесь — совсем новое.

Мужской состав укомплектован вполне демократично, все слои общества представлены: ветераны, молодняк и лица среднего возраста (куда и я могу войти). Девушки заряжаются природной энергией от ровесников, а от стариков поднабираются мудрости и культурки. Могут здесь они и друга подцепить на время, и мужа на... более длительное время — слово «навсегда» в наши дни неактуально. В общем, вот

где сегодняшняя Наташа Ростова находит своего Андрея Болконского.

На мой субъективный вкус, правда, не хватает в банном парламенте хотя бы одной зрелой женщины, сорокалетней или под сорок. Это увеличило бы степень представительности. Но... Вспоминаю тут же, как Виталий еще при начале вагон-ресторанного знакомства серьезно, раздумчиво признался: «Мужчины моего возраста сейчас интересуются девушками не старше двадцати пяти». А ему самому — максимум тридцать. Нет, с сорокалетками, по-видимому, могут работать немногие и только в индивидуальном порядке...

Девушка Маша увлеченно повествует:

— У нас тогда денег не хватало, чтобы в стриптиз-бар сходить. Так мы зашли на почту, пенсию Сережкину получили и как раз ее в том баре потратили.

Хорошо сохранившийся могучий красавец Сережка самодовольно сияет. Вот с кого надо брать пример оптимизма! Ну что наши пенсионеры ноют вечно, ведь месячной пенсии вполне достаточно для однократного посещения стриптиз-бара, да еще в обществе такой высокой и стройной подружки! Я, правда, не совсем понимаю, зачем этой счастливой парочке какой-то стриптиз понадобился. Маша — сама по себе увлекательное шоу, да еще и личико у нее такое умное и живое, какое едва ли бывает у засмотренных профессионалок.

Алексей Сергеевич стучит карандашом по стакану с остатками пива. Пришло время для культурной

программы — оперы «Ромео и Джульетта». Трагедия переделана в комедию, с приколами и стёбом, а каждая ария сочинена на мотив какой-нибудь бардовской песни: Окуджавы, Городницкого, Кукина. Мужские партии автор-режиссер в основном сам озвучивает приятным баритоном (Виталию, правда, достается пара эпизодических ролей), а когда наступает время женского соло, он вручает очередной девушке листок-текст с указанием, на какой мотив петь. Никого не обделяет вниманием, все успевают побыть Джульеттой. Атмосфера, я бы сказал, вполне одухотворенная.

Небольшой бассейн сначала был холоден, и в него кидались, выйдя из парилки. Но наступает торжественный момент, переход к программе развлекательной. Хозяин дома нагревает в бассейне воду и одновременно выключает свет. Играет негромкая музыка, и как бы объявляется общий танец. Все погружаются в теплую влагу и начинают с хохотом играть, толкаться, опознавать друг друга на ощупь. Прятки для взрослых. «Ой, кто это?» — «Кто-нибудь один пускай меня отпустит, а то разорвет!»

Мне, пожалуй, еще рано принимать участие в этом спектакле. В следующий раз, может быть. Направляюсь в задумчивости в предбанник — и по глазам меня бьет внезапная женская нагота. Ничего особенного: еще одна девушка прибыла на банный бал и только что

переоделась, так сказать, в костюм Евы. А я неожиданно Адамом оказался.

Неожиданность и непредсказуемость — вот что главное в том впечатлении, которое на нас производит обнаженная женственность. Вспомним детство: самое интересное кино — это раздетая тетенька, нечаянно увиденная в окне. Ведь к условности — пляжной ли, банной — мы довольно скоро приспосабливаемся и через несколько секунд уже не поедаем глазами откровенную наготу. Сейчас там, за порогом предбанника, резвится коллективное распаренно-розоватое тело. Чрезмерная чистота, отмытость — это, если на то пошло, состояние искусственное, не природное. А здесь, в девушке этой, взгляду предстает естественная бледность с оттенком желтизны, потная усталость, накопившаяся за день, на талии — следы от резинки только что снятых трусов. Женственность вместе с жизнью, а не отдельно.

Да, тело Вики я увидел раньше, чем лицо. И так меня тогда шарахнуло, что не меньше года пришлось в себя приходиться. Я не сторонник нормативов и стандартов: и дылды непомерные мне часто нравились, и толстушки грудастые, как большинству мужиков, и мини-создания. А Вика — она оказалась, одним словом говоря, ладненькой. Думаю, если привести ее в Лувр, раздеть и рядом с безрукой богиней поставить, какое-то сходство обнаружится.

А лицо — лицо, я бы сказал, миловидное, кроткое, к себе располагающее. Что меня тоже с толку сбило. Мелкие черты лица и остренький подбородок — это же мне категорически противопоказано. Почему, спрашиваешь? Не знаю. Но знаю, что мои женщины — это женщины открытые. Бета, ты, Вита. А закрытая может поделиться со мной только телом, но не душой. Раньше я этого не понимал, совершенно не сек фишку. В детстве, помню, поразила прописанная в каком-то календаре восточная мудрость: «Кто знал много женщин, знает женщин. Кто знал одну женщину — знает любовь». Восточные афоризмы, в отличие от западных, всегда верны. Живя с Бетой, в Бете, я женщин не знал абсолютно, но любовь знал... И эта, первая, жизнь при мне, никуда не делась. А с тех пор, как ты меня совратила — уж не прибедняйся, окрутила тогда дурачка в два счета, — с тех пор я немножко начал и женщин как класс понимать...

Вику внезапная встреча со мной несколько не смутила. Прикрылась полотенцем и первая говорит: «Добрый вечер!» Вместе с ней прохожу в парилку, по дороге знакомимся. Она работает в каком-то новом, мне пока неизвестном театре пластической драмы — ну, типа пантомимы. Прямо после спектакля сюда приехала. В детстве акробатикой занималась, вот и пригодилось. Хотя театр, судя по всему, небогатый. И еще довольно быстро докладывает: «Мне тридцать пять».

Тридцать пять! Так обнажиться перед незнакомым человеком! Ничего подобного не бывает, наверное, ни в каком стриптизе. Я, конечно, об этом виде искусства сужу по американским фильмам, но попробуйте представить себе, что кто-то сует голой танцорке купюру со словами: «Мисс, скажите, сколько вам лет?» Денег не возьмет и ответа не даст. Не так ли?

А тут, кажется, милая мисс какое-то особенное доверие ко мне испытывает. Да и нравится мне, что она такая взрослая, даже постарше Виты. Из парилки Вика в бассейн ко всем не идет, а, положив полотенце на скамейку, становится под холодный душ, целомудренно повернувшись ко мне спиной. Я забираюсь в соседнюю кабинку: есть что охладить...

Мы садимся рядом на скамью, по соседству с нами — спящий голый писатель, в роли античного Пана. Вика ненапряженно молчит, слегка улыбается, но руки уже сцепила, прикрыв ими грудь. Мне хочется ее обнять, но не здесь и не так, а по-честному, одетую.

Возвращается основной состав. На появление Вики никто особенно не реагирует, только Маша подсаживается к ней и быстро-быстро рассказывает о прослушанной сегодня версии Шекспировой трагедии. Но — уже наступает время театрального разъезда. Негромкие разговоры: кто куда и с кем. Виталий усаживает в «шкоду» самую разбитную из участниц (ей уж точно не больше двадцати пяти — верен парень

своему слову), а Вике и мне предлагает доехать вместе с ними до ближайшего метро.

— Мне «Ленинский проспект» подойдет, я ведь до «Пушкинской», — объясняю не то Виталию, не то Вике.

— И мне «Ленинский» подойдет, — присоединяется Вика, не уточняя, однако, своего дальнейшего маршрута.

Бета завтра утром возвращается из Москвы. Не хотелось бы встречать ее после... Да и по отношению к новой девушке не очень честно — использовать ее в качестве аперитива перед радостным воссоединением с любимой...

Пока я болезненно раздваиваюсь, поезд пролетает два перегона, и Вика спокойно оповещает:

— Мне на «Нарвской» выходить.

— Я вас провожу.

— Я не домой, я к тете иду ночевать. И еще я ей укол должна сделать.

Чувствую некоторое облегчение. Тетю — пускай колет, а я уже начал побаиваться новых уколов в душу.

Это даже приятно — бескорыстно провожать молодую симпатичную даму до парадного на проспекте Стачек, пусть и рискуя не успеть на последний поезд метро. Как прощаются в таких случаях? Целовать руку — не в моем стиле, не умею. А потянуться губами к лицу не получается, это слишком серьезно, это не голышом рядом в бане сидеть. Вика улавливает

мою внезапную скованность и протягивает узкую ладошку:

— Большое спасибо, что проводили. Если захотите — позвоните, буду рада.

И прощается со мной глазами. Во взгляде оба варианта: и навсегда, и до следующей встречи.

...Все это, конечно, красиво и трогательно, но уже с этого момента Вика меня начинает обманывать. Попрощаться попрощалась, а стоило мне домой прийти и лечь в постель, как она заявляется ко мне свиданием — в том самом неприличном виде, в каком я, на беду свою, углядел ее в предбаннике. Не могу сказать, что просыпаюсь в спокойном состоянии. Сначала был раздвоен, потом рас-троен, теперь речь о расчетверении идет!

Да-да, и о тебе всегда помню, можешь не сомневаться. Причем без каких-либо конкретных видов на будущее. Просто хочу, чтобы тебе было хорошо. Вот уладится все в твоей жизни — и я тебя с чистой совестью забуду. Сложный цвет глаз забуду, бутончик твоих губ, их прохладный вкус с ветерком на Ильмень-озере, бедра твои уютно-шелковые, широкие и гостеприимные забуду, искривленные мизинцы на ступнях, забуду подземный монастырь со свечками, учащенное твое дыхание и бесконтрольно вырывающиеся слова... И где у тебя синева неожиданная — тоже забуду...

ДВЕ НОВОСТИ...

И обе хорошие. И обе связаны с одним небольшим, но великим городом. Первая — твой звонок с позитивной информацией о семействе. Я уверен, что именно благодаря тебе и муж поправился, и дочка психологического равновесия достигла. Я же говорил, что у тебя феноменальная душевная энергетика. А ты, помню, еще так иронически: «Энергетика... Энерджайзер... Дюраселл...» Вроде девушка ты гуманитарная, а так плоско-материалистически понимаешь понятие «энергия». Душевный потенциал эмпирически не исчисляется, но это — реальность. И дочь, и муж получили от тебя необходимую дозу излучения в нужный момент. А у меня ты была для кайфа, для блажи, для опьянения. Поэтому наши с тобой отношения там, наверху, и не утвердили — знали, что ты скоро понадобишься по месту жительства, брака и материнства. Сурово, но справедливо.

Повеселев, отправляюсь в свое бюро пешком. В ровном настроении я пользуюсь каким-нибудь транспортом, а пешком хожу либо в очень плохом, либо в очень хорошем расположении духа. Фирма наша уже дважды перелетала с места на место, а теперь угнездилась в Басковом переулке, между улицами Маяковского и Восстания. Скромненько так, простенько с виду. Вход со двора. Поднимаешься по замызанной лестнице на третий этаж, нажимаешь на

кнопку и оказываешься в пространстве светлом, уютном и ароматном — сложный букет из запахов доброкачественного кофе, дорогих сигар и чистеньких деловых девушек.

Куда это все поразбежались? Сажусь рядом со столиком отсутствующей секретарши, и рассеянный взгляд падает на листок с довольно потешным текстом: «В целях повышения конкурентоспособности фирмы устанавливаются следующие правила для персонала...» И далее — подробнейшая инструкция по форме одежды. Никаких маечек голопузых — «белая блуза и темные брюки (не джинсы)». Можно в юбке, но тогда обязательны колготки в любое время года. Джинсы и мужикам запрещаются — слава богу, что я тут не «персонал», а приходящий эксперт. Ничего шерстяного сверху надевать нельзя — ну это уж просто садизм, при нашем-то климате и не зависящем от погоды сезонном отключении батарей. Обувь должна быть начищенной — тут я готов согласиться, тем более что администрация обязуется обеспечить всех на рабочем месте щетками и кремом. Дочитываю до слов: «Нижнее белье должно быть...» — и, как назло, страница кончается. А второй нету. Какое же продолжение?

Тут как раз секретарша возвращается. Европейского типа, молодая — но не слишком! — дама, живое воплощение спокойствия и уверенности. Извещает, что шеф будет с минуты на минуту, что он очень про-

сил меня подождать: есть серьезный разговор. В этот момент у меня вырывается почти непроизвольно:

— А вы не покажете, каким все-таки должно быть нижнее белье? А то я просто заинтригован...

Она смотрит невозмутимыми зеленовато-продолговатыми глазами Орнеллы Мути — и вдруг медленно и плавно начинает расстегивать пуговицы своей белой, согласно должностному стандарту, блузы. Первую, вторую, третью. Белый бюстгальтер с розочкой между двумя чашами замечательно контрастирует с посмуглевшим где-то в Египте свежим и в то же время взрослым телом. Не всем женщинам и не всегда загар идет, но в данном случае то, что надо.

— Большое спасибо, — говорю. И начинаю осторожно объяснять, что вообще-то имел в виду письменный нормативный документ. Смутится или засмеется?

Ни то, ни другое. Находит и вручает мне вторую страницу приказа, после чего начинает в том же сдержанно-достойном ритме застегивать свои тайны.

Читаю, что нижнее белье «должно быть соответствующим и не отвлекать сотрудников-мужчин от работы». Что за пошлость! Разочаровала меня бюрократическая мысль — в отличие от только что увиденной живой картинки. А тут уже и шеф стремительной походкой приближается. В строгом синем костюме, белой рубашке и бордовом галстуке: личный пример безупречности.

У меня с ним сложились странноватые отношения. Он на несколько лет моложе и потому немного меня стесняется. Хотя и выпивали с ним пару раз, но так и остались на вы. Что вполне понятно. Проще ему будет когда-то сказать, ко мне обращаясь: «К сожалению, фирма в ваших услугах больше не нуждается». «Твоих» прозвучало бы грубо.

Прежде чем приступить к разговору, шеф долго и внимательно на меня глядит, бессловесно. Я тоже молчу и смотрю в лицо, знакомое детально: близко посаженные небольшие глаза, тонкая носовая кость, на губах всегда двусмысленная усмешечка. Произнеся глуховатым голосом коротенькую фразу, шеф вынимает из стола и торжественным жестом шлет мне красивый конверт. Открываю, а там ни много ни мало тридцать зеленых купюр. Точнее, светло-зеленых, европейских. Большого, чем доллары, формата, а на сегодняшний день и большей покупательной силы — соответственно текущему курсу.

Три тысячи безусловных единиц! Таковы лавры за новгородскую разработку. Было за чем сюда приходить! И сумма симпатичная! Не слишком толстая, но и не слишком худая. Больших проблем — квартир-но-ремонтно-дачно-автомобильных — ею не решить, конечно, зато сколько удовольствий можно купить! И моральный тонус приподнялся. В богачи мы не метим, но и в ряды нищих тоже пока не попали. Никак не скажешь ведь: в кармане этого нищего были жал-

кие три тысячи евро. Или: бесперспективный маргинал пришел в офис и получил сто тысяч рублей (а тут даже побольше ста тысяч будет). Абсурд!

Надо будет матери к Восьмому марта субсидию выделить. Или лучше купить ей новый телевизор с видиком и привезти на дом. Чтобы «Сагу о Форсайтах» смотрела и пересматривала она в правильном цвете.

Какие еще идеи? Денежки, когда я их в карман отправляю, уже начинают понемногу жечь руки, того гляди, прожгут конверт, пиджак, пальто и самого меня превратят в пылающий факел. Срочно требуется кутеж. Нужна какая-то роскошь. Где ее взять в нашем строгом, стройном городе?

Но — нашел... Нашел я город еще строже, хотя и отнюдь не стройнее. Называется Лондон. В Лондоне — гостиница «Уайт лиф», в гостинице — скромный номерок, в номерке — двуспальное ложе, на ложе — нагая Беатриса со стаканом эля в руках. А я — не то рядом, не то прямо в ней, как часть ее неотъемлемая...

Дело в том, что, возвращаясь тогда домой с мешком евро, увидел я рекламку разных туров и подумал: а чем я, блин, хуже какого-нибудь, на хрен, Березовского? Он торчит в Лондоне, а «back in the USSR» у него не получается, разве что в Грузию на денек пробрался. А я могу и туда и обратно. Бета бывала в нескольких странах, но Ла-Манша еще не пересекала.

Гордая она у нас дамочка: «Я езжу за границу только с научной целью, как написано в одной советской пьесе. Вот когда Англия дорастет до моей высоты — тогда и пригласит». Ну, думаю, этого ждать не переждать. Англичане, с одной стороны, самые умные люди в мире: Шекспир типа, Льюис Кэрролл опять же. С другой стороны, они же самые консервативные и, что самое непонятное, больше всего на свете уважают нарушителей ихних же правил. Классический пример — пресловутая принцесса Диана. Несчастливая женщина, севшая на иглу дешевой популярности. Манила к себе этих журналистов и фотографов — и от них же погибла. Что она, такая уж красавица, умница? Да у нас в любом провинциальном пед- или мед-институте неотличимая от нее девушка-двойник точно найдется... Ладно, царство ей небесное, а я Беатрису в этот Лондон насильно отвез... Скромный подарок к международному женскому дню.

А тебе отсюда отправляю цветную английскую открытку вежливого содержания, чтобы и муж, и дочь могли прочесть. И почерк беспечный, и лондонская печать... Придет не раньше чем в начале апреля, так что я, чуть-чуть опережая время, вполне могу войти в роль Анны Снегиной и бормотать про себя с опережением на месяц: «Теперь я от вас далёко. В России теперь апрель. И синею заволокой покрыта береза и ель». Черт, даже глаза повлажнели: какие, однако, строки слезобойные...

О России в третьем лице я, может быть, вообще впервые в жизни подумал. Здесь, стоя на нулевом меридиане. Ну почему мы такие бегуны? Чтобы понять свою привязанность к жене-родине, нам обязательно надо сбегать в страну-любовницу... Такие вот дела.

А ты изменилась за последние месяца два. Все время себя слабой женщиной обзывала, но расставание со мной, как ни странно, тебя только укрепило. И, когда жизнь прижала, такой силы набралась... Просто чувствую, как ты ни от кого не зависишь, как живешь прежде всего внутри себя самой и притом другим можешь многое дать. Удастся ли мне на тебя, такую новую, когда-нибудь посмотреть? Не уверен. Но, как сказано в той же поэме, вы мне по-прежнему милы, как родина и как весна...

ВЕСНА...

Весны-то у меня с тобой как раз и не было. Ты вся летняя, влажная и горячая, даже зимой. Пытался от тебя отделаться при помощи грустной и осенней большой Виты, а ее куда-то унесло. Вижу ее только в нервных снах. Быстро проходит она по темной улице в длинном атласном белом платье, на высоких каблуках, а ее кто-то преследует. Она убыстряет шаг, на лице ужас... Пробуждаюсь, снова засыпаю — и тот же кошмар прокручивается. Вот что осталось от беззаботного приключения.

Теперь из нашей питерской мокрой и холодной весны звонит мне небольшая Вика и зовет на себя. Зрелище называется «Темные аллеи». Два билета оставлено на входе.

У Беты лекция на вечернем отделении, да едва ли уместно с нею приходить. Как ей представить новую знакомую? Девушка, с которой я мало знаком, потому что видел ее в основном голышом? И вообще — идти или не идти? Тридцать пять лет и одинокая. Что одинокая — это точно. У меня слегка наметался глаз насчет женщин. Ведь я теперь донжуан, пусть с кандидатским, менее года, стажем.

Существует шахматное правило: тронул — ходи. Я Вику в буквальном смысле не трогал, хотя и с голгой рядом сидел. В переносном же смысле она меня очень тронула. И есть, в конце концов, нормы вежли-

вости. Я с артистами никогда не бывал знаком, но, наверное, на приглашение нельзя отвечать неявкой без уважительной причины... Будет она со сцены искать взглядом приглашенное лицо — и не найдет. За что так обижать человека?

Все! Нравственный императив заработал и везет меня в район Парка Победы, где я сижу в небольшом, но полностью занятом зальчике (снова стали люди в театры ходить, а я-то думал, что искусство погибло после моего ухода из армии активных зрителей) и из третьего ряда смотрю прямо в глаза Вике, которая в черном трико изгибается на сцене. В руках у меня купленные по дороге три красные розы — большие, бросающиеся в глаза и делающие меня почти участником спектакля. Господин с розами.

Идея странная: молчаливыми жестами изображать «Темные аллеи», где так важны слова, интонация. Я эти рассказы с юных лет почти наизусть помню: седьмой том из коричневого девятитомника Бунина был для нас когда-то книгой номер один. Теперь эротикой завалены все магазины, но уверен, что бунинского уровня никто не достиг. И не собираюсь проверять это путем чтения глянцевого похабщины. В скромной программке обозначены три рассказа: «Генрих», «Зойка и Валерия», «Руся». Краткое содержание не излагается: очевидно, зрелище рассчитано на просвещенных знатоков и ценителей типа меня.

Степень Викиного участия от сюжета к сюжету возрастает, и это для меня лично изрядно усиливает интерес. В «Генрихе» Вика присутствует только в толпе, и, на мой взгляд, эта часть наименее удачна. Потом она играет Зойку, хотя по типуажу ей гораздо больше подходит Валерия. Костюм Зойки решен весьма оригинально: верх черный, затем черная мини-мини-юбка, ничего, по сути, не закрывающая, а ниже пояса тело обтянуто прозрачной синтетической тканью телесного цвета. Издалека может показаться, что ниже пояса на Вике ничего нет, но вблизи видно, что это такие колготки, а под ними еще и трусики аналогичной окраски. У Валерии соответственно наоборот: черный низ и светлый верх, имитирующий обнаженную грудь.

Я сразу понял, как сработает Викин костюм, и с нетерпением ждал соответствующего момента. Вот Зойка-Вика делает вид, что ее укусило в попу какое-то насекомое, вскакивает на тумбу, задирает юбочку и, скорчив болезненную гримасу, требует от героя помощи: мол, подуй в место укуса. Тот вытягивает губы в трубочку и, пробежав круг по сцене, трижды припадает губами к Викиной ягодице. Публика тут даже аплодирует. Я, конечно, рад за Вику, хотя не могу мысленно не отметить, что Бунин имел в виду немного другие габариты. «Он, дунув, жадно поцеловал несколько раз в нежный холод широкой полноты ее зада». Конец цитаты. Я ее и раньше припоминал — в других ситуациях. По поводу иного зада.

А Вике, повторю, впору была бы роль Валерии. Как хорошо бы она смотрелась в финальной сцене, когда роковая Валерия сначала прижимает голову героя к груди, а потом — резко отталкивает! Тот, отвергнутый, отброшенный, вертится волчком и бежит навстречу идущему поезду. И надо же — они так здорово этот поезд изобразили: десять пар, прицепившись друг к другу руками, извивом проносятся по сцене, и герой в первую пару врезается. По поводу самого рассказа у меня сохранялось недоумение: зачем Бунин обрек героя на самоубийство? А тут понятно: жизнь — это безумный поезд, и если настроение человека вступит с ним в резонанс — все, крышка!

Вот наконец и «Руся». Здесь Вика в главной роли и в желтом сарафане, да еще с большой черной косой, как писатель изобразил. Косу постановщик обыграл надлежащим образом, сделав бутафорский парик действующим лицом. Суровая мать то и дело связывает Русю этой косой, как цепью, а герой-любовник освобождает от оков. Наступает сцена катания на лодке. Появляется главный герой с веслом в руке. Где же лодка? А лодкой оказывается сама Вика. Два крепких юноши берут ее за руки и за ноги и ритмично раскачивают. Да, акробатика в действии...

«Доплыли» они, значит, до того берега. Луч прожектора высвечивает Вику, она сбрасывает сарафан, оставаясь в лифчике и трусиках телесного цвета. А по всему телу приклеено штук шесть-семь «родинок»,

упомянутых писателем, но, конечно, театрально преувеличенных — до черных кружков диаметром два три сантиметра. И эти темные точки создают иллюзию полной обнаженности.

Герой к Русе-Вике практически не прикасается — это позволяет моей ревности дремать не пробуждаясь. Интимная близость изображается исключительно условными средствами. Парень блещет атлетизмом, совершая разные антраша, и Вика демонстрирует гибкость всеми возможными способами: и мостик делает, и шпагат, и танец живота. Сдается, что ее движения сильно пронимают зал, который в молчании ловит кайф, не нарушая его аплодисментами.

Дело близится к развязке. По сцене проносится сумасшедшая мать Руси. Ее играет высокая красавица, которая, конечно, помоложе исполнительницы «дочкиной» роли. Но это ощущаю только я, поскольку Вика бесхитростно доложила мне свои анкетные данные, а публика, полагаю, воспринимает обеих актрис как двадцатипятилетних. Нехорошая мамаша стреляет из того самого пистолета, которым в первом акте уколошили писательницу Генрих, потом бьет этим пугачом героя по голове, и они начинают красиво драться: оба высокие, сильные — вот где возникает сексуальность, Буниным отнюдь не предусмотренная.

Мамаша перекидывается на Русю, длиннорукими жестами ставя ей ультиматум: «Мать или он!» Руся

покорно падает на колени. И происходит мизансцена довольно шокирующая: эта дылда берет мою Вику за бутафорскую косу и трижды прижимает Викино личико к своему лобку. На третий раз они скульптурно застывают, а все остальные участники действия на цыпочках удаляются...

Конечно, это чистейшей воды искажение классики: ручаюсь за Бунина, что он не имел в виду никакого лесби между Русей и матерью. Но, с другой стороны, как сделать убедительным для зрителей тот факт, что Руся отказывается от любимого мужчины? Какого черта она не плюнула на безумную маманю и не спасла собственную женскую жизнь?

И во мне зародилась крамольная мысль. Бунин, повторю, — эротический писатель номер один. Кто еще умел так красиво и в то же время наглядно описать женские глаза и волосы всех цветов и оттенков, носы и губы всех форм, плечи, груди, руки, подмышки, животы, попы, бедра, лодыжки, даже ступни? То есть женщину от и до. И все это в сочетании с богатством природы, в симфонии цветов, звуков и запахов! Но... Есть одно «но».

Как кончаются любовные сюжеты «Темных аллей»? То героиня коварно бросает мужчину, как Муза Граф, то уходит ни с того ни с сего в монастырь, как в «Чистом понедельник». Какая-то из-за пустяковой ссоры травится, какая-то гибнет из-за прежде-

временных родов, еще у одной любимый мужчина внезапно умирает в парижском метро... Даже если трагично, тем не менее всякий раз красиво и возвышенно. Не спорю, все это в жизни случалось и случается.

Но редко. А чаще, в абсолютном большинстве случаев, разрывы осуществляются по одному некрасивому и совсем не поэтичному сценарию. Мужики, холостые и женатые, просто бросают бедных женщин — жен, любовниц, случайных встречных — бросают самым циничным и беспощадным образом. Зачастую вероломно, внезапно и без объяснений. Те же отнюдь не травятся, не топятся, не находят себе «другого, который еще лучше», а продолжают мучительно жить в холодном и жутком одиночестве...

НО ЭТО Я УЖЕ ПОТОМ ПОДУМАЛ...

А тогда я напряженно ждал конца немой сцены. То есть немым-то было все представление, финальной же сценой стал одно- или двухминутный неподвижный пластический дуэт Руси и матери.

Вот и мой выход. Он происходит после того, как первый каскад аплодисментов прокатился по залу, после того, как исполнителям главных ролей вручили положенные ритуальные букетики. Господин с розами делает решительный шаг на подмости. Ни зрители, ни труппа еще не знают, кто же его избранница...

Ну не просто же сунуть в руки цветы — и уйти. Худенькая щечка совершает поворот в мою сторону, она, конечно, чем-то намазана, и мои губы принимают на себя частицу грима. Искрящиеся глазки загадочного цвета — уже мои. Я даже не произношу какую-нибудь поздравительную реплику: пантомима так пантомима. Я принял условность, и теперь мы будем жить по законам большого молчания...

И вот она ведет меня в свою жизнь, в маленькую заманчивую глушь между Боровой и Воронежской улицами. Ни души вокруг. Как это она здесь ходит одна поздними вечерами? Четырехэтажное здание неопределенного возраста и цвета притаилось во дво-

ре. Двери настежь, никаких замков: заходи и делай тут что угодно. Квартира у нее на первом этаже, а решеток на окнах нет. Ведь залезть могут...

— И залезали на кухню. Дважды. Один раз бутылку пива унесли из холодильника, а во второй — кошелку с помидорами, которые мама мне из Волгограда с поездом прислала.

Первого вора я бы, пожалуй, простил и помиловал. Так рискнуть ради бутылки пива — даже романтично. А второй — подонок. Он оскорбил родственное чувство. Чувство, с которым мама тащила к поезду кошелку. И чувство, с которым Вика своими тонкими ручками эти помидоры с вокзала домой несла.

У нее целых две комнаты. И в обеих так просто-рпно, будто домушники только что вынесли все лишнее. Мебель пятидесятих годов. Магнитофон — из древних советских кассетников. Книжная полка — сплошь в поэзии, а на комодке тяжелые индуистские фолианты.

Теперь все предрешено. Я вошел в этот худенький, странный и молчаливый мир. Как занавес, снимается клетчатый плед, под ним — темно-зеленая простыня, а на ней — свежевывитая гибкая Вика. Завороженный поэтичностью картинки, я вдруг вспоминаю о прозаической стороне дела. У меня ведь так мало опыта и по этой причине даже нет в кармане серебристого или золотистого пакетика с резиновым колечком внутри... Говорят, молодые девушки теперь сами

всегда снабжены... Или Вика уже не настолько молодая, не настолько продвинута?

— А я не должен...

— Чтобы детей не было? Для этого я кремом пользуюсь. Приготовилась уже. А в другом смысле — я вам доверяю.

Не столько радует меня это доверие, сколько огорчают слова убийственные «чтобы детей не было». Девочка, зачем ты привела к себе в жизнь этого постороннего, бесперспективного искателя приключений? Человека, с которым тебе даже на ты трудно перейти. Больно мне глядеть на твой целенький детский животик. Надо, чтобы у тебя как раз были дети. Затаскивай в постель молодого красавца — и никаких кремов! — зачинай, беременей тайком, а потом атакуй мерзавца, шантажируй, добивайся если не законного брака, то хоть статуса постоянной любовницы. Не засыхай, березка, цвети, сочись, ты же такая стройная и трогательная, подобных тебе не так уж много в нашем холодном городе, в нашем недобром мире...

Ты мне очень нравишься, но разве я люблю тебя? Разве я готов навсегда остаться в твоём убогом жилище или забрать тебя в свои небогатые, но все же не такие холодные апартаменты? Мне всего лишь любопытно, что я сейчас почувствую, войдя в твоё тело, какие воспоминания будут у меня завтра, вдали от тебя.

Заработал во мне орган по имени совесть. Но что толку? Одеться? Напялить на Викины точеные конусы маленький синий бюстгальтер, а готовую к встрече бездну облачить в трусики? На мне мои белые еще имеются, и пока не представал я... Нет, представал... В бане-то видела она меня во всей, с позволения сказать, красе... Запоздалой нравственностью только оскорблю женщину, у которой так мало хорошего в жизни, что за радость сойдет и мое скромное мужество.

А, пропадаем!

Какое покорное тело, однако. И какой у него горьковато-шоколадный вкус... Прежде судьба сводила меня с женщинами солнечными, яблочными, утренними. С ними весело, но каждый раз их приходится завоевывать как бы заново. А эта, ночная и печальная, — вся твоя. Пожалуй, впервые в жизни себя почувствовал этаким царем, царьком во всяком случае.

А она на меня по-детски смотрит, беззащитно. Не позволяет себе вольностей, смиренно ждет, когда я первый к ней прикоснусь. Руку мою к щеке прижимает и взглядом говорит, что отдает себя в полное мое распоряжение. На все согласна. Даже страшно за нее становится.

Замечаю на лбу у основания волос маленький крестик беленький. Откуда он?

— В детстве с горки каталась и лоб расшибла. Зашивали мне его.

Бедненькая! Снова хочется ее гладить, утешать...

Вот опять я привязываюсь, с самого начала. Прямо как коккер-спаниель ушастенький, который живет-живет у любимого хозяина, а между тем всякий, кто его на улице приласкает, запросто может увести. Вика тоже оделась и тянется меня провожать. А назад, что ли, одна пойдешь? Разрешаю ей сделать несколько шагов до Боровой и отправляю прочь. Жду, пока она вернется и включит свет в комнате, где мое второе «я», жадное и самодовольное, нагло разлеглось на зеленой простыне.

Свернув направо, прохожу мимо заброшенного краснокирпичного собора. Архитектурный бомж! Весь избитый, исцарапанный, ободранный. Может, он большой исторической ценности собой не представляет, но разве можно так обращаться с творением рук божьих и человеческих! Кто над ним надругался?

И все-таки не убит он! Над дверью дешевенькая табличка «Дом Евангелия» — стало быть, обитаем, не всегда на замке. Под башней у него, как бы на шее, имеется простейший крестик из двух деревяшек. А на плече, на уступе каменном, маленький зеленый клен листву пустил. Это меня особенно трогает...

Да еще мы с Викой оказались почти соседями. Перейти Обводный, свернуть на Звенигородскую — и я уже рядом с домом. Своим. Искушение посели-

лось в пятнадцати, от силы двадцати минутах от главной жизненной артерии... Ветерок подул со стороны автовокзала, с которого я отправлялся за запретными плодами. Новгородское счастье мне прощально улыбнулось.

Прохожу по площади мимо ТЮЗа. Металлический великан-очкарик, сидящий в железном кресле на высоком пьедестале, повернулся в мою сторону и всматривается внимательно. Что скажешь, Грибоедов? Ждет меня горе отнюдь не от ума? Это я и сам знаю.

ПИСЬМО...

В мучительном состоянии я тебе его написал. Сама сказала: изложи в письменном виде. А я, дурак, и поверил...

Извини, я знаю, что нельзя женщине говорить: «Ты сама сказала». Женщина всегда имеет право отказаться от прежнего суждения или просто его забыть. А та же формулировка в мужском роде: «Ты же сам сказал...» — вполне законная, и пользоваться ею — неоспоримая привилегия женщины.

Мне тогда, правда, очень хотелось посоветоваться. Вита пропала. Что предпринять? Не могла она мне целых два месяца не звонить. Значит, что-то серьезное случилось. А с Викой? Не дать ли сразу задний ход? Или это будет неоправданной жестокостью?

С Бетой обсудить эти вопросы я не мог. Стал прикидывать, кому же исповедаться. Есть такое выражение «родные и близкие» (как правило, в соболезнованиях «родным и близким покойного»). Кто у меня родной и близкий, помимо Беты и сына моего несмышленного? И подумал, что ты.

Сбивчиво изложив на бумаге свои показания, я еще сомневался: стоит ли посылать? Может, это что-то типа дневника у меня получилось? Может, это послание я писал самому себе, и его надо припрятать в тайнике? А потом подумал: зачем-то ты ведь мне дала свой адрес «до востребования»? Не для такой ли секретной кор-

респонденции? Когда конверт шлепнулся на дно почтового ящика, отчетливо я понял: зря! Но улетело мое слово-воробей, глупое и наивно-самодовольное.

Дней десять выдерживаю и наконец звоню. Знаю, что выдашь мне сейчас по полной программе, но уж лучше, чтобы ты это в себе не слишком долго держала.

— Я думала, ты умнее. Но поскольку ты совсем по рукам пошел и скоро превратишься в банального бабника, то вот тебе совет как будущему донжуану: никогда не рассказывай женщине про чувства, которые испытывал к другим женщинам. Про жену я еще выслушивала, хотя и поеживалась всякий раз, но чтобы выносить тех, кто после меня... И каких советов ты от меня ждал? Танцорка эта тебя уже подцепила: не сомневаюсь, что ты с ней регулярно трахаешься, а московская куртизанка, как ты ее красиво назвал, — по-моему, так тут другое слово больше подходит, — никуда не денется и объявится в ближайшее время. Наверное, деньги зарабатывает одним местом, а как окажется в простое — придет к тебе чистой любовью заниматься. По-моему, таких, как ты, женщины подобного поведения называют котами. Вот так-то, котик мой... Ладно, все, что ни делается, делается к лучшему. Наверное, теперь мне тебя легче будет разлюбить...

Может быть, именно этого я и добивался дурацким письмецом: подсознательно хотел тебе помочь

навсегда от меня избавиться и уже не испытывать лишних страданий.

Но можно и другое здесь увидеть — чисто эгоистическое и довольно свинское намерение показать тебе: мол, посмотри — молодые, раскованные женщины мне отдаются без всяких там гарантий и тем более без брачных обязательств. А ты... Очень невыгодное для меня истолкование, очень некрасивое... Однако оснований не лишнее.

А что тебе я тогда ответил — не помню. Нечем крыть было. В конечном итоге ты оказалась трижды права — и насчет меня, и насчет Вики, и насчет Виты.

С Викторией не то чтобы регулярно, но встречался — уже в интервале между письмом и звонком. С ней так легко и просто. Пожалуй, слишком легко. И действительно, я балуюсь и порчусь от ее молчаливой покорности. Совсем не пришлось ее завоевывать, и это даже немного тревожит. Что она от меня скрывает? А я, не умея расположить ее к откровенности, сам распускаю язык. Лежа в расслабленном состоянии, недавно стал высказываться в том духе, что мне раньше нравились главным образом женщины крупных форм, а с нею я впервые оценил прелесть миниатюрной фигурки. (Тоже мне гурман нашелся! И как будто я снисхожу до нее, прощаю ей ее скромную весовую категорию!) А она так беззащитно: «Главное, чтоб я тебе нравилась». И тут же стала рассказывать

про свою подругу, высокую и грудастую, чуть ли не предлагая ее сюда пригласить и со мной познакомиться. Может быть, у нового поколения секс втроем в порядке вещей, но я еще для него, пожалуй, не созрел. Нет, говорю, никаких подруг не надо.

Про свое женское прошлое говорит уклончиво и неохотно. Как о малозначимом факте сообщила, что побывала замужем: в двадцать лет выскочила за преподавателя электротехнического института, где тогда училась. «Хотелось, чтобы рядом был кто-то старший, я ведь с двухлетнего возраста без отца жила. И еще этот человек мне понравился, потому что был похож на молодого Бунина». Тот несколько лет назад умер, и вот теперь Вика живет в двух комнатах одна, причем на часть жилплощади может претендовать взрослая дочь этого «Бунина» от первого брака.

— А какая дальше была у тебя личная жизнь? — довольно бесцеремонно спрашиваю я.

— Да никакой, — отвечает. — Как-то не везло. Не будем говорить о присутствующих, но если бы я стремилась встречаться с душами, а не только с физическими оболочками, то, наверное, до сих пор бы осталась девственницей.

После такого признания неудобно стало дальше спрашивать ни о муже, ни о других «оболочках». А мне, «присутствующему», из вежливости исключение сделано — или я тоже «оболочка»?

И к театру любовь у нее тоже какая-то невеселая. Убежала в него от инженерной своей профессии — это понятно, это со многими произошло, особенно после крушения отечественной индустрии. Но не увидел я, честно говоря, в Викином лице после «Темных аллей» того просветления, которое дарует Мельпомена своим счастливым любовникам, удостоенным реальной взаимности. Девушка скорее из тех, кто в театре ищет чего-то абстрактно-высокого. И, как правило, не находит. И насчет меня она, может быть, заблуждается. Познакомилась со мной в относительно престижной банной компании. Я еще наивно проговариваюсь про жену-философа, разъезжающую по заграницам (тоже мне нашелся «товарищ Крупский» из анекдота!). Не решила ли Вика ошибочно, что я человек, входящий в какие-то «сферы»?

Нет, «подцепила» — не совсем то слово. Но — зацепила она меня. Хочется понять, чем она дышит, чего хочет.

А Виту ты мне предсказала просто с математической точностью. Буквально через два дня после твоей телефонной выволочки звонит она, веселая и, судя по всему, изрядно вкусившая какой-нибудь текилы:

— Ну что, соскучился по мне?

— Соскучился! Я тут с ума сходил. Не уверен был, что ты жива. Где скрывалась?

— Да в тюрьме сидела.

— Какой тюрьме?

— Обыкновенной. «Кресты» называется. Приезжай в Купчино, я тебе с удовольствием отдамся и заодно все расскажу...

...Для меня главное теперь — убедиться в наличии. Не торопись, я буду тебя принимать по описи. Глазки золотисто-карие, таинственные — две штуки. Губы тонкие и нервные — на месте. Чудеса большие и сладкие — два экземпляра. Голова — одна и совершенно безумная...

А теперь — рассказывай.

— Тринадцатого января утром вернулась я из Москвы. Знаешь, я раньше считала тринадцать своим любимым числом — думала, что я такая нестандартная. А теперь поняла наконец: все дурные приметы верны. В поезде совсем не спала, поэтому как только добралась до Купчина, душ приняла — и в постель. О тебе помечтала — и заснула. Готова была до следующего утра дрыхнуть. Так нет же, звонит покровитель мой и требует, чтобы я к шести часам оделась позагребистее и была готова с ним в казино «Вегас» фигачить.

В заведении этом мне сразу не по себе стало. Было недоброе предчувствие, и живот вдруг разболелся. И, когда я в туалете сидела, внутренний голос даже посоветовал выскочить на холод в длинном пла-

тье с большим вырезом, остановить, как в кино, случайную машину и нестись куда подальше. Но я, конечно, вернулась к столу. А когда мы в два часа ночи выходили из заведения, нас прямо на крыльце и повязали.

— За что?

— Такого человека, как он, всегда есть за что. А у меня в сумке нашли лекарство, которое я должна была одной подружке передать и которое при желании можно рассматривать как наркотик. Привезли в «Кресты» — и в камеру, человек на двадцать. Встретили меня радушно — табуреткой по голове поприветствовали. Ну, я немного очухалась — и тоже начала себя показывать. Говорю им: «Вы все, суки, у меня еще лизать будете». День на другой, на третий зауважали меня постепенно. Там по-своему правильные законы, и если кого унижают, значит, он сам того и заслуживает.

И, ты знаешь, мне там даже интересно было. Звонить, правда, могла только матери в Москву, где я прописана. А тебя мне подставлять не хотелось: что хорошего, если твой номер возьмут на заметку?

Покровитель сначала сам выпутался, а потом меня вытащил: это по его масштабам оказалось даже недорого. Поскольку я из-за него загремела, то он, как человек порядочный, обо мне теперь заботится и в мае на поправку отправляет, на Мальту или на Кипр.

— Что, опять мне с тобой расставаться?

— Господин Петров, да вы никак влюблены? Как мне это нравится! Приятно, когда в тебя влюбляются.

А мне приятно — равенство, равновесие. То, что мы тянемся друг к другу с совершенно одинаковой силой. Как на старинных рыночных весах клювики с двух сторон застывают на одном уровне — и парят, парят металлические птички в воздухе, не ощущая тяжести гирь, положенных жизнью им на спины.

Пока еще не хватает куража позвонить в Новгород, но нашел я способ взаимодействовать с тобой. Причем регулярно, три раза в неделю. Как? По вечерам телесериал потребляю. Тот самый, на который ты подседа когда-то. Теперь его крутят по второму разу, я и присоединился. Ничего, что не смотрел «предыдущие шесть» — или даже тридцать шесть. Главное, что нью-йоркские страсти мне живо напоминают другой город, тоже по-своему «нью». Глазею твоими глазами. В одиннадцать вечера иду в Сашкину комнату, где обитает наш «ящик», — и погружаюсь. Бета к моей новой привычке относится со снисходительным пониманием. «Это у тебя возрастное», — говорит.

Как всякий зритель мужского пола, я довольно скоро выстроил иерархию четырех героинь исходя из собственного вкуса. На первое место у меня вышла... Нет, не блондинка Саманта. Внешние данные у нее впечатляющие, но есть два минуса в поведении. Слишком увлекается оральным сексом (все-таки ра-

зумная мера нужна и в этом), а также чересчур озабочена размерами мужского члена. Ни ум, ни душа для нее не важны. Нет, нам это глубоко чуждо. Посему пальму первенства я отдал темноволосой улыбчивой Шарлотте. Да, как ни странно. Кошечка, с невинно-добропорядочным видом и тайным блеском в глазах — это то, что надо (если не мечтать о чудесах). Саманте, стало быть, досталось серебро. На третьей ступени — Миранда, рыжая дылдошка с детским личиком, есть в ней некоторая пикантность.

А вот главная героиня Керри осталась за пределами пьедестала почета. Понимаю, что актриса, ее играющая, — самая звездная из четырех, но по жизни мне такой типаж не импонирует. Я даже удивился, что ты себя отождествляешь именно с ней. У нее такое тело небогатое, уж совсем никакого сходства с тобой. Что же касается художественного образа, если тут допустимо такое выражение, то подобные дамы в жизни имеют место. И в американской, и в нашей. Женщины, не способные отдаться полностью. Это беда — и для них самих, и для мужиков.

МЕЖДУ ВИТОЙ И ВИКОЙ

Май выдался без Виты, потому опять зачастил я на Боровую улицу. Упорно всматриваюсь в Вику:

— Так и не пойму: какого же цвета у тебя глаза?

— Болотного. Мне мама всегда говорила, что они у меня как у козы. И взгляд такой же невинный, как у козы, когда она забредет в огороде куда не надо и погрызет там все...

Болтая, стараюсь умирить нервную дрожь, в которую меня повергает ее беззащитное тело, уже полностью вышедшее из одежды:

— А где же родинки? Ни одной не вижу. И как тебя на роль Руси утвердили?

— Лучше не говорить о том, как и за что роли дают. А у меня есть просьба. Не обидишься?

— Конечно нет.

— Можно так, чтобы молча? А то я начинаю думать, что ты уже скоро, и из-за этого не могу настроиться.

Смущаюсь. Оказывается, я не умею себя вести надлежащим образом. Хотя... Вита совсем другая: она и сама любит подавать реплики, не стесняясь в выражениях, и мои безумные признания ей по вкусу, тает вся в такие мгновенья. Ладно, здесь будем соблюдать законы немой пластической драмы.

Но не получилось у меня молчаливую роль выдержать. То есть продержать рот несколько минут плотно

закрытым, а в конце соединить свои разжатые губы с Викиными — эту техническую задачу я мужественно выполнил. Но то оказалась последняя встреча наших тел. Может быть, я сам и сделал ее последней...

В общем, сейчас ты будешь сильно смеяться над несостоявшимся донжуаном. Я не только не послушался твоих мудрых советов, но и — более того — стал им следовать с точностью до наоборот.

Мои визиты на Боровую улицу прекратились ввиду внешних обстоятельств и по причине более чем уважительной: к Вике приехала ее мама из Волгограда. Уважаю родительские чувства: сомнительное удовольствие для матери узнать, что у дочки такой молодой, женатый и небогатый любовник. А я и не спешил, не беспокоился. Все-таки, извини за циничное признание, сексуально голоден не бываю никогда, и, увлекаясь женщиной, ни разу не пользовался ею как тренажером для нервной разрядки или резервуаром для излития излишков. А получать от встречи — с мужчиной, с женщиной ли — душевное облегчение, — так это, кажется, не грех ни по каким заповедям и кодексам.

Свидания с Викой превратились в прогулки, приятно волнующие. То провожаю ее после спектакля, то просто встречаемся на нейтральном поле. И вот однажды, в майский солнечный день, пересеклись мы у площади Александра Невского. Вика в красной маечке, с голым животиком, может она себе такой моло-

дежный стиль позволить. По Лавре пошатались и двинулись в нашу общую сторону по Обводному. Потом удлинити маршрут, свернув налево и дойдя до «Литераторских мостков». В общем, гуляя по кладбищам, отгрохали шикарные похороны нашей любви, сами того еще не понимая.

Вика, как всегда, была воды в рот набравшая, а я все провоцировал ее на откровенность. Говорю: так и не разгадал я твою тайну. А она мне тут же: «Может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней». Ох уж эти девушки, говорящие и думающие цитатами из русской поэзии! И самих себя недооцениваете, и от жизни ждете чего-то нереального! Но уйдет в прошлое этот трогательный тип — и что останется? Отвязные малолетки, вопящие: «Нас не догонят!» — и из всей мировой культуры усвоившие только воровской лозунг «Не верь, не бойся, не проси»?

Чувствую я какое-то возбуждение, думаю: что же ты так от меня душу свою прячешь — то в молчание, то в цитаты? И вдруг меня самого потянуло на идиотскую откровенность. При том, что трезв был абсолютно: мы только некрепкого кофе выпили на Невском. Показалось, что если сам обнажусь, то и она вслед. И не нашел ничего лучшего, чем изложить ей всю нашу с тобой историю — с Пскова начиная и Съезжинской кончая. Так меня понесло...

Как она слушала! Ни одного словечка не пропустила, не перебила ни разу, а потом задала о тебе пароч-

ку вопросов, на которые я увлеченно и совершенно честно отвечал. Все заново пережил, тебя как будто снова потрогал, да еще на Вику произвел такое глубокое впечатление.

Она никак, правда, не прокомментировала услышанное. Но и то сказать, что я своей исповедью занял все время и пространство. На Растанной вдруг на секунду почувствовал, что теряю Вику. Взгляд мой тогда упал случайно на два дома, тесно прижатые друг к другу. Один — четырехэтажный, сталинский, другой — пятиэтажка шестидесятых годов постройки. А по высоте — одинаковые, словно две половины одного здания. И с Викой соединение показалось мне таким же неуместным и ненадежным...

Вот и Боровая. Есть там ее мама или нет — неизвестно, но «по умолчанию» надлежит проститься. Целую Вику всеми губами, и она трепетом всего тела отзывается. Стоп-кадр. А дальше кина не будет.

ОНА НАЧАЛА УСКОЛЬЗАТЬ...

Как принадлежала мне Вика без слов и признаний, так же и удаляется незаметно, на нет сходит.

Глупая моя откровенность, конечно, никакого прямого ущерба мне не принесла. Ну как и кому могла она передать мою тайну? Даже подумать смешно. Вот если бы я нашу с тобой историю доложил лицу мужского пола, то навсегда бы дал ему на себя крючок, и компромат неизбежно бы просочился в окружающее меня информационное пространство. Потому что мужики в большинстве своем — страшные бабы.

Послушала бы ты, как они ближайших друзей поносят: ну, он всю гуляет, такой ходок... Будто сами — инвалиды неподвижные. А осуждают в основном из зависти. Некоторые вступают с дамами в контакты прежде всего для того, чтобы потом в мужской компании прихвастнуть. В этом для них главный кайф. Словом, с братьями по полу откровенность и неуместна, и опасна.

А женщины, как ни странно, надежнее, хотя ими в не меньшей степени руководит зависть и ревность. Но именно из ревности и зависти женщина не станет другой женщине делать рекламу, сообщая, как та добилась успеха у представляющего интерес мужичка. Потому что любовная связь в наше время — это успех дамы, а не кавалера. Может быть, в прошлых ве-

ках иначе было, но я не знаю, не жывал. А по книжкам, по романам судить — дело крайне ненадежное.

Ладно, что-то я в теорию ударился. Не зовут нас с тобой больше на семинар по контактологии, а у меня столько материала накопилось с тех пор...

Но практика довольно мрачная получается. Раньше встречи происходили по Викиной инициативе, и моя задача состояла только в том, чтобы выкроить подходящее время. Теперь же я вынужден все затевать как бы с нуля. После нескольких неудачных телефонных попыток, когда Вика отрывисто-односложно отговаривалась, ссылаясь на всякие обстоятельства, я не выдерживаю и прихожу без приглашения на представление «Темных аллей». Последнее в сезоне: пластическая драма закрывается до осени, причем неизвестно, возобновится ли, — и со спонсорами проблемы, и с арендой.

Один раз она мне улыбнулась из толпы в «Генрихе», очень сдержанно улыбнулась — типа «здравствуй!» или даже «здравствуйте» (в последних разговорах она уже плавно переезжала на вы). А дальше — ни Зойка, ни Руся в мою сторону и не посмотрели ни разу. Решительно двигаюсь за кулисы. Там нет персональных гримборных, в одной комнате семь или восемь девушек, полуголых и потных. Я бормочу «Извините», но никто не смущен, все не прочь свои обнаженные бюстики продемонстрировать истинному по-

клоннику искусства. И только Вика — представляешь! — от моего взгляда полотенцем заслоняется и вежливо, но решительно просит подождать в фойе.

А там я оказываюсь не один. Молодой человек с белокурой бородкой и в синем джинсовом костюмчике спокойно стоит между колоннами. Сразу догадываюсь, что Вику ждет. Помоложе, чем она, будет: явно до тридцати. Пока раздумываю, кем ей юноша приходится, выходит наша прима. Знакомит своих кавалеров, причем меня именует по имени-отчеству, и тут же поясняет, что они с Валерой едут в гости к маминим знакомым. Расплывчатая формулировка. Хоть бы сказала, с какого боку этот Валера появился. Может, всего-навсего дальний родственник, юный представитель волгоградского клана... Никогда я этого не узнаю.

Попрощались со мной. Выходить вместе с ними? Так меня никто не пригласил. Выйти, нервно зашагать вперед и обогнать парочку? Как-то нелепо. Присаживаюсь на обитую красным плюшем банкетку и растерянно смотрю в пол...

Все-таки хочется ясности, и дня через три опять Вику вызваниваю. Она как ни в чем не бывало соглашается на совместную прогулку. Встречает меня с улыбкой, но улыбка эта как будто надета поверх лица. И лицо, и руки, и ноги — все дальше от меня, чем было при первом знакомстве в бане.

Заходим — уж не помню куда, пьем безвкусное, разбавленное пиво. Я долго продумываю формулировку вопроса, который хочу задать. Наверное, у нее кто-то появился. Но ведь и я, встречаясь с Викторией, был, мягко выражаясь, не одинок как мужчина. Как бы все-таки выявить ее сексуальное кредо? Отпив из кружки, вопрошаю:

— А бывало у тебя два мужчины одновременно?

Ответ превосходит все ожидания. Глядя на меня невинными, как у той маминой козы, болотными глазками, Вика совершенно спокойно изрекает:

— И три, и четыре бывало. Но это все не важно...

Следующий автоматический вопрос: «А что же важно?» Но я его не задаю. Пора замолчать...

Принял я такое волевое решение: считаю, что ход теперь за Викторией. Если она соблаговолит включить меня в круг «трех-четырех» своих поклонников, пусть звонит первая. А я еще посмотрю, стоит ли...

Но что тут приключается со мной! Подолгу заснуть не могу, а наутро просыпаюсь разбитым. Все из рук валится — в буквальном смысле. Например, выпрыгнула из моих ладоней и разбилась вдребезги большая пластиковая чашка, в которую у нас горячий кофе из машины стекает. Замену долго придется искать — проще, пожалуй, купить новый агрегат, но у меня уже стариковская привязанность возникла к привычным нашим вещам.

Работы сейчас немного, а у меня налицо полный СХУ. Синдром хронической усталости. Причем что характерно: болезнь эта в основном развивается у тех, кто зашибает сотни тысяч баксов, а я, такой изнуренный и осунувшийся, оказываюсь самозванцем в их рядах. Того и гляди, ракетеры ко мне по ошибке пристанут или киллер пристрелит, приняв за заказанного бизнесмена.

Все, что я из небольшой и коварной Вики выпил, — приходится теперь возвращать. Наверное, Чубайс насчитал, что слишком много энергии от женских тел и душ я получил, и включил меня в число должников своей естественной монополии.

И еще. Не учел я, не подумал заранее, что с Беатрисой мы — сообщающиеся сосуды, своего рода единая энергетическая система. И когда у меня топливо на нуле, автоматически начинается перекачка из Бетиного бака в мой. И это уж такое свинство получается: оплачивать за счет самой дорогой женщины свою случайную и легкомысленную интрижку!

Сижу вечером за осточертевшим, ставшим совсем чужим компьютером, прорисовывая очередную «эффективную модель». Но смотрю в совсем другие «Windows» — в те, что выходят на Фонтанку и глядят через нее на шестиколонный портик так называемого дома с ротондой. И вдруг мне начинает мерещиться, что мимо колонн Вика прохаживается и в наши окна глядит с того берега. Одежда на ней цветов непри-

вычных, но рост, прямая осанка, размеренная походка — те самые. И главное, ведь я однажды, идя с ней по Гороховой, разговорился, расслабился и показал зачем-то такую интимную деталь, как наши окна.

Она там или не она? И вообще: есть там кто-нибудь — или у меня уже крыша плавно поехала?

Тут Бета подходит сзади. Кладет руки на плечи и чуть-чуть касается моей спины грудью — только она умеет выстраивать близость всякий раз с нуля, как будто никаких прав не имеет на меня.

— Юркевич мой, это я, наверное, виновата во всем. Весь наш с тобой общий ум вложила в свое любомудрие. Давай теперь что-нибудь именно для тебя вместе придумаем. Вот, например, перспективное направление — проблема занятости женщин в России. Меня все время зовут в эту сторону, но я же в экономике полный нуль, а ты как раз можешь исследовать женский ресурс.

Нет уж, дорогая, на этом скользком пути я и свои ресурсы до дна исчерпаю, и твои. Я же вижу, что глазки твои уже не так ярко светятся. Ни вопросов от тебя о моем досуге не слышу, ни тем более допросов ты мне не учиняешь, но подсознание-то твое реагирует, страдает... Все, завязываю!

Но от высоконравственного решения толку пока немного, точнее, совсем никакого толку нет. По-человечески поговорить не с кем. Работа все больше концентрируется в он-лайне: скромные дивиденды я за-

рабатываю, по сути, сидя за дисплеем. Раньше, бывало, говоришь с человеком годами по телефону, а потом познакомишься и удивляешься: совсем не таким его по голосу представлял. А теперь у меня сформировался целый круг исключительно виртуальных партнеров, чьей живой речи я не слышал, с которыми только по имейлу и знаком. Раньше от делового разговора можно было как-то соскользнуть в неформальную сферу. Как, мол, здоровье, как дела семейные, а что это вы так грустны — и так далее. А теперь не припишешь же к официальному электронному посланию: ох, Яндекс ты мой, как же у меня муторно на душе!

У Беатрисы вслед за взятием каждого духовного Эвереста следует неминуемое погружение в холодную океанскую впадину. В стране нашей теперь никому не нужны даже физико-математические открытия, а что уж говорить об открытиях философских! Написала Бета новую книгу, лучилась вся от вдохновенной радости, а институт ее труд ни поддерживать, ни издавать не собирается. Один бородатый и даже интеллигентный авторитет на обсуждении сказал: «Ваша ошибка в том, что вы что-то утверждаете. А главный наш принцип в том, чтобы никогда ничего не утверждать». И ему самому вполне удастся следовать этому доблестному правилу.

Теперь Бетина непозволительная «отсебятина» спрятана дома в ящике письменного стола. Как-нибудь это сочинение оттуда выберется, напечатается,

и даже найдутся те, кто его прочитает с увлечением, но совет мудрецов по-прежнему будет игнорировать Бетины идеи, делая вид, что нет в России собственных Платонов, равных по смелости мысли всяким зарубежным Дерридам.

Может быть, не надо нам было по Лондонам разъезжать, а те деньги стоило вложить в книгоиздание? Ничего, еще заработаем... Да и есть у меня некоторые знакомые со спонсорскими возможностями. Давай посчитаем...

Но Бета категорически отказывается от счетов-расчетов:

— Я не городская сумасшедшая. Я — профессионал. Не желаю печатать свою монографию частным образом, как любители и графоманы. Хочу, чтобы моя книга вышла там, где положено, и распространялась как надо. Я верю, что она нужна обществу и культуре.

Все верно, но где это общество находится, по какому адресу?

Глажу философскую головку, полную мудрости и печали:

— Ну что я могу сделать, чтобы хоть как-то муки твои облегчить?

— Убей меня, пожалуйста. И мне сразу легче станет.

И ведь что ужасно, она это всерьез говорит, без игры, без рисовки. Разгуливает по границе жизни и смерти и строит там, на границе этой, свои концеп-

ции. Да, человек более или менее проясняется только после сорокалетнего возраста. Беатриса — из тех, для кого профессия на первом месте. Условно говоря, философия имеет контрольный пакет акций ее души, не менее пятидесяти одного процента. А для меня, стыдно признаться, работа никогда выше сорока девяти процентов не поднималась. Жизнь важнее. Хотя, по идее, у мужчины как раз должно быть — «первым делом самолеты». Но теперь уже нам не помяться ролями.

Помню, ты меня обозвала «помощником» Беты. Унизить, наверное, этим хотела. Но не получилось у тебя: ничего постыдного в том, чтобы быть помощником любимой женщины, я не вижу. Худо то, что я со своими функциями не справляюсь. Хреновый я помощник. Не хватает у меня чего-то важного внутри: смелости, цепкости... А у тебя как раз это самое имеется — и смелость, и цепкость... Хотя что это я вдруг? Совсем заблудился в треугольничке нашем...

«МНЕ ЛУЧШЕ БУДЕТ ОДНОЙ...»

Никогда не думал, что могу услышать такие слова от Беты. Причем не от вечерней и усталой, а от утренней, спокойной и ясной. И ночь ведь была нежна...

— Не знаю, что со мной происходит, но, когда мы вдвоем, мне еще больше от моих неразрешимых проблем. А оттого, что ты меня жалеешь, боль только усиливается, такой резонанс возникает, что хоть в петлю лезь. Может быть, я неправильная женщина и хочу чего-то лишнего и невозможного. Кругом столько неустроенных, одиноких... С их точки зрения я, наверное, с жиру бешусь. Но нет во мне жира, никакого защитного слоя нет. И я такая не по выбору, а от природы. Наверное, тебе было бы лучше с женщиной нормальной, жизнерадостной, умеющей ставить реальные цели и их достигать.

— Да что ты, с нормальной-реальной я бы быстро соскучился.

— А со мной ты измучился. Не знаю, может быть, без тебя я совсем пропаду. Но сейчас нам надо побыть на расстоянии друг от друга. Мне сейчас лучше будет одной. Может, ты куда-нибудь съездишь или я на даче у родителей поживу...

Вот так она сказала, ошеломила, озадачила... Внешне все идет пока по-прежнему, но... Наверное, слишком вдвоем мы жили. Когда обоим плохо, нужно ку-

да-то с нашей маленькой планеты перелететь. А рядом уже никто и не возвращается.

Тем не менее в эту томительно-душную неделю, в эти самые долгие в году дни чувствую, как одна полненькая сероглазая планетка ко мне все-таки приближается. Двадцать третьего июня просто не могу не позвонить в Новгород. Помнишь, что было ровно год назад?

— «Помнишь»! Это ты у себя там воспоминаниям предаешься, перебираешь, как четки, свои донжуанские подвиги. А я нашим прошлым годом живу, хотя лучше было бы забыть!

— Мне снова хочется в твой город приехать.

— Не знаю, как город, а я тебя жду всегда. Но только навсегда. Насовсем. Пока у меня еще есть силы и смелость жизнь заново начать. Ты уж, пожалуйста, все до конца взвесь и обдумай, прежде чем мне снова звонить и на моих чувствах играть. Ладно?

Нет, взвешивать, обдумывать — это не то, что мне сейчас нужно. А тут как раз Вита прорезалась. Летает туда-сюда. То дочь в Питер доставляла, то отвозила ее на юг. То блещет своей красотой на презентациях, то отбывает срок на загородных пикниках. Ладно, лишь бы за решетку опять не угодила!

Бурную радость она щедро дарит, но чего мне не хватает — это разговора неспешного. До сих пор не

могу выстроить сколько-либо внятно ее историю. Несколько раз пытался расспросить о причине развода. Все-таки есть у нее с бывшим супругом общий ребенок, да и потом — столько нежной силы в этой большой женщине... Иметь с ней все тридцать три удовольствия непосредственно на дому — это для мужчины не такой уж пустяк. Почему же отвалил товарищ? Вита пару раз отвечала односложно: «Выгнала я его». Но я не то чтобы сомневался — я не очень верю в самую идею «выгона». Сдается мне, что настоящая женщина до конца бережет семейный очаг и кричит «Вон!» только в тот момент, когда супруг уже сам ступил одной ногой за порог.

Поцеловав и справа, и слева, прижавшись к круглому плечу, опять даю волю любопытству:

— В чем все-таки главная причина твоего разрыва с мужем?

— Да орал он на меня...

— И только?

— Разве этого мало? Приятно, что ли, когда на тебя рывкают? Ты разве рывкаешь на свою жену?

Я задумываюсь. В буквальном смысле, конечно, нет. У нас с Бетой самое драматичное, что случается, — это когда она в отчаянии констатирует: «Ну, все: ты на меня раздражен». Может быть, выказывать раздражение — это, по понятиям Виты, и означает «рывкать»?

Припоминаю два главных пункта наших с Беатрисой идейных разногласий. Первый дает о себе знать

во время совместного посещения универсамов и супермаркетов. Бета ни за что не хочет брать на входе тележку или корзину: «Нам купить надо всего-то ничего, в руках унесем». В итоге приходится стоять в очереди у кассы, прижимая к груди замороженную рыбу и роняя на пол мелкие пакетики с ее любимыми сухофруктами. С корзиной, что ни говори, удобнее!

Более того: при входе в магазин она ничего не желает сдавать в камеру хранения. Нам однажды пришлось доказывать, что гель для душа, который мы с собой внесли, куплен чуть раньше в другой торговой точке. Хорошо, что я по чистой случайности чек сунул в карман, а то бы могли нам настроение основательно подпортить, несмотря на то что мы уж никак не похожи на мелких воров. А может быть, именно смотря на нас и испытывая какую-то классовую ненависть, к нам тогда привязались.

После этого эксцесса я категорически сдаю на хранение все, что вношу в магазин. Как-то потребовал принять у меня газету «Коммерсант», только что приобретенную в киоске. Бета покачивает головой: мол, совсем ты сбрендил. Приемщица ей подыгрывает, брезгливо притыкая мою газетку где-то сбоку: не помещать же ее в отдельную ячейку! Но что дальше? Гуляем мы по этому храму торговли и видим журнально-газетный стенд, где ровно тот самый «Коммерсант» имеется и, конечно, подлежит оплате на выходе. Я всего-навсего соблюдаю все правила,

для своего же удобства и спокойствия — зачем же меня за это идиотом считать?

Магазины — ладно, в них я предпочитаю ходить в одиночку. Но другой пункт гораздо серьезнее. Беатриса не признает правил уличного движения и постоянно переходит дорогу на красный свет. Вынужденный за нею следовать, я иногда сдержанно выражаю свое недовольство: мало того что в науке она все время играет в русскую рулетку — она и на проезжей части жизнью рискует. Сержусь. Так что и я не такой уж сахарный. Не говоря уже... Нет, об этом мы не только говорить, но и думать не станем.

Через некоторое время снова спрашиваю Виту о муже. Не верится, что только его «рявканье» привело к разрыву. Должна быть более веская причина. За что бы тебя еще потрогать, чтобы ты призналась?..

— Ой, щекотно! И что ты пристал, как банный лист к жопе! Ну была у него еще такая скверная привычка — залезать на меня, когда я не в настроении. А я люблю это только тогда, когда именно я хочу. И вообще, лучше, чтобы начиналось по моей инициативе...

— Как интересно! Отлично, что ты это мне сказала. А то я бы мог страшных ошибок понаделать, неуместную инициативу проявить.

— Не мог бы. Я встречаюсь с тобой только тогда, когда хочу. И хочу именно тебя.

Вот как! Оказывается, мне принадлежит отнюдь не вся Вита, а только ее определенная часть. Разом припомнились все встречи наши. В отличие от молчаливой Вики эта красавица всегда за мгновение до полной близости словесно выражает свое согласие. Часто оно обозначается сверхкоротко: «Соскучилась!» или «Любимый!», но всегда в начале слово бывает. Реже — развернутое предложение. Однажды после страстных и повсеместных поцелуев Вита так взволнованно, голосом, поначалу приподнятым, но тут же осипшим, севшим от эмоционального напряжения, провозгласила: «А теперь я хочу, чтобы ты меня по...бал...» И это совершенно меня тогда не шокировало, только ее искренность подчеркнуло...

Но... С той же искренностью она чуть ли не при каждой встрече мне добродушно и спокойно напоминает: «Замуж бы за тебя я не пошла никогда». Сначала я думал, что у нее поза такая, а потом почувствовал — нет. В разных мы живем пространствах и временах. И какая радостная случайность, что нашлась точка соприкосновения наших жизней! Что за астроном ее вычислил и нам указал? Не знай мы этой точки — ничего бы не было. Просто жизни было бы меньше у обоих...

Черт, вдруг я только притворяюсь добрым? А на самом деле я волк в овечьей шкуре, вампир, сосущий кровь сразу из нескольких женщин? Бета, быть мо-

жет, страдает не только из-за профессиональных проблем, но из-за моих походов? Пусть я хорошо замаскировался, но кто-то все наши грехи видит и меры принимает жестокие. Причем не ко мне, грешному, а к самому дорогому для меня существу. Такой у него способ воздействия, такая кара.

Вика молодец: поняла, что от меня ей один убыток, и удалилась. Вита — она большая очень: еще не ощутила, сколько я от нее отъел. Почувствует — тоже убежит. А ты, что ты там думаешь по моему поводу? Неужели и тебя я скушал, как волк Красную Шапочку? Вспомнил вдруг твои слова: «Мы дали друг другу именно то, чего каждому из нас не хватало». Придерживаешься ли ты до сих пор этой версии? Ведь только в ней возможное оправдание...

Вот говорят, что молодежь теперь очень работающая. Не знаю, не знаю. Мне кажется, что именно наше поколение слишком упертое. Так охотно поменяло оно мягкий советский хомут на жесткий рыночный! Вкальваем, как бобики, а все равно ведь не успеем заработать — ни дачу, ни машину, ни пенсию удовлетворительную. Зачем же так уродоваться пять дней в неделю, а потом двое суток у телевизора с пивом очухиваться?

Сашка наш уже более-менее себя обеспечивает, но службы часто меняет и всякий раз очень критически взвешивает условия работы и оплату труда. Вы-

соко ценит себя и свое время. Хочет, чтобы работодатель его заинтересовал, — и в этом он прав безусловно. Может, на его ровесниках мои модели стимулирования наконец подтвердятся? Эта проблема ведь и для Запада актуальна: европейцы расслабились вконец, на шею иммигрантам афро-азиатским сели. Дадут мне с моими товарищами Нобелевскую премию задним числом... Вон физиков Гинзбурга и Абрикосова отметили за ихние чуть ли не юношеские открытия.

Размечтался... Но на ком все мои теории трещат по швам — это на Вите, большой и непредсказуемой. «Я ни к чему не стремлюсь, — спокойно так констатирует. — Мой идеал — весь день валяться в постели или разгуливать в розовом пеньюаре».

Пеньюара подобного на ней не видел никогда, но представляю ее в нем легко. Такая она — ленивая, томная, даже сонноватая, но притом глубокая и влекущая — как Россия. И, припадая к ней, сильно заряжаешься...

А потом я это электричество неплохо использую — в том числе и для того, чтобы Беатрису поддерживать. У нее с книгой мучительная неопределенность: до осени бесполезно и трепыхаться насчет издания. Да к тому же родители ее ох как одряхлели — все больше времени она проводит с ними на даче. Когда я за Бетой туда увязываюсь, начинаю ей навязчиво помогать, она иной раз меня обрывает: «Лучшее, что ты сейчас

можешь сделать, — это свою собственную жизнь улучшить, укрепить. Тогда и мне легче станет».

Вот я и укрепляю... Опять скажу: единая энергетическая система. Но получается так, что одно из трех звеньев всегда в миноре. Только Бета приободрилась, как Вита дает сбой. У меня появился времени кусок, и у нее тоже — почему бы не встретиться? Ан нет: «Не могу. У меня депресняк». — «Так давай я тебе помогу из него выбраться». — «Нет, потом как-нибудь...»

Ну и когда же это «потом» настанет? Хожу, как наркоман в ломке, стараюсь не вспоминать, не воображать сладких безумств, не замечать ничего круглого и колышущегося. Но куда там! Все вокруг наводит на одни и те же ассоциации. Любой светящийся плафон дразнит молочной чувственностью, любой газон, аккуратно подстриженный, напоминает о знакомой растительной дорожке в розовую бездну.

А вот на посторонних девушек смотреть не тянет совсем, хотя они сейчас такие летние, открытые, быстрые... Потому что ни с кем не хочется начинать разговор с нуля и новые отношения строить — продолжать хочется одну из трех нежных бесед. Дома ли с философом моим грустно-веселым, в Купчине ли с томной москвичкой-куртизанкой, ну и в старинном чудном городе есть у меня старинная страсть, над которой даже разрыв оказался не властен. Раз, два, три — все! Черта подведена.

Уже и прохладнее стало — в городе и во мне, когда вдруг нашу тишину домашнюю разрывает звонок-звон Виты. Надо же! Наконец-то эти длинные пальчики нащупали мой номер... «Я сейчас свободна. Приходи».

Но меня-то не проведешь. Чувствую по голосу, что совсем не свободна она — и прежде всего от самой себя. Что-то изнутри ее терзает. И на меня сейчас выплеснется что-нибудь недоброе...

Пускай! Нужно мне и такой ее увидеть — не очень готовой к встрече, неуравновешенной, неблагополучной. А то уж слишком радостными были наши свидания. Настроим на одну волну свои души, вместе со всем, что к ним прилагается, сыграем веселый дуэт — и разбежимся. Ошеломляет, конечно, такая близость, но не хватает в ней полноты. Соприкасаемся только специально вымытыми и надушенными частями наших жизней. Большого хочу!

Так что совсем не удивляюсь, когда она встречает меня на пороге слишком одетая. То есть шмоток-то на ней немного, по сезону: джинсовая юбка, розовая кофточка трикотажная, но и под юбкой, и под кофточкой имеются все элементы, сразу придающие нашему свиданию почти официальный характер. Никогда раньше два сладких чуда, ожидая меня, не облачались в лифчик. А вычурными кружевными трусиками Вита лишь первое время пыталась блеснуть, но, заметив, что они меня не впечатляют, стала забывать об этой детали туалета.

Вхожу в комнату. Кровать тоже негостеприимно выглядит, одетая в шелковое покрывало золотистого цвета. Не только не ляжешь, но и не сядешь на нее. Кресло заложено бельем выглаженным. Ну, все ясно!

А она, намереваясь меня ошарашить, неестественно произносит:

— Слушай, что-то не то у меня настроение. Пошли лучше погуляем.

Нашла чем напугать! Да я вполне готов к такому варианту. Не скажу, что он явно лучше, чем прогулка губами вдоль этого взбунтовавшегося тела, но в какой-то мере экзотичнее. Мы ведь с Витой ни разу еще как следует не погуляли по городу. С Викой, такой далекой, нашлялся вдоволь, а с этой, такой своей, исключительно лежа общаюсь.

Так что даже весело мне с ней шагать по несуразно широким, безликим окраинным улицам.

— Вот видишь, какая я. Скандальная, истеричная...

— Да что ты, радость моя. По-моему, так ты ангел. И процент капризности у тебя в пределах нормы. Вроде неизбежного налога на те часы счастья, что ты мне уже подарила... О, смотри: тут пищевая точка. Заглянем?

— Так ты голодный? Хорошо же я тебя встретила! Даже чаю не предложила. А ты еще говоришь...

— Да ну брось. К моему сердцу путь не через желудок лежит.

— А через что же? Через пипиську, что ли?

— Отчасти да. Но главным образом — через открытое для меня сердце женщины.

Молчание. Это ее душа задумалась, почувствовала прикосновение к моей.

...Провожая мою женщину до подъезда, ощущая сквозь знойный воздух формы и объемы статного, сильного тела. Мало Вита радуется своей красоте, а ведь могла бы. Подул ветерок и украдкой вытащил из-под кофточки немножко женского запаха — мгновенно-случайного, не предназначенного для чужого носа. Еще и так я ее продолжаю по-новому узнавать.

А какая улыбка достается мне на прощание! Звездное небо в паре глаз... Вот она, женская душа, как проступает наружу. Даже поцелуй прощальный меньше ошеломляет, потому что на его протяжении этот мир прикрывается веками и ресницами.

ДАЛЬШЕ...

Но и дальше время тянется без Виты, а на исходе августа слышу в телефоне текст, мало вдохновляющий:

— Я сегодня вечером в Москву уезжаю. Дашкой надо заняться, у нее школа начинается, и простая, и музыкальная. Когда теперь встретимся? Не знаю. Хотя бы взглянуть на меня? Тебе это так нужно?

Ну, начались меланхолические надрывы... Не попасть бы мне на ту же безнадежную, нестойкую, ускользающую волну! Чтобы не стихла мелодия нашей страсти, нужно взять самую басовую и мужественную ноту:

— Да, девушка, мне это очень нужно! И я увижу сегодня тебя во что бы то ни стало!

Вита мгновенно меняет пластинку:

— Ладно. Тогда тебе придется прийти в театр.

— Какой театр?

— А какой у вас на Фонтанке? Фирма моегокровителя сегодня в культпоход отправляется. Какая-то английская пьеса — «Олимпия», что ли. В антракте я сама тебя там найду. Как на свободу выбраться — это моя проблема, и, думаю, разрешимая. Мужики все, естественно, в буфет потащатся, а я пригласила с собой Таньку. Я ей доверяю, только чур на нее не пялиться, а то она полная оторва, без тормозов. Никаких там карточек визитных, телефонов ей не давай ни за что. Или — знаешь — лучше встретимся у дамско-

го туалета. Это уж точно самое безопасное место в нашем случае.

Через несколько минут я быстро шагаю в сторону БДТ: как там, кстати, с билетами? Называется пьеса не «Олимпия», а «Аркадия». Что, спектакль заменили? Нет, скорее Вита название перепутала. Около кассы небольшая безнадежная очередь из истинных театралов. Лучше, наверное, спекулянтов поискать: где здесь самые честные и внимательные глаза?

Но мне тут же везет: интеллигентная художавая дама по номинальной цене уступает место рядом с нею в четырнадцатом ряду. Так что у меня есть и билет, и спутница — все чин чинарем! В гардеробе беру бинокль, уже примерно догадываясь зачем, а у дамы свой имеется, постоянный, в красном бархатном футляре, с ним ее бабушка еще в двадцатом году в этом самом здании смотрела «Дона Карлоса».

Когда я здесь был в последний раз? Лет двадцать прошло, не меньше. Живем в двух шагах, но этих двух шагов давно уже не проделываем. Беатриса меня от театра отучила, отлучила. Она из всех искусств признает музыку, сложную поэзию и авангардную живопись: «А все, что игра, — это пошлость. И театр, и футбол». И сама она ни в чем, нигде не играет. А я такой игруля оказался. До чего доиграюсь, например, сегодня?

За пять минут до начала спектакля на первые ряды надвигается мощный культпоход воротил бизнеса.

Как разведчик или снайпер, уставляюсь в окуляры. Публика отборная: все отменно упитанны. Вот эта, в желтом платье, не иначе как вышеупомянутая подруга Танька, «полная оторва». Действительно, очень полная, с придурковато-чувственной мордочкой — уютный вариант для безответственной одноразовой релаксации. А это суровое, недоброе лицо — неужели Вита? Я даже убираю бинокль, чтобы доподлинно опознать ее по контурам тела, покрытого тканью пронзительно алого цвета. Лично на меня она так отчужденно не смотрела даже до начала нашего знакомства, во время случайной встречи у ресторанного столика. Не знаю, Петя, чем ты это заслужил, но жизнь почему-то склонна поворачиваться к тебе самой лучшей стороной.

Но пока она поворачивается к тебе спиной, и свет гаснет. Танька — справа от Виты, а о сидящем слева покровителе по его аккуратно постриженному седому затылку ничего сказать нельзя.

Так что на сцене? Пьеса действительно английская. Сюжет, прямо скажем, из пальца высосанный: про приятеля Байрона, домашнего учителя в аристократическом семействе. Каким-то образом эта старинная история позволяет уточнить биографию великого поэта: может получиться, что он из Англии уехал в свое странствие на месяц позже. По сей причине страшно суетятся персонажи из двадцатого века, куда время от времени переносится действие.

Якобы предстоит сенсация. Неужели современные англичане и американцы так уж сильно просекают Байрона и его эпоху, чтобы заторчать от подобных филологических изысков?

Из «моего» состава, то есть труппы двадцатилетней давности, на сцене только Неведомский, остальные — новобранцы. Алиса Фрейндлих заступила сюда еще при Товстоногове, но уже не при мне. Для меня она осталась актрисой ленсоветовской, ну и, конечно, киношной. Играет она сегодня какую-то леди, а голосок этот неповторимый, чуть присюсюкивающий, сразу «Служебный роман» напоминает. И когда, согласно тексту пьесы, Алиса Бруновна начинает выступать против ношения панталон и свои юбки так кокетливо кверху подбрасывает, становится ясно, что зовут нашу леди — товарищ Калугина. И только секретарши-Ахеджаковой для компании недостает. Вот такое стариковское восприятие у меня теперь.

А кто мне по настроению пришелся — так это Толубеев. Я даже не вник, кого он конкретно играет в сценах из двадцатого века. Заводной мужичок, носится по сцене, нервничает и очень напоминает одного зрителя, который едва сдерживает свои страсти, сидя в четырнадцатом ряду.

Но публика реагирует хорошо, с пониманием. Это я как бывший, но опытный театрал спиной чувствую. Да, Петя, приотстал ты от мирового искусства.

Скучно тебе становится от того, от чего культурным людям весело. Вот ведь и уступившая тебе лишний билетик пожилая дама интеллигентно сияет: замысловатый сюжет ей явно по сердцу.

Антракт. Вместе с соседкой движемся в сторону дамского туалета, она — понятно зачем, а зачем я — пока не ясно.

Красная Вита и желтая Танька бросаются в глаза мгновенно. У Виты все то же сердитое выражение на лице. С подругой меня не знакомит, негромко ей командуя:

— Ну, Тань, ты иди пописай, а мне с человеком поговорить надо.

И тут же золотистые искорки возвращаются в карюю темноту, губы растягиваются в такую мне знакомую улыбку.

— Ну как ты?

— А как ты?

Сидим и радостно молчим — втроем. Есть Вита, есть я, и есть любовь между нами.

— Ну и где же мы с тобой будем целоваться?

Мне ничего в голову не приходит. Молчу. Звонки разгоняют публику.

Вдруг Вита так раздумчиво вопрошает:

— А не слабо тебе в дамский туалет пройти?

Мне? Слабо? Мгновенно сосредоточиваюсь, и мы с Витой, как два агента ФБР в американском боевике, врываемся в опустевшее помещение. Прячемся в ка-

бинке, Вита закрывает дверь на задвижку и начинает освобождать меня от джинсов.

— Они на пуговицах, — словно извиняюсь я.

— Пуговики такие сексапильные, — мурлычет она.

Сильные руки меня властно усаживают — и вдруг мгновенная вспышка пререзает мою память. Не первый раз в жизни очутился я в дамской комнате — второй! Года три, не больше, мне было, когда мама с подругой отправились вечером в наш главный новосибирский кинотеатр, и меня им пришлось прихватить. Отец в отъезде, наверное, был — в Москве или в Ленинграде. Картина была «переживательная», о любви, неинтересная настолько, что я все время ерзал и в конце концов зашептал, что хочу по-большому. Мама с досадой оторвалась от экранных страстей, схватила меня за руку и не просто повела — стремительно поволокла по коридору к двери с буквой «Ж». Очень она напряжена была. Оголила мне зад, устроила на стульчак, а я в непривычной обстановке ничего сделать не мог. Дальше не помню. Очевидно, мы в зал вернулись, а в подвале сознания сохранилось только ощущение собственной растерянности в присутствии торопящейся и возбужденной женщины. Маме, думаю, тогда было примерно столько же лет, сколько красавице, пригласившей меня сегодня в эту кабинку.

Улыбаюсь...

— Ты что, надо мной смеешься?

— Нет, чудо мое, над самим собой.

А женщина внизу уже перешла от слов к делу, пустилась в свой смелый и страстный путь. Можно ли будет потом ее на колени к себе пристроить? Вита раньше меня соображает, что ее большому телу в этой тесноте не разместиться, и не отпускает меня уже до конца. Догадываюсь, что и ей вполне... Целую жизнь прожил, а не знал, что женщина может таким путем не только начинать любовную забаву, но и...

Выскакиваем из укрытия, на нас изумленно взирают две девицы, курящие у стеночки. Черт с ними, важнее, кто нас встретит за дверью. Там, к счастью, никого: суровая тетка в униформе не устроит скандала.

Соображаю, что нам с Витой стоит расстаться именно сейчас.

— Я, пожалуй, на второе действие не пойду. Ты мне расскажешь, чем все кончилось? И пьеса, и...

— Конечно, конечно... Лицо у меня не слишком красное?..

...Холодящий, тревожно-затхлый ветерок с Фонтанки. Нет, не хватило мне Виты, несмотря на всю экстравагантность нашей встречи. Еще в школьные годы услышал я народный стишок: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о минете в туалете». Не очень понимал тогда, о чем здесь речь, но принял как некую истину. А сейчас думаю: нет, ребята, это

у кого как. И таким непристойным способом может любовь в нашу жизнь входить. Если честно, то у меня в данный момент настроение вполне романтическое...

Но что, если это был последний поцелуй Виты? Она-то всякий раз со мной прощается как бы навсегда, а потом встречается словно впервые. Молодая... Ей ничего не стоит шутя разрезать нить наших отношений, а потом играючи опять начать связывать концы. А я...

Раньше одиночество меня не напрягало, потому что состояло из ожиданий и предвкушений. Теперь же нервно ворочаюсь в постели всю ночь и думаю: что это за чушь — спать одному, ощущая не женское, а свое собственное тело! Онанизм какой-то...

Утром вскакиваю и прямо натошак, даже зубы не почистив, начинаю названивать в Новгород:

— Слушай! Совсем заблудился я на жизненном пути. Мне, чтобы понять, что к чему, просто необходимо в твои глаза посмотреть. Как хочешь, а я нагряну...

— Нет, я уже не могу в такие рискованные игры играть. Знаешь, зачем ты приехать хочешь? За тем, чтобы я же тебе помогла меня еще раз бросить — уже окончательно — и к жене вернуться. Страшный вы человек, Петров. Ужас! Трех женщин запряг в свою повозку — любитель быстрой езды...

— Постой, ты же вроде говорила, что это они меня подцепили, они на мне ездят!

— Мало ли какую чушь я говорила! А сейчас прозрела, увидела тебя во всей красе. Зрелище не для слабонервных. Нет, мне потрясений довольно.

Совершенно не ожидал я такого поворота.

— Можно вопрос? Ты мужа снова полюбила?

— Нет, врать не буду. Живу с ним и, наверное, дальше буду жить. Но в душе я одна. И мне теперь лучше одной.

Где-то я уже слышал подобное... Но лично я в клуб любителей одиночества записываться не намерен.

ДАВАЙ...

— Давай я сегодня буду главная, — предлагает Вита. Мы с ней вышли из того самого ресторанчика, в котором впервые встретились ровно год назад. Октябрь, и Вита осенняя: уже не алеет ее сумасшедшая грива, аккуратно постриженная и окрашенная в сдержанно-медный цвет. И вместо экстравагантной рыжей куртки с металлическими заклепками и кожаными кистями на ней вполне добропорядочное пальто в черно-белую клеточку.

— Давай, — соглашаюсь. (Будто не была она главная весь этот год!)

— Сейчас мы будем наслаждаться друг другом. И так, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнилось. Видишь вон ту машину? — Что-то зелено-японское стоит на обочине. — Это покровитель дал мне на прощанье попользоваться...

— А ты говорила, что у него «мерседес».

— На «мерседесе» он сам катается. А это, кажется, тачка сына. Отобрал за плохое поведение. И сегодня мне дал для того, чтобы все дела здесь завершить. Я и начинаю с дела номер один. Гражданин Петров, Юрий Николаевич. Сорок шесть лет — или уже сорок семь? Рост средний, член тоже средний. Особых примет нет. Вступает с женщинами в контакты, говоря им ласковые слова, перед которыми трудно устоять. Развлекался со мной с октября прошлого года. При этом

страстно любит свою жену. Сколько у него еще любовниц — не знаю. Буду без него в Москве страшно скучать.

С Невского сворачиваем на Марата, за Ямским рынком — на Боровую. По местам, так сказать, боевой славы проезжаем. Нет, даже почему-то въезжаем в хорошо знакомый двор.

— В Купчино нельзя, туда уже могут нагрять в любое время. А у меня ключик есть от подружьиных апартаментов.

— А подружка сама где? — спрашиваю, тупо уставившись в выцветшие темные знаки, нарисованные когда-то масляной краской возле Викиных дверей (в сумме эти две цифры, между прочим, составляют тринадцать, чего я раньше не замечал). Но удивляться я перестал уже давно. Года полтора, как ничему не удивляюсь.

— Подружка уехала в Израиль. Сначала у мамы погостить, а если понравится, то и навсегда. Думаю, кто-то кому-то понравится точно. Или она Израилю, или Израиль ей.

— А как ее зовут?

— Познакомиться хочешь? Виктория она тоже, только Вика.

Вот она где, оказывается. Да... Мы все евреи понемногу, как говорится, но чтобы насовсем туда перебираться... Прошла ведь мода давно, да и взрывы в Иерусалиме считай каждый день. А какая ей там пласти-

ческая драма? Все искусство оттуда сейчас назад едет — и прославленный Михаил Козаков, и певец-симпатяга — как его? — тот, что про привет поет...

— Надевай вот эти тапочки, они бывшие мои и побольше. А я Викины возьму, маленькие. Она такая вся изященькая, прелесть.

Хаживал я уже в этих тапочках... Что тут со мной вытворяют! Разлюбил я Вику, забыл, так мне напоминают зачем-то.

— Слушай, как мне нравится здесь с тобой! Жалею, что тебя сюда раньше, при Вике, не приводила. Мы могли бы хорошее трио составить.

Целую ее в губы.

— Давай в ванночке вместе посидим погреемся. Смотри, тут даже немножко пены Вика нам с тобой оставила.

— Давай. Но про подругу-то расскажи. Откуда она взялась?

— В Москве кто-то мне дал на всякий случай ее номер. Однажды я с покровителем поссорилась, позвонила, пришла сюда с бутылкой. Напились мы с ней и заснули в обнимку. Так и спали неделю, а два раза она меня по-настоящему ласкала, доводила до... Я ей говорю: давай я тебя тоже, но она не захотела. Но вообще она женщина нормальная, у нее здесь и мужчины бывали. А один, говорит, ей очень нравился, но был крепко женат, вроде тебя. Она его даже

ни с кем не совмещала, отдавалась ему одному... Наде-
ялась, что встретила наконец доброго и тонкого чело-
века. А то ведь ей страшно не везло. Замуж выскочи-
ла, как и я, рано, но этот приличный с виду человек
стал напиваться и ее поколачивать.

— Чем, как?

— Да чем попало по чему попало. Знаешь, как ваш
брат по пьянке дерется? Он ей голову чуть не рас-
кроил.

«Так вот откуда шрамик-то, вот с какой горки она
каталась...» — это я про себя. В сторону, как пишут
в пьесах.

— Ну, Бог сжалился над подружкой моей и мужа
прибрал. Но вот нового и качественного взамен бра-
кованного так ей и не предложил... Вода там не пере-
текла? Раздевайся скорее! Хочешь роль Вики испол-
нить?

Моя роль оказывается несложной, сидячей, а Вита
встает большими ступнями на края ванны и приседа-
ет на корточки. Вот какая бывает пантомима на дво-
их! Полная открытость с обеих сторон. Только бы не
потеряла равновесие моя красавица, когда судорога
по ней пройдет...

Вита разбирает постель.

— Смотри, какая здесь простыня сексапильная.
Ты когда-нибудь занимался любовью на зеленой про-
стыне?

Как тут ответить? Врать лишний раз не хочется, а скажу правду — Виту так изумлю, что мы о Вике проговорим все оставшееся у нас на двоих время. Нет уж, пускай эта молчунья побудет третьей лишней и посмотрит на нас невинно-коварными глазками с черно-белой фотографии, стоящей на комод.

— И на зеленой, и на голубой, и на серо-буро-малиновой...

— Да, врать ты здорово научился. С кем теперь жене будешь обманывать? Или станешь примерным семьянином?

На этот вопрос можно не отвечать, потому что Вита уже раскинула руки и закрыла глаза. Путешествую по ней губами, люблю ее всю, хотя и не могу отделаться от ощущения, что Вика здесь с нами. Большая грудь Виты вобрала в себя маленькую Викину, то же с бедрами, ягодицами. Общий у них запах — той же ванной пены.

— Ты меня потрогал сейчас совсем как она...

Так, и она о том же думает. Пора проявить характер и осуществить то, что может сделать только мужчина. Буду грубым мачо и накинусь на нее как зверь...

— Ой, не надо, это не ты, не твое... Мне и так хорошо, а сейчас будет обалденно. Не торопись.

С болью выходя из уютного места, не удерживаюсь от комментария:

— Так тебе и по-простому нравится? Мы с тобой все чаще приходим к тому, с чего обычно начинают.

— Конечно, милый мой кубарек. Я только начинаю тобой увлекаться. Ты еще в Москву приедешь, и мы займемся любовью в Большом театре.

— А он не на ремонте?

— Ну во МХАТе, какая разница...

Провожать дневной поезд больше, чем ночной. Остаешься наедине с собой, и на тебя беспощадно надвигается вечер. А чем дальше живем, тем вечера все меньше нам обещают, все больше намекают на конец чего-то. Доживем до настоящей старости — и каждый вечер будет репетицией смерти.

Вита изо всех сил хорохорится, сверкает глазами, строит гримасы. А я чувствую, как переполняет ее непобедимая грусть. Обнимаю изо всех сил, но любившая меня грудь слишком отдалена одеждой.

Просто так нам ничто не дается. Получил за сравнительно короткое время тройную дозу любви, так вот теперь стало втрое грустнее. Сегодня с двумя попрощался. А началось все с тебя — и дальше уже пошла цепная реакция.

Беседую с тобой, так сказать, виртуально, но отнюдь не уверен, что смогу проговорить это все при встрече, если вдруг таковая состоится. Не на кого вывалить все эти впечатления и ощущения. А для одного груз великоват.

Когда я в прошлом году с одной незабываемой женщиной гулял по одному старинному городу, она, вни-

мательно глядя на меня живыми серыми глазами, задумчиво произнесла: «Ты умеешь любить». Я тогда даже и значения этому не придал: подумаешь, редкое качество. А теперь вдруг дошло, что ты сказала правду, но к этой правде имеется важное дополнение: я не умею разлюбить. Опасное, черт возьми, свойство.

Прихожу домой: Беты еще нет. Почему, спрашивается, нет ее, когда у меня такая трудная минута? Даже рассердился немного. Но мука одиночества недолго длится — тут же следует негромкий, спокойствие несущий звонок:

— Ю-ю, хочешь меня встретить?

Еще бы я не хотел! Все время всех провожаю, надо же иметь в своей жизни кого-то, чтобы его только встречать! Встречать всегда, встречать везде... Жду уже, когда будет названо точное время, а философ мой вдруг на том конце провода начинает шушукаться с каким-то посторонним лицом, после чего отчужденно-отрывисто произносит:

— Ты знаешь, тут еще один разговор предстоит. Извини, пожалуйста, я тебе попозже перезвоню.

И прерывает связь на этих сухих словах, не добавив ничего мягко-интимного — типа «целую» или хотя бы «не скучай». Что это за разговор предстоит и с кем? Не скажу, что впервые укольчик подозрительности ощущаю: при Бетиной рискованной открытости она раза три-четыре (это за все двадцать

два года) неосторожно задевала во мне орган ревности. Но теперь, после того как...

«И ты это вполне заслужил. Поделом тебе, старому козлу, гуляющему по чужим огородам». Это кто же мне такие гадости говорит? Телевизор выключен, радио тоже. Стены у нас старинные, голоса соседей не пропускают. А, это голос совести во мне наконец прорезался. Противный голос, надо сказать.

Чем заняться, чтобы скоротать мучительный промежуток? Какую-нибудь книжку почитать, что ли? Но там же все не про меня... Сажусь за ноутбук проверить имейлы. «Здравствуйте, Юрий Петров! У вас нет новых писем». А, вот и звонок наконец. Только почему-то не телефонный, а в дверь. Пока иду, Беатриса уже своим ключом открыла и вошла. Вся такая загадочная, наэлектризованная...

— Меня прямо к дому подвезли, как-то неудобно было еще раз тебе звонить.

Это при ком же было неудобно позвонить по мобильнику родному мужу? Ну-ну, подождем, что нам расскажут.

СИДИТ НА ДИВАНЕ...

Диван этот с волнообразно изогнутыми формами — единственный наш древний предмет мебелировки. Начало двадцатого века, Голландия. Ножки Беатрисы укрыты клетчатой Шотландией. Подношу ей пятьдесят граммов Франции в большой хрустальной Германии — в общем, весь мир к ее услугам.

— Сегодня я коньяк уже пила. Была у меня после вечера очень необычная встреча.

— И кто же он?

— Да не он — она.

— А, тогда неинтересно...

— Как сказать. Мне как раз очень интересно было, и ты, кстати, зря притворяешься, что к женщинам безразличен. Это ведь совсем не так... Признайся.

— Не признаюсь ни за что, но про встречу твою — согласен выслушать.

— Ну вот. Все полчаса моего выступления я чувствовала на себе прицельный взгляд. Злой ли, добрый — даже не могла понять. Но очень, очень внимательный. А когда кончились речи и музыка отыграла, подходит, даже подплывает ко мне дама возраста что-то под сорок, полноватая, но не рыхлая, а крепко сбитая. Низкая посадка, широкие бедра. Живые серые глаза, губы большие и чувственные, бутончиком. По-моему, ты именно к такому типу равнодушен, но не имеешь смелости себе самому признаться. Оде-

та во все модное, из бутиков, но выбранное по провинциальным представлениям. И все-таки свой стиль есть. Начинает мне вопросы задавать, довольно толковые, а когда разговор разогрелся, предлагает продолжить его в кафе, которое тут рядом. За рюмкой мартеля она от общих положений о том, что источник счастья внутри нас, перешла к своему собственному положению, к отсутствию контакта с мужем и дочерью...

— А где она живет?

— В Пскове не то в Новгороде. Работает в фирме, муж — бизнесмен среднего разлива. Сама она очень земная, природная, с большим запасом оптимизма, но счастья большого в жизни так и не вкусила, говорит. Мужчины все встречались то женатые, то эгоистичные, а то и женатые эгоисты.

Спросила меня: «Может быть, надо уметь не зависеть от мужчины?» Что я могла ответить? «Может быть, и надо, но сама я завишу». Она почему-то засмеялась и сказала, что теперь ей стало легче. И у меня, как ни странно, настроение поднялось. Вышли, у нее красная машина стоит, «вольво», на которой она едет домой — скорее в Новгород, чем в Псков. Свою визитку мне дала на всякий случай — там написано. Может, она из тех сфер, где ты вращался. Довезла до самого дома и вышла из машины, чтобы со мной попрощаться. Я, естественно, предложила ей к нам подняться и чаю выпить. Нет, говорит, спасибо, у меня

впереди еще долгий путь. На фасад наш внимательно посмотрела и говорит с несколько странной торжественностью: «Что ж, мир и счастье этому дому. До свидания!» Какое-то загадочное у меня ощущение от этой встречи...

Елки-палки! Я же точно слышал, как дверца машины хлопнула! Мог бы броситься к окну и увидеть эту картинку... Или лучше мне было не видеть ее? Да какое там «лучше»! Все — хуже!

Бета развеселилась, нежно ко мне приблизилась и, оттрепетав, утонула в подводном царстве сна. А меня оттуда нервные мысли сразу же вытолкнули на сушу. Всю ночь мне, мягко говоря, не спится. Хорошо, что утром надо отправляться в контору. Сделав небольшой крюк, зайду по дороге в переговорный пункт на канале Грибоедова и скажу тебе все, что думаю. Ну стерва... Ну сучка...

От волнения даже перепутал твой по-провинциальному короткий пятизначный номер, нарвался на чужой, незнакомый голос. Спокойно, наберем еще раз.

— Алло!

— Ты что же со мной делаешь?

— Не понимаю, о чем ты?

— Понимаешь, не ври.

— Вот ты мне уже и грубить начал. Что-то новенькое.

— Ну зачем ты?..

— Затем, что захотелось посмотреть на твою жизнь, которой ты так гордишься. Хорошая у тебя жизнь.

— А на меня ты уже смотреть не захотела?

— О тебе я и так знаю больше, чем нужно. Сначала меня бросил. Потом завел себе гарем и стал им хвалиться.

— Какой, к черту, гарем? Одна в Москве, другая — неизвестно где. А первая и главная любовница меня теперь за версту на красной «вольве» объезжает. Что же, мы с тобой больше не увидимся?

— Не знаю, это уже не от меня и не от тебя зависит...

— А от кого?

— Подумай, и поймешь. Но даже если никогда... Все-таки ты во мне остался. И я в тебе осталась...

Ладно, продолжаю разговор с той, что во мне осталась и до сих пор сильно беспокоит. Месяц-другой я тебя старательно забывал, но ни черта у меня не вышло.

Согласен: я подлец, я тебя соблазнил, обманул и бросил. Готов понести заслуженную кару. Но в душу свою я тебя не вставлял. Ты сама туда вошла и разместилась. Не хочешь освободить помещение и от платы уклоняешься. Ну куда это годится?

Я опять на темы родственных чувств. Человек может быть в скверных отношениях с родителями или

с братьями-сестрами. Но в самые страшные моменты кровное родство дает о себе знать. Потеря родного человека — всегда травма, часть души твоей умирает. А на отношения любовные и брачные такая закономерность почему-то не распространяется. Посмотри, как люди ведут себя в момент смерти бывшего возлюбленного или супруга. Умер один кинорежиссер известный. И вот заходит к нам Бетина троюродная сестра, которая когда-то была за ним замужем, дочь взрослая от него имеется. Я ей необходимые соболезнования выражаю, а она ни малейшего сожаления, оказывается, не испытывает. Даже рада по-своему, что с новой женой он недолго протянул и тем самым как бы признал свою ошибку...

Что же, жениться — это еще не породниться? Даже при наличии общих детей? Или просто все любят по-разному? И для некоторых коснуться женщины — уже означает включить ее в свой родственный круг и к ее кругу приобщиться? Работа сейчас людей не столько соединяет, сколько разобщает: каждый за себя, скажи спасибо, что коллега тебя киллеру еще не заказал. Дружба — красивое слово, хорошее название для электропилы и плавленого сыра. Не будь у нас амуров, мы вообще замкнулись бы в себе навсегда. Вопреки пословице — это совсем неплохой повод для настоящего знакомства...

Шутка. Все вышесказанное — шутка. Но прочувствованное выше — правда.

Ну как тебе во мне сидится? Удобно? Главное, чтобы тебе в моей душе было удобно, а я уж как-нибудь потерплю. Душа у меня большая, хотя ты, прямо скажем, не Дюймовочка. Ладно, не обижайся. Я теперь буду играть с твоей копией, как с куколкой, и говорить ей все, что захочу. С тобой реальной, с роковой женщиной во весь рост (и вес), я, по всей видимости, уже не встречусь. Ни-ко-гда...

Да! Буду придерживаться такой версии. Если вдруг ты все-таки подрулишь на машине своей в наши края и захочешь в кафе встретиться со мной, а не... Слушай, боюсь, что дальше кафе дело теперь уже не пойдет. Я человек, конечно, аморальный, но не безнравственный. Разницу улавливаешь? Кое-какие устои у меня имеются: никогда не прикасался к женщине, состоящей в знакомстве с Беатрисой. А после того, как ты с ней вступила в контакт... Нет, но ты сама же это предприняла, меня не спрашивая. И главное: визитку свою вручила — этим ты в наши с тобой отношения просто осиновый кол вбила...

Уй, прекрати эти фокусы! Больно ведь! Забралась ко мне в душу, да еще и ножками топает тут... Я же все это не всерьез. С чувством юмора у вас, девушка, всегда было туговато. А, шучу не смешно? Так и мне не смешно тоже. Но не плакать же теперь.

Рассказать, что ли, последние новости моей семейной жизни? Тем более что ты к ней проявила такой неподдельный интерес. Ну так вот, все отнюдь не

идиллично... Нет, не то, что ты подумала. С Сашкой проблемы. Расплевался с подружкой и вернулся в родительский дом. Не знаю, кто у них там кого бросил, а мне девушка его нравилась: живая, ответственная, раскованная, но не вульгарная. Самое неприятное, что он никакого сожаления не испытывает. Сошелся — разошелся, и как с гуся вода.

И потом, мы уже без него привыкли к определенной степени свободы. А теперь откровенный разговор возможен только тогда, когда его дома нет. Вот недавно он на три дня подался в Москву, так мы очень почувствовали прелесть интимного общения. Можно с подробностями?

Беатриса завела себе очки — впервые в жизни. Пришла домой и начинает их примерять в момент, когда на ней больше ничего нет. Сажу я в кресле — и вдруг вижу ее в одних очках. Молния меня сверху донизу пронзает, и я усаживаю Бету на колени, чтобы присоединить ее к этому электрическому разряду и пламень на двоих разделить.

Успокоившись, начинаю нести легкомысленную ерунду о том, что теперь у меня дома еще одна женщина, очкастая. А она игры моей не принимает:

— Раньше ты шутил остроумнее. Мне противно слушать эти двусмысленности, эти трусливые намеки на то, что у тебя кто-то там есть. Хочешь получить от меня индульгенцию на легкомысленные похождения? Нет, ты ее не получишь. И вообще: я могу на-

чать тебя презирать за то, что у тебя есть любовница, а могу за то, что у тебя любовницы нет.

И что теперь делать, можно ли соответствовать таким несообразным, взаимоисключающим требованиям?

Можно — молча. Если вообще не говорить о себе никогда, а касаться языком и всем остальным только той женщины, что сейчас с тобой рядом, — молния под землю уйдет, в глубокую тайну...

Ты меня тоже заставила задуматься о полигамии. И разговорами на эту тему, и некоторыми своими действиями. Не было действий с твоей стороны? Хорошо, будем считать, что это змей пресловутый из Библии в псковскую гостиницу тогда приполз и подсунил нам с тобой запретный плод в качестве закусона. Я сейчас ситуацию в целом беру, в мировом масштабе.

Откровенный разговор на эту тему практически невозможен. Про других мы сплетничаем с удовольствием, а про себя самого каждый человек неизбежно начинает врать. И писатели в том числе в своих романах. А что, если посмотреть на полигамию как на явление природы, существующее независимо от нашей воли? Как на электричество, скажем, которое одних заряжает, по другим ударяет, третьих вообще может насмерть убить.

Я как технарь рассуждаю. В электротехнике есть соединение проводников параллельное, а есть после-

довательное. Примерно такие же есть два способа осуществления полигамии. К параллельному прибегают мужики аморальные: у них есть главная любимая женщина плюс одна или несколько дополнительных. И напрямую их толковый электрик никогда не соединяет. Скрывает, хитрит, юлит и все такое прочее.

А соединение последовательное осуществляют мужчины, так сказать, высокоморальные. Такой товарищ, возжелав свежую женщину, бросает на фиг законную супругу (с детишками, если таковые имеются) и вступает в новый счастливый брак. Как человек пылко влюбленный, он начинает жизнь с начала и даже истинными своими детьми нередко считает только прижитых в новом браке. А прежние отпрыски — вроде черновиков, пусть хоть подышают вместе с их презренной матерью. И ты, и я тому примеры из реальной окружающей жизни приведем без труда. Мастеров последовательного соединения отличает предельная искренность. Такой чистюля вроде и не догадывается, что за вторым браком ждет его третий — и далее везде. Если он в семьдесят лет женится на тридцатилетней, то я не дам гарантии, что в восемьдесят он не поменяет ее на двадцатилетнюю.

Абсолютное большинство мужчин (за вычетом, конечно, гомосексуалистов) подразделяются на два упомянутые типа. И вашему брату женщине придется выбирать, что лучше. Точнее, что будет меньшим из зол.

Скажешь, что встречаются в природе и мужчины совершенно моногамные. Конечно, встречаются. И каждый из нас всегда в официальной ситуации заявит, что лично он таковым и является. Но, по правде говоря, истинный однолюб — это такой самопуп, который любит одного себя. Или это такой уж зануда, что вы, только взглянув на него, убежите на все четыре стороны. Настоящая женщина многое вытерпит, но скуки она не выносит. Как правило.

ЖИЗНЬ ОПЯТЬ...

Опять она за меня крепко взялась. Является под разными именами, смотрит разноцветными глазами, приглашает в нее войти, не считаясь ни с какими условиями...

Катя тут объявилась. Какая Катя? Не помнишь разве? Подожди, про то, как с Витой встретился, я тебе рассказывал? Но ведь эпизод этот начался с Кати. Видишь, какое раздвоение происходит. Я с тобой все время мысленно беседовал, а потом, когда короткая встреча происходила, то же самое повторял в сокращенном варианте. Значит, девушка эта симпатичная под сокращение и попала.

Так вот, прежде чем к большой красноволосой Вите за столик подсесть, я в том же заведении с юной Катей, неспетой песней моей, случайно пересекся. И трусливо удалился, когда ее кавалер, вышедший из туалета, стал приближаться к столику. На этом, как говорится, кончился концерт.

И вот — второе отделение. В антракте длиною в год Катя успела за того кавалера замуж выйти и дитя родить — как время мчится! Все это она доложила мне по телефону, а позвонила, чтобы справиться: не буду ли я в нашем бывшем исследовательском центре, где состоится ностальгическая встреча и званый вечер. Один из товарищей, наваривший несметную кучу бабок, затосковал по преж-

ней жизни и захотел посмотреть, кто теперь с кем и как.

— Поскольку моя ностальгия — это прежде всего вы, то вот я и решила позвонить и уточнить. Придете?

Что делать — прихожу. И прохожу мимо. Мимо статной дамы в серебристом бальном наряде с бьющим наповал декольте. Она, слава богу, не обижается, а хохочет. Да, не на год Катя повзрослела, гораздо более. (Я ей, конечно, этого не говорю, а про себя с каким-то удовлетворением отмечаю, что девичья матовость и угловатость сменились плавностью и блеском.) Нам подносят шампанское, но рука, щедро украшенная кольцами, выскивает среди бокалов апельсиновый сок:

— Я своего Ваську спаивать раньше времени не хочу. Пусть подрастет немного.

При этих ее словах мой взгляд почему-то упирается в два больших круглых сосуда, из которых регулярно пьет вышеупомянутый Васька. Что это со мной? Даже неудобно: первый раз видишь, что ли? А женщина нисколько не смущена, даже напротив.

— Вспоминаю я прежнее время... Как я была глупа! Не ценила эту атмосферу потрясающую. Кругом — личности. Люди не тупо упертые в работу, а живые, эмоциональные. Сколько я тогда внимания получила! Новую прическу, каждую шмотку новую прокомментируют. Похудела, потолстела, загорела

летом — все будет замечено и обсуждено с разных идейных позиций. Чихнешь или кашлянешь — о твоём здоровье заботиться начинают: кто таблетку предлагает, кто зовет в рюмочную погреться. А теперь сижу с Васькой, и кроме него никто не интересуется моими прелестями. Муж за курсом доллара следит круглые сутки. Придет домой — уставится в телевизор, на меня взглянуть даже не успевает, а уж чтобы потрогать...

Ну дает... Но она и раньше была настолько же откровенна: чего уж только про родителей, про сестру она мне не рассказывала в свое время! А теперь у нее новый родственник появился, и его она точно так же рассекречивает... Между тем Катю начинают со всех сторон обступать наши ребята, тоже заматеревшие за минувшие годы. Они стали проще в комплиментах. Прямолинейно выражают сожаления, что такую бабу пропустили: «Слышь, Кать, будешь проводить тендер на любовника, имей дядю Витю в виду». И такие знаки внимания она охотно приемлет, входя в роль королевы бала. Ну конечно... Когда я, распуская язык, рассказывал Беатрисе, что есть такая девушка Катя, которая ко мне тянется, то Бета спокойно, без язвительности, добавляла: «И не только к тебе». Правильно! И мне пора, наверное, отчаливать.

Однако стоит мне только двинуться в сторону от пиришественных столов, как Катя поднимает руку вверх и длинной ладонью делает отрицательный знак:

не надо уходить без нее! Терпеливо жду, когда она выберется из опутавшей ее сети жадных взглядов и дружеских прикосновений к разным частям тела. Глазищи сияют во всю синь, щеки пунцовеют.

— Моя шкура — вот эта, — указывает она в гардеробе на длинную норку с голубоватым оттенком. И сумка у нее, оказывается, из такого же точно меха. Ну, это уж блажь... Дурят богатенькие.

Подавая мантию, я случайно касаюсь ее наэлектризованных плеч. Ты что делаешь, Петя? Забыл шахматное правило «тронул — ходи»?

И вот мы снова движемся по нашим неизменным линиям — от Малого проспекта к Среднему, от Среднего к Большому. Входим на мост Лейтенанта Шмидта, где обычно Катя начинала делиться своей девичьей дурью, такой смешной, трогательной, порой рискованной и выходящей за рамки приличий... Выберется ли и теперь ее душа из дорогостоящей шкуры?

— А помните, Юрий Николаевич, как мы с вами пиво пили на Конногвардейском бульваре, на скамейке? Жара была страшная. Я тогда сушкой подавилась, закашлялась, и вы меня по спине хлопнули. А потом по этому же месту так нежно меня погладили...

Нет. Но делаю вид, что помню. У меня самого с Катей больше не летние, а осенне-весенние, демисезон-

ные воспоминания связаны. Как мы по желтым листьям шагали. Как через лужи помогал ей перешагивать-перепрыгивать. Как пьянил нас запах талого снега.

— Да, — она продолжает. — Я надеялась, что за этим какие-нибудь еще жесты последуют, но вы меня проводили до моего дома на Вознесенском и у дверей совершенно официально распрощались. У себя в комнате, снимая прилипшую к спине майку, я оглянулась в большое зеркало старого бабушкиного гардероба: нет ли там следа от вашей ладони. Конечно, не было. И я, помню, тогда в ванную не пошла, залегла спать грязная, чтобы новое состояние как-то зафиксировать.

А когда замуж вышла, долгое время не могла почувствовать себя женщиной в полной мере. Не удавалось расковаться. И вот однажды ночью, когда муж ко мне приблизился, я вдруг вспомнила все это: пиво «Невское», скамейку, вашу ладонь на спине... Кое-что моя фантазия, конечно, дорисовала: в полусне мне привиделось, что вы меня в спину целуете, плотно прижавшись сзади. И тут блаженство пролилось на меня теплым дождем. Так что у меня с вами была гораздо большая близость, чем вы можете предположить...

Мы уже прошли Поцелуев мост и сворачиваем на Декабристов. До Вознесенского проспекта — минут десять. Опять обидеть женщину официальным про-

щанием? Призрак страсти, невидимкой шагающий между нами, засуетился, и Катя отвечает — не то ему, не то мне:

— Я не там теперь живу. Родители в отъезде, и я должна сегодня весь их ботанический сад полить: юкку, кактусы и прочее. А потом уже домой: через два часа мне Ваську кормить.

С ума сойти! До чего же щедра женщина! И Васька вовремя накормлен будет, а до того она готова еще и старого знакомого угостить своим роскошным теплым телом...

Но как тебе, девочка, объяснить мое сложное настроение? Я безумно польщен тем, как ты приглашаешь меня в свое тело. Да еще в домашнем Эдеме, среди пальм и кактусов. Но ты при этом, сама того не ведая, заберешься ко мне в душу и там останешься. Мой сладко-горький, райско-адский опыт дает веские основания для такого прогноза.

Нет презерватива для души.

А в душе уже нет свободного живого места...

Мою заминку, молчание мое Катя читает мгновенно.

— Вы, Юрий Николаевич, не бойтесь. Я вас насиловать не собираюсь. Нет у меня такой проблемы, чтобы с мужиком перепихнуться. Мне романтики хочется, тонкости чувств, понимаете? Когда созреете, позвоните, пригласите пива выпить, и, пожалуйста, по спине меня снова погладьте. Ладно?

Приближаемся к дому, в первом этаже которого за это время поселился ресторан с баром — сколько же их теперь в городе развелось, не счесть! Знакомый срезанный угол (снаружи дома он скруглен) с входной дверью, а рядом — совсем новая скамейка типа садового дивана, толстой железной цепью прикованная прямо к каменной стене. Катя быстро-быстро стирает помаду с губ бумажным платочком.

— Ну вот и прощаться пора. Чтобы вы не терзались, беру всю ответственность на себя.

И припадает к моему рту, прикрыв глаза. Потом поднимает веки и беспощадно на меня смотрит. Никакой слезной водички в океанах, только солнечные блики.

— До свиданья, невинный вы мой.

И выражение личика победительное, как будто именно такого результата она добивалась. Молодец девка! Это надо же уметь так красиво закруглить встречу, чтобы и самой выйти достойно из ситуации, и партнера не слишком унижить. Вот сейчас она поднимется на нужный этаж, польет родительские цветы и будет ждать, пока созреет ситуация. Не со мной, так с кем-нибудь другим.

А то, что невинным она меня обозвала... Это даже радует. Значит, не совсем еще пошел я по рукам, как ты утверждала. Нельзя сказать, что нет у меня ни стыда, ни совести. Стыд давно потерял, но совесть кое-какая еще осталась.

Захлопнувшаяся за Катей дверь многозначительно глядит на меня квадратиком кодового замка. Все десять цифр в твоём распоряжении, но пора бы уже знать шифр своей единственной жизни...

А девочка все-таки в меня залезла, засела и в морозном воздухе, и в усах моих своим несложным ароматом. «J'adore», кажется. Где-то мы с ним уже встречались.

Вот какая теперь жизнь! Сама нас зовет, но — соответствовать надо...

Говоришь: гарем... Хорош гарем, когда он разбросан по всей стране, а частично и за ее пределами.

Вита теперь в Москве. Могу к ней прикоснуться только посредством телефонной связи. Да и то: телефоном у них управляет дочка, у которой не по годам серьезный и строгий голос. При ней мамочка разговаривает крайне сдержанно и отвечает на вопросы односложно. Если же удастся застать Виту дома одну, то услышу вслед за звонко-высоким «Алло!» глубинное, низко-утробное: «СКУЧАЮ». Без восклицательного знака, с равным напряжением в каждом звуке.

Раньше я это слово прочитывал неправильно. Сам я человек довольно заводной, к скуке не склонный. Подумаешь, скучает она! А теперь понимаю, что в женском языке это «скучаю» столько в себя вмещает... Ничего лучшего женщина тебе сказать не может,

потому что стоит за простым словом или нечто очень хорошее, или что-нибудь уж совсем обалденное. «Скучаю» может означать: «Все-таки я тебя любила». Или: «Тянусь к тебе всей душой». А может подразумевать что-нибудь типа: «Хотела бы сейчас лежать рядом с тобой, обнаженная и расслабленная». И это еще не все варианты.

И главное — я сам постепенно приучаюсь вот так медленно, с кайфом скучать. Старая, мужчина начинает больше походить на женщину. Нет, не в голубом смысле, конечно: надеюсь, повадок кошачьих и манерно-приторного голоса у меня не появилось. Я что имею в виду?.. Как женщины умеют прикасаться к другому человеку душой на большой дистанции, так и я в себе вдруг обнаружил такую — пока что для меня странную — способность.

Раньше я не мог спокойно помечтать о любимой женщине. Потому что при одной мысли о ней сразу кровь приливала: та-та-та-та! Труба зовет, победно уставившись в небо. И если мечта тут же не превратится в реальность, неизбежно испытаешь болезненное ощущение.

А теперь проходит постепенно звериная прыть. Память становится спокойной и нежной. Даже тело собственное ощущаю как зеркало чужих, благосклонных ко мне тел. Вспоминаю, чего касались мои руки, что ложилось ко мне на грудь. Раздеваясь в ванной и обращая взгляд на единственного друга, я мыслен-

но его благодарю: «Спасибо, старик, за твои отважные странствия. Ты был первооткрывателем новых миров, а я уж потом углублял твои поиски внутри больших и малых тел, добирался до бесконечно таинственных душ».

Помнишь, во время первого твоего приезда мы сидели в скверике перед Сенатом и Синодом. Справа от нашей скамейки была спина Медного Всадника, прямо на нас глядела арка, ведущая на Галерную. Ты что-то такое говорила о разлуке. Что, мол, отношения между людьми могут продолжаться годами без встреч и даже после смерти одного из них. Я тогда думал: зачем эта мудреная метафизика, если моя физическая рука лежит на твоём физическом бедре, если наши одетые тела вибрируют взаимно. А ты-то этот разговор не просто так затеяла: предвидела все дальнейшее и его уже осмысливала.

По-настоящему я тебя понял, когда собрал в душе такой вот виртуальный гарем из женских душ. Султан-заочник. Хорошо это, плохо ли — не знаю. Люди талантливые, они душу свою заселяют идеями, проектами общественно значимыми. А я — человек простой, сживаюсь с женщинами и отделаться от них не могу.

Ну что, проведем переключку гарема? Ты у меня за главную, у тебя пожизненный титул первой любовницы, и от тебя готов терпеть любые финты и издева-

тельства. Вита... Ну что тут скажешь? Вита есть Вита, и я ее принимаю такой, какова она есть.

А с Викой не очень ясно. И связи с ней нет теперь никакой, и после всего, что было, остался я в задумчивом недоумении. Как все же эта молчунья с болотными глазками ко мне относится... относилась?.. Ни разу не сказала «люблю», все как-то уклончиво и осторожно, по принципу «Я тоже» в ответ на мои неосторожные речи. Ну, еще однажды, как бы между прочим, процитировала коллегу по театру, которая про нее и про меня сказала: «Вы вдвоем хорошо смотрите». Но это не бог весть что: лично я считаю, что женщина неплохо смотрится в сочетании с любым мужчиной. Только бы не одна оставалась...

Однако... Вспомнилось именно сейчас, как мы летом сидели у нее дома и ели мороженое, шоколадное с вишней. Уже после всего. Подошло время мне уходить, я встал, засобирался. И она вдруг страстно — не столько мне, сколько себе: «Ты сейчас уйдешь, и я буду есть твоей ложкой!» Если такие женские слова на магнитофон записать, то потом она ни на каком суде не оспорится: стопроцентное доказательство любви. Так ведь?

Ладно, какие и кому, собственно, нужны доказательства? Это уж так, последние содрогания мужской гордости. А в целом я спокоен...

Долгими оказались те полтора года, что я с тобой беседую... Но это ведь хорошо, когда в старости бег времени не ускоряется, а замедляется?

Далеко еще до конца света. Далеко даже до следующих Олимпийских игр. И до пенсии мне еще далеко, а потом, глядишь, и возраст пенсионный в России увеличат, разом продлят всем нам молодость. Время не спешит.

Оно все круглее, плавнее, уравновешеннее становится. Ни рывков, ни суетливости, ни скрипа на поворотах. Оно — наше, оно нас понимает. А самое-то главное — что?

Мы все в эти годы любили... Но, значит, любили и нас.

СОДЕРЖАНИЕ

УБИТЬ?	5
Как я пишу (Несколько слов от автора)	7
Пролог. «Меня отравить не так-то легко»	9
Катенин. Женатый и свободный	13
Маша. Добровольная рабыня	29
Потемкин	53
Клара	60
Есть к чему ревновать или нет?	64
Было весело, стало страшно	74
Одиноко... ..	89
Последняя заграница	101
Проглотив обиду... ..	113
Не буду отбиваться от Нелепина	121
Мед и яд	130
Прирученная	140
Не молилась и не буду!	151
Что лучше — знать или не знать?	155
Нечаянное орудие	169
Убили или сама умерла?	181
Теперь-то решено?	195
Может, достать какие-нибудь другие таблетки?	204
Как и чем убивать?	207
Не все бабы дуры?	220
Нет азарта	228
Либо — либо	231
Убить?	237
Эпилог	245
 ЛЮБИТЬ!	 252
Как я пишу (Несколько слов от автора)	255

Слушай...	257
Накануне	264
И тут — приглашение	273
Уж точно не о тебе	277
Это было так красиво	287
Стоп!	292
Итак, шли годы...	294
А я не смог	302
Что это?	307
Дом Петровых	311
Ты — такая взрослая	317
Стена...	323
...И вот сажу	326
Жизнь...	336
День и ночь	344
Вечер	356
Пополам...	358
Чего я хочу?	360
Прилетает Беатриса	369
И ты звонишь...	378
Середина декабря...	382
Однако...	388
Две новости...	401
Весна...	408
Но это я уже потом подумал...	415
Письмо...	421
Между Витой и Викой	430
Она начала ускользать...	434
«Мне лучше будет одной...»	443
Дальше...	455
Давай...	464
Сидит на диване...	472
Жизнь опять...	482

Литературно-художественное издание

Ольга Ильинична Новикова

Убить?

роман

Владимир Иванович Новиков

Любить!

роман

редактор

Татьяна Тимакова

художественный редактор

Валерий Калныньш

верстка

Елена Гаранина

Подписано в печать 27.08.2007.

Формат 70×108¹/₃₂.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,7. Тираж 2000 экз.

Заказ № 665.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

Убить героя — сильный ход в высокой литературной игре. На нем держалась античная трагедия: Клитемнестра закалывает Агамемнона и сама становится жертвой мести. А русский роман сделал феномен убийства предметом философского осмысления.

Ольга Новикова идет по классическому пути, соединяя реальный трагизм с хичкоковским саспенсом. Доказывает, что в наше циничное время действует древний закон совести и возмездия. Если обидчику и не подсыпят яда, жизнь его все равно будет отравлена.

Владимир Новиков

«Любить!» — написал мой муж... У героя, очень на него похожего, жена не от мира сего плюс три любовницы. Автор говорит мне: тебя, дорогая, разделил на четырех героинь, и еще, мол, осталось. Поверить, что он все придумал? Но так достоверно получилось...

Ольга Новикова

ISBN 978-5-9691-0247-7

9 785969 102477